

Александр Конторович

ЧЕРНЫЙ ПРОВОДНИК

Annotation

НОВЫЙ фантастический боевик от автора бестселлеров «Черные бушлаты» и «Черный снег»! Долгожданное продолжение «черного» цикла, задавшего новые стандарты военно-исторической фантастики. Предыстория сверхсекретного Управления В-2, созданного для изучения феномена «попаданцев», а в перспективе — и для корректировки прошлого и будущего.

Что это — дар или проклятие? Способны ли «попаданцы» менять историю или все их подвиги — не более чем булавоочный укол для Вечности? В чем истинное предназначение этих «штрафников времени» и чью вину они искупают своей кровью? Куда исчез легендарный Котов и есть ли шанс, что пропавший без вести воскреснет из мертвых? Раскрывая все карты, этот роман наконец расставляет точки над «и».

От Первой Мировой до Великой Отечественной, от Октябрьского переворота до катастрофы 1941 года, от пограничных боев до спецопераций НКВД против британской, японской и немецкой разведок — сможет ли загадочный ЧЕРНЫЙ ПРОВОДНИК не только проложить путь через кровавые лабиринты истории, но и вывести «попаданцев» из царства мертвых?

-
- [Александр Конторович](#)

-

Александр Конторович

ЧЕРНЫЙ ПРОВОДНИК

Спустившись по лестнице, Марина вышла во двор. Вскинув на плечо тощий вещмешок, огляделась по сторонам. Тихонько шурша шинами по песку, из-за угла здания вывернулась черная машина.

— Ну, что стоим?

Она обернулась.

Бесшумно подошедший майор держал в руке папку с бумагами:

— Правильно смотришь, это за нами приехали. Садись.

Переваливаясь по ухабам, машина двигалась по узкой лесной дороге. Полчаса назад они свернули с более-менее наезженной трассы и с той поры вертелись по неприметным проселкам. Наконец, деревья понемногу расступились в стороны, и впереди появились дома небольшого поселка. Невысокие одноэтажные домики зеленого цвета прятались под кронами деревьев. В разных местах виднелись натоптанные тропки, уводившие куда-то в глубину леса. Чуть в стороне от домов имелась небольшая площадка, уставленная самой разнообразной техникой. Тут были легковые и грузовые автомобили, стоял немецкий бронетранспортер, а в самой глубине площадки на деревянных подпорках расположился фюзеляж «Дугласа».

— Ух, ты! Самолет! — не удержалась Марина от эмоционального возгласа.

— У нас там дальше в лесу даже танк есть, — откликнулся майор с переднего сиденья.

— А зачем это все здесь? И что это вообще за место такое интересное?

— Здесь, Котенок, ты теперь будешь жить.

— В танке?

— Нет, вся эта техника здесь для тренировок стоит. А жить ты будешь в домике. Вон в том, что на углу поселка стоит. Там, кроме тебя, еще три наши девушки живут. Так что скучать тебе не придется. Это не мужской монастырь. Будет с кем вечерами за жизнь поговорить.

— А делать здесь что придется?

— Для начала посмотрим, что ты вообще делать умеешь. А уж от этой печки и попляшем.

Начальником всего этого лесного поселения оказался пожилой подполковник Григорьянц. Звали его Ашотом Семеновичем. Увидев новую обитательницу, он только грустно покачал головой. На его лице ясно читалось, что, с его точки зрения, война — совсем не женское дело. Уже выйдя на улицу, майор вскользь заметил, что подполковник не всегда был таким мрачным и неразговорчивым. Когда-то он являлся душой компании. Любил песни под гитару, на которой сам неплохо играл. Но после того как в самом начале войны случайной бомбой превратило в пыль дом, где жила вся его семья, Григорьянц замкнулся, и более никто не слышал от него шуток и песен.

— Но специалист он знатный, еще увидишь старика в деле. — Гальченко скосил глаза в сторону. — А вон и наши обитатели повылазили. И как только они догадались, что я тебя именно сейчас привезу! У них с утра тренировочный выход был назначен, так они специально пораньше прибежали, чтобы нас встретить. Ну, раз так, пойдем, поздороваемся, не будем обманывать их ожидания.

Обитателей оказалось не так уж и много, чуть более двух десятков человек. Преимущественно молодые ребята, возрастом не старше двадцати пяти лет. Девушек среди них не было. Надо полагать, они занимались каким-то другим делом. Глядя на парней, Марина терялась в догадках, по каким критериям их тут всех отбирали. Явно, что не по росту и не по степени физического развития. Все они были разными и наверняка также и отличались друг от друга по своим способностям. Здороваясь с ними, она пыталась понять, какая изюминка скрыта в каждом из них. Но по первому впечатлению это было сделать достаточно проблематично. Знаков различия ни у кого из них не было, все были одеты в одинаковые темные комбинезоны и на первый взгляд напоминали десантников. Приходилось видеть кинохронику, где их показывали.

Вертя по сторонам головой, Марина старалась запомнить имена своих новых сослуживцев. На первый взгляд выходило не очень.

Бурные разговоры прервал Григорьянц:

— Хорош горланить! В столовой уже полчаса как вас ожидают. Не обижайте девушек, они для вас специально сегодня угощение готовили.

Столовая располагалась в отдельном домике, который был чуть-чуть больше, чем соседние строения. Несколько столов сейчас были составлены вместе.

— Вам сюда, — указал подполковник место во главе стола. — У нас так заведено: каждого вновь прибывшего встречают все вместе.

— А сюда-то меня зачем?

— Чтоб все видели. Каждый на тебя посмотреть сегодня должен. Свое мнение составить. Не завтра послезавтра с кем-то из них тебе вместе на выход идти. Оттого и знать друг друга вы должны куда как лучше, нежели обычные солдаты в обыкновенной роте.

— А как я всех узнаю? Или кто с кем идет, начальство определять будет?

— Начальство, само собой. Да только и ваше мнение всегда учитывается. Ничего, посидите вместе, поговорите, по лесам побегаете — вот друг друга-то и узнаете. Слушай больше, смотри. Потихоньку все сама поймешь. И не думай, что это именно к тебе отношение такое. Новый человек придет — и ты его так встречать будешь. От того, как первый день на новом месте пройдет, тоже много чего зависит.

Так или иначе, а все впечатления от первого дня оказались какими-то раздерганно-суматошными. Ничего конкретного в памяти особо не отложилось. Соседки по дому, вполне компанейские девчонки — Ира и Катя, работавшие в столовой, и симпатичная радистка Маша сразу нашли с Мариной общий язык. Тем более что к тому располагал и скромный уют девичьего обиталища... Домик был неожиданно уютным. Две небольшие спальни и одно помещение побольше, игравшее роль комнаты для посиделок. Стоило вечером собраться в домике всем его обитательницам, как тут же в комнате появился горячий чайник. С кухни притащили несколько удивительно вкусных ватрушек. И если бы не постучавший в дверь суровый подполковник, то эти посиделки свободно могли затянуться почти до рассвета.

После завтрака народ разбежался в разные стороны. Около домика столовой не осталось никого, кроме скучающего Котенка. Правда, скука продолжалась очень недолго: вывернувшийся из-за угла майор кивком позвал ее за собой.

— Ну, милая моя, с чего жить начнем?

— Не знаю. Моя основная специальность — все-таки рация...

— Она от тебя точно никуда не убежит.

Подшли к небольшому дому. Около него прохаживался часовой с автоматом на ремне.

— Здесь у нас штаб. Пойдем, прикинем, что к чему.

Кабинет майора был небольшим и по-спартански простым. Ничего лишнего. В углу стоял массивный сейф, напротив двери — стол и несколько стульев. А у самого окна притулился небольшой шкаф.

— Выбирай место, где сядешь.

Марина огляделась и подтащила к себе ближайший стул.

— Почему здесь? — поинтересовался майор, усаживаясь на свое место.

— Ну... Не напротив двери, стало быть, сумею увидеть того, кто войдет.

— Как ты его разглядишь? Спиной же сидишь.

— Краем глаза могу увидеть. Не очень четко, но движение замечу.

— Угу, — кивнул Гальченко. — Принимается. Еще почему?

— Не напротив окна. С улицы меня видно не будет.

— Тоже годится. А если я сейчас из-за стола на тебя прыгну? Поможет тебе твое место?

— Это как так, товарищ майор? Вам же встать придется. Я и увижу.

— Да? Ну-ну...

И в следующую секунду, не вставая со стула, он перекатился прямо по столу. Выброшенная вперед правая нога резким щелчком снесла стоявший рядом с Котенком стул. Все это произошло настолько быстро и неожиданно, что она почти ничего не успела сделать. Только вскинула руки, защищаясь.

— Вот так, Котенок, — довольно пробурчал хозяин кабинета, возвращаясь на свое место.

— Понятно теперь, отчего у вас на столе ничего нет. Иначе как бы вы по нему катались?

— Соображаешь. Ценю. А отчего на месте осталась? Другие, вон, вскакивали.

— Не успела.

— Не врешь. И это хорошо, что не врешь. Тут мне такие, бывалоча, сказки рассказывали... И прыжок-де мой просчитали, и много еще чего другого. Только такие сказочники здесь долго не задерживались. В нашем деле главное — себе не врать. Это других можно сколько угодно дурить да лапшу на уши вешать, про свои великие таланты рассказывая. А самому себе сказки придумывать незачем. Не ровен час, поверишь. И тогда финиш — спекся. Не допрыгнешь или не добежишь. Ладно, кое-что мне уже понятно. Распорядок у тебя теперь будет такой. С утра и до обеда с тобой заниматься буду я. После обеда и до отбоя — Петр Степанович. Он у нас человек разносторонний и непредсказуемый. Даже я не всегда могу предположить, что он в следующий момент придумает. А уж худо-бедно три года знакомы.

Стрельбище оказалось в пятистах метрах от поселка. Представляло оно собой несколько обвалованных параллельных углублений, на дне которых были расставлены самые разнообразные мишени. В воздухе сухо

пощелкивали выстрелы. Поблизости кто-то тренировался.

— С какого ствола начнем? Предпочтения есть какие-нибудь? — поинтересовался майор.

— Мне наган привычен, «ТТ», из маленького «вальтера» стрелять приходилось.

— Ну, наган — понятно. «ТТ» — машинка точная, но не по твоей руке.

— Отчего же? Я же из него стреляла.

Гальченко хмыкнул и повернулся к стоявшему рядом красноармейцу:

— Сбегай-ка к оружейнику и притащи сюда «браунинги» первый и второй номер. «Парабеллум», обычный наган захвати. А тэтэшник у меня и свой есть.

Боец отдал честь и убежал. Майор вытащил оружие:

— Держи! — И в воздухе мелькнул пистолет.

Шагнув вбок, Марина поймала «ТТ». Гальченко удовлетворенно кивнул.

— Вон там мишень. Попади.

— Куда именно?

— Вообще в мишень. Хоть куда-нибудь. Стреляй быстро, так, как сможешь.

Повернувшись лицом к мишени, Котенок передернула затвор и вскинула оружие. Левая рука привычно легла снизу, поддерживая рукоятку. Выдох — оружие взметнулось вверх.

Бах! Бах! Бах!

Зачастили выстрелы. Щелкнул затвор, вставая на задержку. Она положила пистолет на стоявший рядом стол и обернулась.

— Ну-ну, — кивнул стоящий сбоку майор. — Для начала неплохо, пойдем поглядим, куда попала...

Из восьми выстрелов в мишень пришло шесть пуль. Легли они с сильным разбросом по вертикали.

— Ну, что я могу тебе сказать... На пистолет посмотри.

Марина оглядела пистолет. Ничего особенного. Недоуменно повернулась к своему инструктору:

— Обычный вроде пистолет.

— Мушка.

«А что у нас с мушкой? На месте вроде бы... Только какая-то она низкая...»

— Вроде как пониже она, чем должна быть.

— Правильно мыслишь. Если б ты стреляла как положено, то все твои пули куда-нибудь в лес и улетели бы. Для горизонтальной наводки даже

подпиленная мушка подойдет — здесь ты верно все сделала. А вот вверх-вниз по такой целиться — все пули в «молоко» уйдут.

— Это что же значит, товарищ майор? Я как-то неправильно стреляю? Но меня так учили.

— Манзырев, что ли, учил?

— Он самый.

— Стало быть, учил он тебя правильно. Оружие — оно ведь не всегда своим и знакомым бывает. Пистолет и трофейным может оказаться. Хозяин его разными фантазиями страдать может. Может, он криворукий или кривоглазый. И под себя ствол соответственно переделывает. А человек, с этими особенностями не знакомый, будет из такого оружия стрелять, как из своего собственного. И попадет... соответственно. Я вот по секундомеру засек, ты на восемь выстрелов одиннадцать секунд потратила.

— Это хорошо или плохо?

— Хорошо в том смысле, что ты своим внутренним ощущениям доверяешь. Мишень не выцеливаешь. Стало быть, есть у тебя чувства, стрелку необходимые. Плохо — в том смысле, что доверяешь ты себе еще не полностью. Слишком много времени у тебя на выстрел уходит.

— А сколько надо?

Гальченко хмыкнул и пошел к мишени. Подобрал с земли валявшиеся в разных местах обрубки поленьев. Все они были приблизительно одинакового размера и одного диаметра. Расставил их на земле и вернулся назад. Поднял со стола пистолет и вставил новый магазин. Передёрнул затвор.

Плавное повернулся в сторону мишени, одновременно с поворотом вскидывая оружие вверх.

К-р-р-р!

Выстрелы протрещали одной короткой очередью — как из автомата.

— Ну, примерно так...

Котенок посмотрела на разлетевшиеся в разные стороны чурбачки. Последний из них еще катился.

— Ничего себе... Это за сколько ж вы так?

— Если по науке, то положено за шесть секунд. Правда, дистанция в этом случае должна быть поменьше. Секунд за восемь, наверное, уложился.

— Да-а...

— И все-таки, Марина, «ТТ» — это не твой ствол.

— Почему? Я же попала.

— У этого пистолета отдача резкая, патрон сильный. Тебя при выстреле ощутимо отдачей толкает, руки подбрасывает. Сама ты этого не

замечаешь, а мне со стороны видно. Когда с места стреляешь, оно еще вроде бы и ничего. Тело потихонечку приспосабливается и эти неудобства компенсирует. А вот ежели с ходу стрелять начнешь... Тут уже совсем другие вещи выходить будут.

Она с сомнением посмотрела на пистолет:

— Но... дядя Саша про это мне ничего не говорил...

— Это Манзырев-то? Да, хотел бы и я с ним потолковать... А из какого оружия он тебя стрелять учил?

— Из нагана. Маленький «вальтер» был, но его потом пулями покорежило...

— Ага! Правильно мужик мыслил! Вот мы сейчас это и проверим...

Спустившийся к столу красноармеец разложил на нем принесенное оружие, получил от майора новое задание и, коротко кивнув, убежал.

— Так! Держи-ка... — В руке Гальченко появился большой пистолет с косо поставленной рукояткой. — Знакомая машинка?

— Немецкий это, я у них видела.

— Точно! Пистолет Борхардта-Люгера, был принят на вооружение еще в мировую войну! С тех пор, конечно, много воды утекло, модернизировали его неоднократно... но в целом все то же самое осталось. Посмотрим, как у тебя руки к нему привыкнут...

Незнакомое оружие уверенно легло в руку. На первых порах трудно было привыкнуть к непривычному механизму перезаряжания, но потом природное упрямство взяло верх, девушка освоилась и уже более-менее уверенно отстреляла пяток магазинов.

Инструктор задумчиво пожевал губами и присел на корточки возле мишени.

— Угу... ну, вот тут результаты уже интереснее... Разброс меньше стал... В принципе для работы машинка подходящая... разве что... — Он с сомнением оглядел тонкую фигурку девушки. — Нет! Тяжеловат он для тебя!

В следующие два часа они перепробовали еще несколько пистолетов, и каждый раз Гальченко находил что-то, что ему не нравилось.

Сделали перерыв, после чего занятия пошли по новой. Майор заставлял ее вскидывать руку с оружием, резко поворачиваться и приседать.

Солдат то и дело приносил на рубеж новые пистолеты и револьверы. Наконец майор удовлетворенно кивнул:

— Ну, вот... это уже на что-то похоже...

На столе перед ними лежал какой-то странный, укороченный наган.

— Это, Котенок, «жандарм». А точнее — револьвер наган,

укороченный вариант. Сделана такая штучка специально для скрытого ношения и использования в оперативных целях. И под твою лапку она будет самый раз! Ну-ка...

Револьвер действительно лег в ладонь, как влитой. Инструктор одобрительно похмыкал:

— Давай, резко повернись и руку вскинь! Так! И еще раз! Вот смотри — оружие у тебя никуда дальше не вылетает, и инерцией его не забрасывает. Что это значит?

— И что же?

— А то, дорогая моя, что вес этого ствола очень точно сочетается с твоей мускулатурой. Быстро ты его чувствуешь и легко управляешься. Нет, стрелять-то ты у меня из всякого оружия будешь, до пулемета включительно! Но штатным, личным твоим стволом будет теперь этот револьвер. Точнее — два револьвера. Для начала. Потом тебе еще пистолеты по руке подберем. Ибо будешь ты стрелять с двух рук!

— А смогу?

— Пробовала раньше?

— Пару раз... но так, не очень вышло. Времени не было.

— Научишься, это дело наживное. Ладно, у нас обед на носу, так что давай, сворачиваем манатки и пошли на перекус.

Сытный обед провалился в желудок почти мгновенно. Даже в сон слегка потянуло. Так и хотелось присесть на солнышке и подремать — ну, хоть чуточку! Увы... не вышло.

— Ну, дорогуша, присаживайся! — Новый преподаватель оказался уже совсем пожилым дядькой с седыми волосами и такими же усами. Роста он был невысокого, худощавый и какой-то сонный.

«Странно, — думала Марина, разглядывая его, — что же в нём такого непредсказуемого? Обычный дядька... даже, скорее, дедушка...»

— И каким ветром занесло тебя, моя красавица, в наше чертово гнездо? — любопытствовал дедок.

— Так, перевели... вот и всё...

— Э-э-э, нет, голуба! Сюда просто так не попадают! Какое-то выдающееся злодейство совершить надобно! — назидательно поднял вверх палец седоусый.

— Да ладно тебе, Степаныч! — укоризненно проворчал майор, сопровождавший её в этот неприметный домик. — Совсем бедную девушку в краску вгонишь! Будет теперь думать о нас неведомо что!

— И-и-и... про тебя самого, сколько ни думай, а и половину твоих

художеств измыслить не выйдет! — отмахнулся тот. — Не смотри, дорогуша, что он такой тихий да обходительный! Тот ещё фрукт, ты уж мне поверь!

Майор только головою покачал. Видно было, что они оба уже давно привыкли к таким вот дружеским подколкам, как-то не соответствовавшим обычному армейскому стилю.

— Ладно... — проворчал Степаныч. — Делать нечего... Попала нога в колесо — пищи, а беги! Будем с тобой работать...

Он прошёлся по импровизированному учебному классу, достаточно большому, но плотно заставленному какими-то непонятными из-за скрывавших их чехлов предметами обстановки.

— Вот скажи мне, дорогуша, — произнес седоусый, останавливаясь напротив неё. — Представь себе — ты в тылу врага. Оружия нет, и вообще всякие смертоубийственные штуки применять нельзя. У тебя с собою вот эта папка.

На стол легла небольшая коричневая папка для бумаг.

— Времени у тебя — две минуты. Потом здесь устроят обыск. Твоя задача — спрятать папку с её содержимым так, чтобы противник её не нашёл. Понятно?

— Спрятать надо здесь?

— Именно так. Сейчас мы из комнаты выйдем, и можешь начинать. Запомни — две минуты!

«Они вышли, стало быть, времени совсем мало! Куда прячем? Самое логичное — под брезент. Так? Не так — это и для них самое логичное место. Стол? Закрыт. Куда же?» — Девушка обежала глазами комнату. — «Шкаф? Отпадает... слишком очевидно. А в папке что? Бумаги... так, минута уже долой! Черт возьми, но ведь какое-то решение должно же быть? Ещё раз... столы, шкаф, стулья... потолок? Там идут какие-то короба... Нет. Время! Совсем уже не осталось! Ну же!»

Стукнула дверь.

Марина стояла посередине комнаты, прижав руки к груди.

— Ну как?

Она кивнула:

— Да... я спрятала.

Степаныч остановился на пороге и внимательно осмотрел комнату:

— Чехлы не тронуты — молодец! Шкаф? — Он подошел поближе и окинул его внимательным взглядом. — Нет, дверцы не открывались...

— А как вы это поняли, товарищ инструктор?

— По имени-отчеству меня зови... Иди сюда, — поманил он её рукой. — Присядь. Видишь?

Под дверцу шкафа были засунуты совершенно незаметные сверху обломки спичек.

— Открой ты дверцу — они и попадали бы.

— Хитро придумано, Петр Степанович!

— А то ж! Не одному человеку такие вот мелочи жизнь спасали! — усмехнулся в усы довольный преподаватель. — Ладно, давай дальше глядеть.

Он шёл по комнате, показывая своей ученице малозаметные для глаза мелочи, по которым он определял нетронутость тех или иных предметов, тыча пальцем во всевозможные ухоронки, объяснял их преимущества или недостатки.

Осмотрев комнату, удивленно приподнял бровь. Сидящий боком на столе Гальченко болтал ногами и насвистывал какую-то мелодию, ехидно косясь на своего товарища.

— Хм! А ты хитрая девушка! — уважительно наклонил голову инструктор. — Да-а... не ищешь проторенных путей...

Остановившись посередине комнаты, он неторопливо стал поворачиваться вокруг. Довольно хмыкнул. Подойдя к своему стулу, сунул под него ладонь.

— Опа! — жестом фокусника предъявил он майору папку.

— Девятнадцать минут! — глянул тот на часы. — Неплохо!

— Товарищ майор, — осмелела девушка, — а вы в папку загляните...

Гальченко прыгнул со стола и взял из рук инструктора папку. Открыл:

— Хм! А бумаги где?

Улыбнувшись, девушка развела руками:

— У меня нет. Вы же сказали — спрятать.

— Что скажешь, старый? — повернулся он к Степанычу. — Объехали тебя?

— Щас... — буркнул тот. — Не дождётесь...

Он снова возобновил свои поиски, на этот раз передвигаясь более медленно. Пройдя уже половину комнаты, вдруг остановился. О чём-то задумался и, подойдя к Марине, взял её за руки. Поднес её пальцы к глазам, всмотрелся:

— Ах ты, хитровунья!

Отпустил руки и снова окинул взглядом помещение. Вернулся к столу и провел руками по сиденью стула... по спинке...

— Вот! — вытащил он из-под дерматиона спинки пачку бумаги. — Ну

ты и ловкая!

— А... как вы догадались? — схватилась за подбородок девушка.

— У тебя ноготь сломан — ткань оттягивала, чтобы бумаги запихнуть, — пояснил инструктор. — А в кабинете таких мест мало — всего два. Обивка у картины — той, что на стене висит. И спинка стула — она дерматиновая, внутрь засунуть что-то можно. Больше некуда спрятать. В сиденье стула ещё можно запихать, но его пока разберешь...

— Ну, молодец! — похлопал в ладоши майор. — Не совсем правильно, но дело не в этом.

— А в чём, товарищ майор?

— Цель у этого задания одна — выявить, можешь ли ты мыслить быстро, а главное — нестандартно.

— И как... — голос у Марины погрузнел.

— Степаныч! Что скажешь?

— Может. И даже очень может! Чтоб меня, старого воробья, да на мякине провести... тут мало у кого такая соображалка выросла. А у тебя — растёт понемногу! Так что, дорогуша, быть тебе у меня частым гостем, уж не обессудь! — хищно потёр ладони старый инструктор.

Уже выйдя на улицу, Марина повернулась к Гальченко:

— Товарищ майор, а зачем вот это всё? Ну, я понимаю — стрелять учиться нужно. Радиодело знать — так это само собой. А вот эти штуки непонятные... нет, оно тоже, наверное, зачем-то нужно! Только не понимаю я этого...

— Хм... Ладно, надо было это сразу сказать. Садись! — указал он ей на небольшую скамейку справа от дорожки. — Ты вообще что себе думаешь — куда попала?

— Ну... часть какая-то специальная. Раньше я в разведке числилась, но там такого не было. Наверное, что-то ещё более серьёзное?

— И намного более! Значит, слушай сюда! — прихлопнул он ладонью по колену. — Для всего окружающего мира, для любого другого человека или военнослужащего всякий, работающий здесь сотрудник принадлежит к Управлению Особых отделов. И проявлять излишний интерес к нашей деятельности никому не рекомендуется. Понятно? Впрочем, я и сам с трудом себе представляю такого вот любопытного товарища...

— Это что же, диверсантов теперь ловить придется?

— И их тоже. Но это всё для окружающих, дабы не слишком свой нос совали, куда не надо. На самом деле, дорогая ты моя, задачи наши несколько более обширные. Ты на своих сослуживцев посмотрела?

— Да, товарищ майор.

— И что увидела?

— Да... разные они все. Я-то думала, что в специальную часть отбирают людей по каким-то особенным признакам или способностям...

— Нашла такие?

— Нет. Ничего особенного не увидела.

— А это потому, что таких признаков, во всяком случае — внешних, ни у кого из них нет. Да и ты сама — что, сильно от окружающих отличаешься?

— С чего бы это вдруг? — удивилась девушка. — Две руки, две ноги, голова — всё как у людей!

— Правильно! А отличия все — в голове, вернее, в её содержимом. Все люди, Котенок, разные. Но вот некоторые из них чуть-чуть по-другому мыслят, немного иначе на разные вещи реагируют... Я не спорю, любого человека можно научить сверхметкой стрельбе или сделать из него мастера по борьбе — дай только время. Но один к этому придёт за десять лет, а другой — за год. Разница есть?

— Есть, конечно!

— В идеале нам бы всех солдат таким вот фокусам научить... Но, увы — нет у нас столько времени. Да и сил таких, откровенно говоря, тоже нет. Вот на меня посмотри — сколько лет я, по-твоему, такими вот штуками занимаюсь?

«На вид ему... лет сорок или даже больше. Ну, допустим, в армию он, как и все, пошел в восемнадцать лет... Это выходит — в Гражданскую ещё? Да, пожалуй... А тогда таких бойцов готовили? Наверное... Хотя вряд ли, их теперь много было бы! И в Испании, наверное, такие люди воевали бы. А про это не писали тогда! Впрочем, возможно, потому, что секретно всё это, вот и не пишут ничего про подобные вещи», — промелькнуло в голове у девушки.

— Ну... лет двадцать, наверное. Так?

— С тринадцатого года. А Петр Степанович — так ещё и дольше. Вот и посуди — есть ли у нас сейчас столько времени, чтобы таких специалистов готовить?

«С тринадцатого? Это с кем же он тогда воевал? После семнадцатого понятно — с белыми, иначе сейчас за границей прятался бы. А в эти четыре года — с кем? Неужто он из подпольщиков ещё?» — подумала Марина, а вслух ответила первое же, что только пришло на язык:

— Нет. Война же!

— Да и без войны эта задачка сверхсложная. Словом, нашлись умные

люди да поставили этот вопрос ребром! Отчего один человек все быстро схватывает, а второй тормозит? Стали искать людей, что к быстрому обучению способны. Нашли таких. Мало — но нашли. Начали соображать — что у них всех общего?

— И что же?

— Это тоже скоро поняли. Выделили признаки, по которым людей подобных выявить можно, стали уже более серьезно к таким задачам подходить. Выяснилось, что человек такой не только быстро всё схватывает, он ещё и работает быстро. И мыслит нестандартно.

— Как?

— Не заученно. То есть в каждом конкретном случае выбирает наиболее подходящий вариант действия. Вот как сейчас — с папкой! Её по-разному все прятали, а вот документы вытащить — ты первая сообразила.

— И что, всегда её находили?

— Один раз не нашли. Есть у нас в группе такой парень — Паша, познакомишься ещё с ним, так он ухитрился ее на днище шкафа присобачить. Загнал в щелки спички да на них укрепил папку.

— Здорово! Я и не додумалась даже!

— Зато ты документы спрятала! Ладно, отвлеклись мы что-то... Так вот, Марина, место, куда ты попала, и есть такой центр обучения и подготовки. И задача твоя сейчас в том состоит, чтобы проявить свои способности во всей красе! А от этого и будет зависеть, куда тебя потом направят. Выпускники наши в разведке работают, шпионов ловят, диверсанты среди наших ребят есть, да и всякие прочие специалисты тоже присутствуют. Во время учебы у всех таланты скрытые по-разному открываются. Вот и на тебя поглядим — к чему ты лучше подготовлена?

— Понятно...

— Завтра получишь новые документы. Там будет написано, что их владелец проходит службу в УОО НКВД.

— А на самом деле?

— Вот любопытная какая! А тебе зачем это знать?

— Меня же сюда не в куклы играть привезли?

— Хм! Что называется — ловко ушла от ответа... — Майор усмехнулся: — Ладно! Всё равно подписку давать будешь о неразглашении. Эта часть — учебный центр Управления «В» НКВД СССР. А ты отныне — сотрудник этого Управления.

— Надо же... Я — и в НКВД? Даже удивительно...

— Чего ж тут такого удивительного? Не боги горшки обжигают...

Марина с удивлением посмотрела на майора. Чекист, а про богов

вспоминает! Хотя они тут все какие-то странные и непривычные. Вполне возможно, что и не такие ещё вещи увидать предстоит...

До вечера ей пришлось бегать по различным строениям маленького городка. На оружейном складе усатый старшина выдал два «жандарма» и несколько пачек патронов. На вещевом — навалили целую гору всевозможного снаряжения, состоявшего из самых разнообразных предметов, о некоторых из них она ранее даже и не слышала. Последний на сегодня визит состоялся в медпункт. Врач, самым тщательным образом осмотрев Марину и подробно записав результаты осмотра, приказал прийти ещё раз через неделю. Совершенно ошеломленная всеми впечатлениями сегодняшнего дня, она ночью спала как убитая.

Новый инструктор удивил Марину. Он расслабленно сидел у опушки обширной поляны, глядя куда-то вдаль, при этом держал в левой руке дымящуюся папиросу, а правой слегка постукивал себя длинным ивовым прутиком по кирзовому ботинку. Его папироса почти погасла, а он, казалось, просто грелся в лучах весеннего солнца и был так погружен в это занятие, что не замечал ничего вокруг.

Один из курсантов вежливо кашлянул, пытаясь привлечь к себе внимание инструктора. Сидящий неторопливо открыл глаза и плавно повернул свое лицо к пришедшим, явив им свои густые усы и аккуратно подстриженную бородку, обильно тронутые сединой.

— Собрались... — не то вопросительно, не то утвердительно произнес он.

— Так точно, товарищ... инструктор, — за всех отозвался высокий Виктор, стоявший подле Марины.

— Это хорошо!

Инструктор встал, оправил гимнастерку на своем слегка обозначившемся животике. Бросилось в глаза то, что одежда его военного покроя, но никаких знаков отличия на ней не имелось. Отсутствовал и головной убор.

— Будем знакомы! Михаил Владимирович! — Он слегка склонил голову, выдав этим то, что воспитание получал еще при прежней власти. — Правда, все курсанты зовут меня дедушкой, что в целом соответствует истине, так как внуков я имею.

Это было сказано так, что Марине захотелось сделать реверанс.

— Моя задача — сделать из вас «мусорщиков».

— Кого-кого? — вырвалось у кого-то в задних рядах.

— Мусорщиков! То есть людей, которые умеют всегда и везде

находить и при необходимости убирать со своего пути мусор. А что есть мусор? — неожиданно обратился он к стоящему впереди всех широкоплечему курсанту с азиатской внешностью.

— Ну, наверное, что-то старое, протухшее, сломанное, ненужное...

— А вы как считаете, мадмуазель? — перенес дед свой взгляд на Марину.

— Я думаю, что мусор — это то, что валяется не на своем месте.

— Вот, — радостно подтвердил дед и поднял вверх указательный палец. — Лежит под лавкой кот!

Он обвел всех торжествующим взглядом.

— А мусор — именно, что валяется, причём не на месте! То есть там, где его быть не должно, — напирая на первый слог, констатировал он. — Валяется, где его быть не должно и, стало быть, мешает! Так-то! А что есть мусор на поляне, что перед вами расположена?

— Ну, железки всякие, бумага!

— Именно так! А еще сломанные палки, особенно крупные, место которым в густом лесу между деревьев и которые никак не растут на этой поляне, а еще бечевки, тряпки, проволока и оставленные кем-то предметы... То есть все, что на этой поляне само по себе вырасти никак не могло и от ветра прилететь сюда тоже никак ни способно. Но учтите, наш мусор, — упирая на слово «наш», подчеркнул он, — сам по себе в глаза не бросается. Он бывает часто скрыт, спрятан, умело замаскирован вражьей рукой!

— А для чего нам все это?

— Во-первых, ваше внимание это тренирует, а во-вторых, от этого впоследствии частенько жизнь ваша зависеть будет. Ведь мусор мусору рознь! Так-то!

Дед сделал паузу, обедя всех своим внимательным взглядом.

— Вот не так давно под Выборгом один офицер, — неожиданно для всех употребил он старорежимное слово, — нашел в снегу возле тропинки закупоренную фляжку и цапнул ее всею пятерней...

При этих словах некоторые из присутствующих ощутили во рту сухость.

— Пить, видите ли, ему захотелось. — Сапер опять сделал длинную паузу, обедя всех пристальным взглядом, и внезапно отрезал: — Ну, так впредь будет свою жажду укрощать! Оторвало ему всю его цапку! Так-то!

Инструктор достал из кармана белую пачку каких-то явно иностранных папирос и, вытащив одну, дунул в нее и зажал уголком рта. Этот жест вызвал встречное движение некоторых курсантов, торопившихся

достать свои коробки со спичками.

— Не надо спешить делать добро, если вас об этом не просят. — Дед жестом остановил инициативу снизу и продолжил почти без паузы: — А теперь поглядите внимательно перед собой. На эту опушку и полянку, что лежат перед вами! Что-то необычное видите или все хорошо?

— Вон там банка в траве валяется!

— А там трава примята!

— И слева трава какая-то пожухлая!

— А вон, я вижу, колышек из травы торчит!

— Колышек, говорите, — неожиданно оживился инструктор, до того только молча кивавший в ответ на каждый возглас. — А чем нам с вами этот колышек помешать может? Скажем, вот такой!

Неожиданно в его руке, словно сам по себе, возник небольшой колышек.

Все внимательно посмотрели на этот заостренный с одной стороны кусочек дерева, сантиметров двадцати — двадцати пяти в длину.

— Споткнуться об него можно, — насмешливо произнес круглолицый курсант Кашин, отличавшийся своим ироничным отношением ко всему окружающему.

— Можно, только вот одного колышка для этого маловато будет, — неожиданно миролюбиво отозвался дед. — А как еще?

— Ну, наверное, можно заострить его с двух сторон. Напорешься — ногу повредишь.

— Может, и повредишь, но если на ноге сапог или ботинок — толку от этого мало. Хотя подобные ловушки применяются и сегодня. Они от папуасов пошли, но если на ноге ботинки, то надо сделать так, чтобы противник ткнулся в них не ногой, а рукой, а лучше так прямо и лицом своим, так? А что для этого надо? Чтобы он с размаха полетел, так? Как этого добиться?

— Наверное, можно воткнуть два колышка и связать их веревочкой, — неуверенно протянул кто-то на левом фланге.

— Верно! Но лучше всего сделать из проволочки петельку, а уж ее как следует привязать к колышку который загнать в землю под самый корень!

Пока Михаил Владимирович рассказывал об этой ловушке, его руки жили, будто сами по себе, и Котенок с удивлением наблюдала, как в его руках, словно по мановению волшебной палочки, образовалась самозатягивающаяся петелька из тонкой черной проволоки, свободный конец которой тут же крепко накрутился на колышек. И почти одновременно с последними словами мастера все сооружение было

вогнано каблуком в землю как раз «по самый корень».

— Вот видите, — переводя дух, продолжал дед, расправляя петельку над травой. — Теперь если кто-то пойдет отсюда туда и угодит ногой в петлю, то... Что с ним случится?

— Может брякнуться со всего размаху.

— А куда?

— Точнехонько вот тут и растянется!

— Хорошо! Значит, если мы вот тут, тут и тут — на уровне его груди и головы натыкаем обоюдоострых колышков, то мало ему не покажется, верно?

— Так точно! — оживился личный состав. Воистину, перспектива сделать очередную бяку противнику воодушевляла всех лучше, чем вечерний компот в столовой.

— А зимою это лучшая засада против лыжников-связистов, что бегают с донесениями по проложенной лыжне! Только колышек зимой надо брать чуть подлиннее и потолще. Вбивать его в лыжню надо, на спуске где-нибудь. Водичкой из фляги полить и сам колышек, и место, куда пациенту падать предстоит. Вот лыжник-то со всей дури носом землю и боднёт! Тут его и бери тепленького. Так что и папуасы, как видите, нас много чему еще научить могут! Вот вам и мина без капли взрывчатки!

Курсанты оживленно загалдели, обсуждая перспективы устройства подобных ловушек.

— А теперь давайте обратно на нашу полянку глянем, — прервал Михаил Владимирович оживленное обсуждение курсантов и обернулся к поляне. — Задача у нас простая. Пройти через оную поляну вон туда, в дальний угол, к толстой кривой березе. Матчасть подрывного дела, судя по итогам зачетов, вы все неплохо изучили.

— Так точно!

— Эх, не я у вас тот зачёт принимал... — Дед недобро прищурился. — Ладно... Настало время ваши теоретические знания употребить на практике.

Инструктор опять сделал длинную паузу и обвел курсантов своим изучающим взглядом.

— Напомните-ка мне, — неожиданно обратился он к Кашину, с лица которого не сходило насмешливо-ироничное выражение, — с чем мы можем тут встретиться?

— Противопехотные мины немецкой армии S-35 шрапнельные выпрыгивающего типа, при разрыве на высоте 60–80 см от поверхности земли поражают личный состав на расстоянии 15–20 метров готовыми

пулями шарообразной формы. Кроме того, немецкие саперы могут изготавливать минные заграждения на основании стандартных подрывных зарядов массой 200–500 граммов, противопехотных гранат М-24 и М-39, оснащенных минными взрывателями. В зависимости от задачи подрывные заряды и противопехотные гранаты могут быть установлены как инженерные мины натяжного и нажимного действия, что определяется типом поставленного в мину взрывателя! — четко, как по писаному отбарабанил тот.

— Верно! И какие же взрыватели мы можем встретить здесь?

— Взрыватели натяжного действия ZZ 35, взрыватели нажимного действия DZ 35, или SMiZ 35, — отчеканил Кашин, и на его лице опять проступила насмешка.

— И никаких больше??

— Никаких!

— Никаких, говоришь? А ну-ка, подай мне мой ранец. — Инструктор опять сел на облюбованный пенек, запустив руки во внутреннее отделение трофейного пехотного ранца с рыжим мохнатым верхом.

Все, как зачарованные, следили за его манипуляциями.

— Вот скажи мне, мил друг, что это такое. — Он протянул на раскрытой ладони что-то алюминиевое, похожее на гномика в широкополой шляпе.

Кашин внимательно разглядел изделие.

— Не знаю. Могу предположить, что что-то нажимного действия, но что это — точно не скажу!

— Никаких, говоришь? А про трофейные взрыватели ты забыл? Немцы ведь пол-Европы захватили. А в тридцать девятом у друзей-финнов и с ихним финским разнообразием познакомились — про это опять же не подумал. Ну, ладно, за знания матчасти хвалю, а в наказание за отсутствие соображаловки для первого раза обойдемся профилактикой. Поройся у меня в том, что лежит в ранце, и оснасти-ка три мины тремя разными взрывателями, о которых мне только что рассказал. И установи их, пожалуй, — он оглянулся, — вон там позади у кустика, что возле тропинки. Но поаккуратнее! Все капсули, и воспламенители, и детонаторы, боевые. Так что нескольких пальцев при неаккуратной работе лишиться можешь! Вперед!

Подхватив ранец, курсант потопал в указанном направлении.

— Так-то, голуби мои, — обернулся дед к остальным, которые словно замерли. — А мы с вами давайте вернемся к нашей задаче. Щупом пользоваться умеете?

— Так точно!

— Ну, щупа у меня нет, будем использовать подручные средства. — Михаил Владимирович срезал недлинную палку, к которой прикрутил штык от «трехлинейки». — Кто первым пойдет?

— Я! — вызвался Виктор, который буквально глазами ел пучок травы, возле которого виднелась консервная банка.

— Держи! — Инструктор протянул ему свой щуп.

Виктор уверенно кивнул, не глядя, ухватил громадной лапой палку со штыком и решительно направился к поляне.

— Бах! — раздалось откуда-то справа, и дружно залегших курсантов обсыпало чем-то белым из разорванной консервной банки, спрятанной под кустом в полутора метрах от них.

— Куда же ты, милый, полетел, как олень на олениху во время гона? А под ноги кто смотреть будет?

Все невольно перевели взгляд под ноги и заметили там тоненькую проволочку, что кольцами покатывалась вдоль фронта.

— Сработала мина натяжного действия. Прототип — финская трубчатая осколочная мина образца тридцать пятого года. Радиус поражения — пять метров. А вы почти все, как бараны, стадом стояли! Так что все, кто попал под действие мины, выведены из строя. У нас ее имитировала банка с взрывпакетом, усиленным песком пополам с зубным порошком. А ежели бы тут было две буровые шашки тротила и толстостенная стальная трубка, то все, кто стоит правее меня, были бы убиты либо ранены. Кто в живых остался? — Он обратил взгляд налево, где сиротливо замерла Марина. — Одна ты живая, что ли?

— Так точно! Курсант Барсова готова к выполнению задания!

— Барсова, говоришь... Ну, стало быть, тебе единственной сегодня этот маршрут и проходить! Так что бери щуп и вперед, пантера ты наша! Так-то!

Инструктор забрал щуп из руки условно убитого Виктора и жестом подозвал Марину:

— По времени я тебя не ограничиваю, но учти! Некоторые свои мины я оснастил небольшими буровыми толовыми шашками. А сколько такая шашка весит?

— Семьдесят пять граммов, — автоматически ответила девушка, протягивая руку за щупом и чувствуя, как ее наполняет какое-то волнение.

— Ну, дак я их упополамил, не бойся, но чесночный запахок тола и бубум по ушам ты получишь как по нотам, если не будешь аккуратной. Оболочки у них нет, так что осколков не опасайся. Но головою прикинь —

что с тобою станет, ежели такая шашка неподалёку от тебя жахнет. Правда, счастье твое, в особенно опасных местах и их нет — только детонаторы. Но, где что... — развел он руками, — сразу не скажешь, так что — бойся!

В шеренге «пораженных» сочувственно вздохнули.

— Нечего мне тут вздыхать, убитые! Вы сами свое счастье упустили. Так пусть хоть девочка его испытает! Так-то!

«Убитые» подавленно замолчали. Назвать разрыв под ногою «счастьем»...

— А ты, девонька, не менжуйся. Главное запомни! Дальноркость вам всем еще долго, ой как долго не понадобится. Ты теперь глядеть будешь не дальше двух шагов перед собой... И по бокам... Да на полметра под землю, не меньше! Понятно? Вдоль опушки я посадил мины по немецким наставлениям, а вот дальше... пойдут уже мои художества. С ними будет потруднее! Так что не спеши. Тише едешь, дальше будешь! По времени тебя не ограничиваю. Твоя задача — отмаркировать мины, которые найдешь. По твоим следам пойдет группа. Подрывать тебе категорически запрещаю! Так-то!

Марина взяла щуп в правую руку и покачала им. Увесистый. Потом оглядела землю перед ногами. Не спеша сделала небольшой шаг вперед. Тихо!

Как там дядя Саша говорил? «Думай за врага, поставь себя на его место. И где это место?»

Она оглядела свой предполагаемый маршрут, потом опять перевела взгляд на землю перед собой.

Трава... такая изумрудно-зеленая. Недавно вылезла, ну и неудивительно — апрель на дворе. Ещё и снег в лесу встретить можно... Трава мелкая и нежная. Про пожухлость прежний инструктор говорил, стало быть, как там насчет ее свежести? Но раз про это он упомянул, то и использовать этот фокус не станет. А почему, кстати говоря? Потому ли, что это слишком очевидно? Михаил Владимирович — старый спец, тогда, говорят, всякие штуки хитрые изобретали. Нет уж, смотрим в оба!

Первый пожухлый прямоугольничек размером с носовой платок обнаружился совсем рядом — метрах в двух от начала маршрута. Чуть заметно поникшие травинки почти не выделялись на общем фоне. Чуть левее, примерно в метре, виднелся такой же островок. Щуп уткнулся во что-то твердое. Отложив его в сторону, Марина ножом срезала веточку с ближнего куста. Воткнула в землю около обнаруженного предмета, наклонив, как учили, прямо над центром опасной зоны. Почин есть!

Ага, а вон там, подальше сверкнула проволочка мины натяжного

действия. Обойти? Но слева и справа тоже что-то есть. Вон там вроде как трава примята, а там опять зелень подзавяла. Тем более что изменение направления движения на минном поле — это лишняя возможность для подрыва. Будем шагать, по возможности, прямо! Она выбрала место перед струной и тщательно изучила его штыком. Пусто. Обозначила струну двумя ветками, наклоненными друг к другу. Теперь посмотрим, что за ней?

Опять поработала штыком. Вроде пусто. Аккуратно переступила через проволоку и перевела дух.

Дальше ее увлекла эта игра. Сначала — гляди в оба. Потом щуп под углом градусов тридцать к земле и осторожно проверить дальнейший путь. Ничего? Тут тоже ничего? Рискнем? Шаг вперед. Опять смотрим. Щуп вперед... Ее стройная фигурка двигалась, словно плыла по минному полю... Пусть не быстро, но безостановочно.

Дед выкурил, наверное, уже три или четыре папиросины, не сводя глаз с Котенка и явно переживая за нее...

А это что еще тут? Ручей? Смотри-ка, ширина небольшая, но не перепрыгнешь, глубина — по щиколотку. Берега топкие, травянистые, а дно — галька с песком. В воде маленькие шустрые рыбки и большие окатанные камни, оставшиеся, наверное, со времен нашествия ледника.

Как ручей переходить? В воду неохота, пусть на ногах сапоги, но и они текут. Хотя в воде, кажется, мины не ставят. Или ставят? Как там на занятиях говорилось? Что в них пихают? Взрывчатка в минах — тротил — ему вода не страшна. Аммонал и прочие подарки её не любят. В любом случае — взрыватель воду тоже не очень обожает. А если корпус деревянный? Разбухнет, может заклинить... или не может? Какой у верхней крышки зазор? Черт, да о чем это я? Все равно вес человека чеку сдернет! Ещё один камень — большой, хороший... прыгнуть? Нет, уж лучше пешочком... по воде, щуп вперёд! Пусто... пусто... так, ещё шажок... Вот и целая группа валунов — на них выходить надо!

Этот дед точно что-то поставил!

Но где?

А может быть, вон по тем камешкам перейти, если на них запрыгнуть?

В метре от воды она остановилась, продолжая внимательно оглядывать свой предстоящий путь. Слева виднелась натопанная тропинка, ведущая к лежащему через протоку бревну — ни камней, ни кустов. Красота, но сердце ныло — не ходи туда! Почему? А в самом деле — почему? Травы там нет. Но в песок много чего зарыть можно. Да и под бревно тоже!

А давай-ка щупом потрогаем этот спуск. Щуп как раз уткнулся во что-то. Мины? Не факт... Могут быть и камни. Но тяжело на сердце. Очень

тяжело. Нет, лучше рисковать не будем. Но вот веточку поставим... И с собою прихватим чуток — где я их в ручье найду?

Если попробовать вон по тем небольшим камешкам? Вряд ли кто-то крупный может пройти по ним. Но я некрупная — смогу.

Прыжок!

Крайний камень устоял. Теперь на следующий, а там шагну на второе бревно, на которое с берега никак не зайдешь. Прыгнуть, что ли? Камень вроде бы крепкий, стоит прочно... И опять что-то гнетущее на сердце. Предчувствие. Как дядя Саша говорил? Слушай себя. Верь своим чувствам. Нет, как не хочется, но придется ступать в воду. Дно тут крепкое, вряд ли кто-то стал бы в дно мины ставить. Глупо это.

Выбравшись на очередной камень, Котенок перевела дух. Оглянувшись — и холодная струйка пота пробежала между лопаток. Хорошо видимый в прозрачной воде, прислонился к тому самому «крепкому» булыжнику темно-зелёный металлический цилиндр. Прыгни она на камень, «подарок» неминуемо бы упал от толчка. Даже от волнения воды упал бы! На первый взгляд в него вполне можно запихать не менее полукилограмма взрывчатки. Рванёт такой — костей не соберешь!

А водичка-то холодная! Да и глубина тут у протоки поболее чем по щиколотку будет. Ай! Сапоги залила! Марина уже подняла было ногу, чтобы выбраться на следу тощий камень и переобуться, как вдруг замерла. Возле самой ноги, вплотную к камню, из воды высывался какой-то темный цилиндр с «тройником», замаскированным пучком травы, от которого вправо и вперед протянулись тонкие проволоочки, а сверху торчали три «усика» SMiZ 35. Мина! В воде! Вот тебе и раз! Не иначе как сюрприз самого деда. Вряд ли эта установка штатная. Если бы пошла дальше к бревну, рассчитывая на то, что мин тут нет, напоролась бы.

Ничего, потерпим... походим с мокрыми ногами... Втыкаем рядом с камнем очередную веточку, оглядываемся как следует. Теперь щуп вперед, правее проволоочки. Вязко, но протыкается. Шаг вперед, опять смотрим. Щуп вперед, шаг вперед, пауза... переведем дух. Опять смотрим, щуп вперед, шаг вперед...

А вот и третье бревнышко. И лежит очень удачно. Из воды протянуто прямо на высокий берег. Даже слишком удачно. Если на него ступить, то всю прибрежную трясину перейти можно. И опять что-то загудело внутри. Ступать нельзя. И трогать нельзя. Даже думать об этом не буду.

Котенок со вздохом воткнула в ближнюю кочку ветку, наклонив ее на бревно, и принялась прощупывать штыком прибрежную трясину.

А вот и берег! Такая «переплюйка» и столько сил отняла! Так хочется

присесть, вылить воду из сапог, перемотать портянки, дух перевести. Времени-то еще много в запасе, дед меня не ограничивал, можно не спешить... Вот и кочечка такая удобная, как специально поставлена тут... Стоп, «как специально»! Не мог этот хитрый дедок такую удобную кочечку мимо пропустить. Никак не мог. С начинкой она, верно говорю!

Штык легко вошел в кочку не встречая сопротивления. Не может быть! Еще и еще раз левее и правее первого прокола. И опять ничего. Не может быть! Неужели? Можно сесть? Рука сама потянулась отвести с кочки веточку, что торчала откуда-то сзади. Стоп! А ведь это мусор! Ну, да, точно мусор! Тот самый, о котором дед говорил. Слишком толста и разветвлена эта веточка, чтобы при такой длине быть выросшей на корню. Не поется! Котенок внимательно оглянулась, и руки сами уверенно воткнули ветку перед такой удобной кочкой. От греха подальше!

Дальнейший путь на первый взгляд ничего сложного собой не представлял. Опять глядеть в оба. Потом щуп под углом тридцать градусов. Опять и опять.

Ничего! Шаг вперед. Опять осматриваем. Опять щуп вперед, еще и еще... И вновь поплыла фигурка над поляной, с каждым шагом приближаясь к противоположной опушке.

Что это там? Краем глаза она уловила какое-то движение в тени опушки. О, да тут уже все наши собрались! И опять дед на пенечке сидит, прямо глазами меня сверлит!

И вот — дрожащая рука коснулась березовой коры...

— Всё? — Инструктор стоял почти рядом с ней.

— Вроде бы...

Михаил Владимирович вздохнул. Присел на корточки и разгреб листья позади ног Марины:

— Сюда погляди...

Из-под прошлогодних листьев показался маленький деревянный пенал.

— ПМД?

— Она самая. Деревянная, нажимного действия. Сама не подорвалась — молодец. Но не нашла! А это все же минус тебе, ведь за тобой люди пойдут! Хотя в остальном у тебя сплошные плюсы. Смекай, за что?

— Кочка?

— Верно. И бревнышки, и валуны на ручье. Как обо всем догадалась-то?

— Ну, во-первых, мне мой прежний учитель рассказывал, что надо ставить себя на место противника. Думать, куда бы сам «сюрприз»

поставил бы. Во-вторых, вы сами говорили, что наш мусор, — упирая на слово «наш», произнесла Марина, — в глаза не бросается. Я его искала и нашла.

— Так-то! Ну, молодца, кошечка ты наша! Молодца! Так-то, товарищи курсанты, — обернулся дед к стоявшим позади него условно убитым. — Первый из вас сдал зачет на удовлетворительно! Завтра ваша очередь!

Народ понурился, воочию представляя себе завтрашний день.

— Хотя у нас есть еще один живой, — вспомнил Михаил Владимирович. — Помнится мне, Кашин у нас жив и делом занят. Пойдемте-ка поглядим, что он там натворил?

Кашин лежал с закрытыми глазами и грелся на солнышке, совершенно забыв про все окружающее...

Жестом остановив личный состав, инструктор достал из кармана небольшую баночку, из которой торчал отрезок какой-то веревки, и, чиркнув по ней коробком, тихонько подбросил ее как раз к ногам «спящего красавца».

— Ложись, — все поняли скорее жест, чем приказ, произнесенный шепотом, и залегли.

— Ба-бах, — рывкнула банка, и из облака белого дыма, что взметнулось на месте падения банки, вдруг выкатился ошалевший курсант Кашин собственной персоной, отплевываясь и откашливаясь от едкого дыма!

— Что же ты, аника-воин, поспешил на боковую — сны глядеть, а об охране не позаботился? Или думаешь, тут безопасно? Ты хоть задание-то выполнил?

Курсант быстро закивал головой, давась от сильного кашля.

— Показывай!

Кашин с трудом умерил кашель и подвел всех к тропинке. Михаил Владимирович присел на корточки:

— Так. Мина «Эс» с взрывателем зет-зет тридцать пять! А где нажимные?

Не говоря ни слова, Кашин отвел всех метров на пять левее, на взгорок. Дед остановил его жестом, потом достал папироску, прикурил ее, внимательно разглядывая бугор, размером примерно пять на восемь метров. Затем подошел к какой-то, только ему приметной точке, встал на колени и, склонив лицо к самой земле, внимательно рассмотрел что-то на земле, после чего подозвал остальных:

— Смотрите, запоминайте, но всем молчать, пока сам не спрошу.

Инструктор еще раз огляделся, потом аккуратно прощупал пальцами

по краям дернину, лежащую перед ним.

«Как он увидел, что именно под ней мина? — подумала Марина. — Ведь ничем этот кусок травы от окружающих не отличается?»

А дед продолжал свои пассы.

Он аккуратно приподнял правый край дернины и осторожно запустил под нее свою ладонь.

— Ага, — сорвалось у него с уст довольное восклицание, после чего он медленно приподнял и отложил в сторону дернину, открыв взорам всех круглый «пятак» взрывателя DZ 35. Затем он аккуратно очистил его голову от земли, аккуратно углубился в землю пальцами.

— Так, тушка немецкой гранаты! Молодец, — добавил он, обращаясь к курсанту, — догадался!

Тем временем его пальцы продолжали путешествие вокруг цилиндрического корпуса торчащей в земле гранаты. Внезапно он хмыкнул, не спеша поднял закопанное сооружение на уровень глаз и рассмеялся:

— Ну, ты, брат, дал! Так-то!

— Что? — обеспокоенно отозвался Кашин.

— Мину-то ты поставил — и поставил хорошо, а вот в боевое положение ее не перевел! Что же ты?

— Как это?

— А так! Вот тут под «пятаком» находится чека, так вот ее надобно было выдернуть! А мне, при разминировании, требовалось воткнуть туда вот этот гвоздь. Я его тычу, а он не лезет! Смотрю, а чека-то на месте.

Инструктор не спеша выкрутил взрыватель из тела «яйца», обдул его и протянул экзаменуемому.

— Гляди! Вот эту гаечку надо было открутить, тогда этот штифтик с колечком выдернется, и мина встанет на боевой взвод.

Лицо Кашина перекосилось, и он от досады хлопнул себя по лбу рукой.

— Ну, дурак, — сорвалось у него губ.

— Товарищ... дед, а можно вопрос? — подал голос Виктор.

— Конечно!

— А зачем вы мину снизу прощупывали? Ведь у гранаты донного взрывателя быть не может.

— Донника у гранаты нет, это так, но под гранатой мог находиться сюрприз разгрузочного типа.

— А разве у вас в ранце есть такой?

— Ну, во-первых, из того, что лежит у меня в ранце, можно собрать и

черта лысого, а во-вторых, никогда не надо считать, что ты работаешь с бутафорией. Когда-нибудь тебя это может подвести.

Говоря это, дед вкрутил в «яйцо» штатный немецкий гранатный запал, потом открутил зеленую крышечку. Высвободив веревочку, дернул за нее и громко заорал: «Ложись!»

Все повалились на землю, а метрах в тридцати позади них раздался резкий разрыв гранаты.

Все не торопясь поднимались с ошарашенными лицами, но больше всех ошалел Кашин:

— Так все они были... боевые?

— Ну, да, — спокойно отозвался инструктор, забыв добавить, что капсули-детонаторы во взрывателях, которые он дает курсантам, пустые, а для спектакля с «яйцом» он всегда носит в нагрудном кармане френча боевой запал. Он, не торопясь, подошел ко второй, только ему приметной точке и аккуратно вытащил из земли стандартный подрывной заряд массой двести граммов, оснащенный «усатым» SMiZ 35.

— А все-таки, что можно собрать из вашего ранца для разгрузки? — напомнил о своем существовании Виктор.

— Можно я отвечу? — неожиданно для себя вызвалась Марина.

— Ну, давай, — одобрительно отозвался дед.

— Для разгрузки можно использовать гранату Ф-1. У неё взрыватель это делать позволяет. Вытащить кольцо и придавить предохранительную лапку каким-нибудь предметом. Как только его уберут, лапка отлетит, и граната бабахнет.

— Откуда это? — заинтересованно приподнял бровь инструктор.

— Мне мой прежний учитель рассказывал. У них, бывало, подобным образом враги тела убитых минировали.

— Хм! Интересный у тебя инструктор был! Второй раз ты мне про него любопытные вещи рассказываешь... И что ещё он тебе показывал?

— А у вас такая граната есть? И стакан.

— Ну, граната имеется, а стакан в лесу откуда? Хотя вот — есть металлический стаканчик от немецкого бритвенного прибора. Он почти тех же габаритов, что и обычный стакан. Только давай-ка я ее зубов лишу. Так-то оно поспокойнее будет...

Он вывернул запал Ковешникова, аккуратно выкрутил из него детонаторную трубку, заменив ее почти такой же, только алюминиевой.

Построив курсантов полукругом, инструктор кивнул Марине:

— Ну, давай! Показывай!

Оглядевшись по сторонам, она выбрала куст. Наклонила одну из веток

к земле и шнурком прикрепила к ней гранату. Потом копнула ножом землю и в получившуюся ямку подошвой сапога затрамбовала стакан. Наклонила ветку к земле таким образом, чтобы граната опустилась в стакан, а сверху положила длинную палку. Приотпустила наклоненную ветвь. Шнурок натянулся, но положенная сверху палка удержала гранату в стакане. Подойдя к обрубку дерева, девушка подкатила его поближе и положила на него кривой сучок. Одним концом засунула его под лежащую поперек стакана палку, а вторым вывела наискось на тропу. Наклонилась к стакану, вставила между его стенкой и рычагом взрывателя щепку. Осторожно вытащила чеку.

— Ну... всё.

— Та-а-ак... сказал бедняк... — протянул старый сапер и присел у сооружения. — Любопытно... хотя немного громоздко.

Дед опять задумался.

— Противопехотная мина из охотничьей кулемки, — он усмехнулся, — сучок, стало быть, в сторону отпихнут, он палку эту и столкнёт... Так-то!

Стукнул, падая на землю, сучок, откатилась в сторону палка и, не удерживаемая ею более, взлетела над землёй граната. Щелкнул капсюль-воспламенитель, и все курсанты автоматически упали на землю.

— От падения тут толку мало, ребятки! Граната в воздухе рванет, метрах в полтора от земли. Разлет осколков отсюда будет — мама не горюй! Хоть лежи, хоть пляши — итог один! Считай, каждый из вас огреб! Интересная придумка...

Сапер подумал, еще раз глянув на сооружение:

— Немного громоздко, но придумано толково. Оборонительная граната над землей много что натворить может. Таким макаром в финскую войну лахтари нам много проблем организовали. Они свои мины и гранаты, почти такие же Ф-1, только французские с запалом Роланда, или наши трофейные на уровень пояса, а то и на уровень плеч поднимали. От снега. Правда, не так хитро. Просто к деревьям привязывали и от чеки проволочку протягивали вниз и поперёк тропы. Молодец, курсант! От лица службы благодарность тебе объявляю! За весь сегодняшний день от меня с искренним почтением! — Дед уважительно склонил голову.

— Служу трудовому народу! — автоматически вытянулась Марина по стойке «смирно».

— Если других дел нет, мы с тобой еще после окончания занятий посидим. Чайку попьём, разговоры разные поразговариваем. Про учителя твоего и прочее...

День за днём, час за часом, и Марина постепенно втянулась в непривычный ритм тренировок. Иногда поутру дежурный спрашивал: а не слышал ли кто-нибудь из курсантов ночью чего-нибудь? Что именно и во сколько? Это мог быть громкий звук, выстрел, звонок — всё, что угодно. Такие же вопросы задавались и по вечерам, перед ужином. Постепенно мозг уже сам по себе начинал автоматически вычленять среди повседневных звуков что-то необычное. Сначала это вызывало недоумение — что такого необычного в выстрелах и взрывах, когда под боком стрельбище и саперный полигон?

— Да не всякий выстрел вовремя, — ответил им на этот вопрос майор. — На занятиях ничего удивительного в таких звуках нет. А вот во время обеда... или после отбоя — тут уже совсем другая песня. Некому в это время шуметь!

Телефонограмма

Сегодня, 23 апреля 1942 г., в 04.20 противник сбросил воздушный десант в районе расположения штаба... стрелкового корпуса. Самолеты, осуществлявшие выброску десанта, следовали в общем строю с бомбардировщиками, осуществлявшими воздушный налёт на аэродром «Молодечное», и поэтому не были своевременно идентифицированы постами ВНОС как транспортные.

Воспользовавшись халатностью часовых, группа немецко-фашистских диверсантов проникла на территорию штаба, где попыталась осуществить захват оперативных документов и уничтожение командования корпуса. В завязавшейся перестрелке десант понёс потери и отступил, не доведя свой умысел до конца. Однако при отступлении парашютистами противника был похищен и уведён в лес начальник оперативного отдела штаба... стрелкового корпуса полковник Венедиктов А. П. Это было выяснено только по окончании боя. В результате проведённой проверки полковник не был обнаружен ни среди живых, ни среди мертвых. Принятыми мерами обнаружить и отбить его не представилось возможным.

Наши потери, по состоянию на 07.35 23 апреля, составляют:

Убито шесть средних и восемь старших командиров. Погиб начальник штаба корпуса — генерал-майор Литвинов В. В. Ранено пять старших и три средних командира. В бою

погибли двадцать три бойца из состава роты охраны штаба и роты управления. Тридцать восемь бойцов ранено.

Потери противника составляют:

Один офицер (гауптман) и восемь солдат.

Среди нападавших имеется большое количество раненых, о чем свидетельствуют многочисленные следы крови и остатки перевязочного материала.

ВРИО начальника штаба... стрелкового корпуса

Полковник Горячев Н. Н.

— Садись, майор! — Полковник Чернов указал на стул.

Гальченко, не ломаясь, присел.

— В общем, так, дорогой ты мой, дела у нас хреновые!

— У нас? — удивленно приподнял бровь собеседник. — С какого это рожна? Вроде бы без происшествий всё...

— Ну, не лично у нас, не в школе, я имею в виду. Вчера ночью на штаб корпуса было совершено нападение — немцы десант сбросили. Тихо подобралась, сняли часовых, закидали гранатами караульное помещение. Словом — отработали по полной! Даже начштаба подстрелили — угораздило же его в этот момент совещание проводить!

— Нехило... мастерски сработали.

— А ты думал?! Там тоже, понимаешь ли, не лопухи — тебе ли не знать? Так что тут вся округа на ушах стоит да землю роет.

— Ну, а наша роль в этой кутерьме какая? Не в гости же вы сюда приехали?

— Дело в том, майор, что немцы не просто так на штаб навалились. Как раз получено было указание о разработке важной операции фронтом. И эти субчики утащили в лес начальника оперативного отдела корпуса!

Майор присвистнул:

— Ничего себе! Извините, Михаил Николаевич.

— Да я точно так же отреагировал, когда об этом узнал! — Полковник раздражённо махнул рукой. — Будто у нас своих задач нет!

— Надо понимать, Михаил Николаевич, нас тоже к этим поискам пристегнули?

— Правильно мыслишь...

— И я должен поднять в ружьё комендантский взвод, чтобы прочесывать лес?

— Ну совсем-то уж за дурака меня не считай, Александр Иванович? Не первый год знакомы, чай!

— Извините, товарищ полковник.

— Ладно, не дуйся! Тут идея похитрее есть...

Полковник пододвинулся к столу и разложил на нём карту:

— По имеющимся сведениям, Венедиктов ранен.

— Начоперотд?

— Он самый. Идти долго не сможет, если вообще в состоянии это делать. Немцы, ясное дело, полковника не бросят, на руках понесут. Но далеко они его так не утащат, а уж через фронт...

— Понятно.

— Мы перехватили их радиogramму — они просят самолет. Да и другие сведения у нас уже имеются. Не все тут лаптем щи хлебают!

— Куда?

— А вот тут есть загвоздка... Подходящие площадки в округе есть, только все они заняты нами. Десант понес потери, и в открытый бой они не полезут. Так что уходить будут тихо. И вариант у них остается единственный — вот он! — Карандаш полковника указал точку на карте.

— Пост ВНОС?

— Точно так! Он на недостроенном аэродроме базируется, и самолет там сядет. Там мы их и перехватим. Если возьмём живыми радиста и командира — такую комбинацию завернуть можно будет!

— И как они себе такую операцию представляют? Насколько я в курсе, пост постоянно на связи находится. Десять минут невыхода в эфир, и туда рванут коменданты ВНОС. Самолет же за это время даже и сесть не успеет. А если и сядет, на обратном пути его перехватят истребители.

— Немцы это понимают тоже...

— Так что, повторяю ещё раз — мне нужны только добровольцы! — Гальченко прошелся перед строем курсантов. — Риск даже не высок — запределен! Вам предстоит не просто рисковать своей жизнью — к этому вы привыкли, а самим сунуть голову в волчью пасть! И ждать! Ждать команды! Любой из вас может быть убит и не имеет права поднять руку для своей защиты! Предупреждаю всех — немецкий радист и командир группы нам нужны живыми! Без никаких вариантов! Вторая, не менее важная задача — радист самолета после начала атаки не должен ничего передать! Живым он не особо нужен, но лишним не станет. Так что взять его тоже было бы неплохо.

Строй молчал.

— Никого не тороплю, подумайте... но времени у нас нет! На всё, — майор посмотрел на часы, — пять минут. Через пять минут всем собраться здесь. Марина! Ко мне подойди.

Присев на скамейку, он показал ей на место рядом:

— Садись.

Девушка осторожно присела на краешек.

— Тут вот в чем дело, Котенок... Так уж сложилось, что тебе доверено выполнение важной задачи. Ну, нет у нас больше никого на роль радистки! Ребята рискуют, и я могу их понять. Им в некотором роде сложнее. Немцы их будут брать — и брать жестко. Могут попросту ножами порезать, хотя не думаю, что они это сразу делать начнут. Там тоже, знаешь ли, не вчерашние школьники собрались. Головы у них на плечах есть, и используют фрицы их по назначению — соображают. Их главная цель — чтобы никто как можно дольше не поднял тревогу. Радист на посту постоянно дежурит у станции — таков порядок. То же самое делает и телефонист. Они должны моментально передать, как только что-то в воздухе засекут. Если на том конце поймут по почерку или по голосу, что на связь вышел не тот радист — всей операции конец! С телефонистами проще, они меняются, и голоса у них разные. А вот радисты — их всего несколько, и почерк каждого известен, — не перепутают. Так что трогать тебя немцы не станут. И нервировать чрезмерно не будут — а ну как ты в обморок брякнешься? Поэтому постараются обойтись с ребятами не так резко и безжалостно. Во всяком случае, на твоих глазах и до того момента, как сядет самолет.

— Иначе — никак?

— Нет. Только перед посадкой самолета они вынесут на поле полковника. Чуть поторопимся — утащат назад в лес. Рисковать мы не можем, его надо отбить живым. Или... исключить возможность его повторного захвата немцами.

— Даже так?

— Так, Котенок. Повторю ещё раз — на тебе основная роль! Пока ты будешь её играть чисто, немцы никого не тронут. Во всяком случае, не должны. Справишься?

— Постараюсь, товарищ майор...

Старая полуторка, подпрыгивая на ухабах, въехала на поляну. Ходивший возле небольшого домика часовой обернулся и внимательно поглядел на подъезжающий автомобиль. Поднял руку:

— Стой! Пропуск?

— Вагранка. Отзыв?

— Беломор. Проезжайте, заждались уже вас, — махнул он рукою в сторону домика.

Из прибывшего транспорта неторопливо выгрузилась очередная смена во главе с заместителем командира роты ВНОС. Он, как и положено командиру, ехал в кабине. Вышедший на крыльцо сержант козырнул поднимавшемуся по ступенькам лейтенанту:

— Здорово, Никитин! — ответил тот на приветствие. — Вот, смену вам привёз.

— Новенькие?

— С Южного фронта. К нам их временно прикомандировали, так что пусть работают.

Сержант с интересом посмотрел на симпатичную девушку, шедшую вместе с остальными бойцами:

— Радистка?

— Младший сержант Барсова! — откозыряла та.

— И тоже прикомандированная?

— Совершенно верно, товарищ сержант! До особого распоряжения!

Никитин вздохнул и про себя пожелал, чтобы это распоряжение как можно дольше не приходило.

Ступеньки крыльца снова скрипнули, и сержант повернул голову, встречая следующего сменщика. Это оказался немолодой уже старшина.

— Знакомьтесь, Никитин, — это старшина Федоров, дежурный начальник смены. До завтра он тут старший. Хозяйство ему покажите.

Сдача дежурства много времени не отняла, и вскоре отъезжающая смена уже садилась в грузовик. Новый часовой, проводив его, остался сидеть на крыльце, прислонив винтовку к стене. Заметивший это старшина только укоризненно покачал головой, но, так ничего и не сказав, ушёл в дом.

Внутри домик был совсем небольшим — три комнатки. Одна с кроватями — для отдыха свободной смены. Во второй располагался начальник смены и один телефонист.

В третьей была установлена радиостанция, и стояло несколько телефонов, возле которых сидел ещё один боец.

Вот и всё.

Осталось прибавить сюда двух дежуривших посменно наблюдателей и двух бойцов, попеременно несущих охрану.

Всего восемь человек — для этого поста более и не полагалось, народу

и так не хватало.

Освоившись на новом месте, бойцы занялись повседневными делами. Двое из них, подвесив над костром котел, начали готовить ужин, наблюдатели полезли на вышки. Все прочие, кроме часового, ушли в дом.

— Ну что, Котенок, как думаешь — поверили фрицы в наше представление? — Голос майора звучал глухо — он, присев на корточки, что-то делал под столом, на котором стояла радиостанция.

— Трудно сказать... со стороны — так вроде бы и нормально всё прошло. Приехали, сменили — всё как всегда.

— Ну, это их взводному спасибо нужно сказать. Молодец мужик — сразу врубился и вопросов не задавал, — вылез наконец-то из-под стола майор. На нем сегодня были петлицы ефрейтора, и он играл роль дежурного телефониста. — Сядь на место, проверь — удобно ли?

Марина поерзала на стуле:

— Да, вроде бы...

— Ну, и славно! Включай станцию, пора на связь выходить.

— А они вообще здесь есть? А то, может быть, мы зазря тут сидим?

— Степаныч сказал — здесь они! Ему верю безоговорочно, он таких промашек не дает. Уж как дед ходит да смотрит — мне самому поучиться не грех. А я ведь ходок неплохой, тоже не один год по лесам бродил.

— Где ж это?

— Тайга... она у нас большая.

— И каково ему сейчас в лесу одному? Мы-то хоть рядом, поддержать друг друга можем, а он?

— За него не переживай! Чтобы такого деда в лесу отловить... — Гальченко покачал головой. — Я даже и представить не могу, каким надо быть сыщиком! Всё! С этого момента — молчок! Любые сообщения по делу — только условными сигналами. Черт их знает, этих немцев, вдруг они дюже чуткие и даже мышиный шорох за версту различать могут?

Захрипел динамик радиостанции, началась очередная переключка постов. Надвинув наушники, девушка занялась знакомым делом. И понеслось... Пальцы быстро вспомнили привычные манипуляции. И вскоре работа полностью поглотила девушку.

И только через десять минут она сдвинула наушники, прислушиваясь к разговору.

— Да! — поднял трубку мнимый ефрейтор. — Один? Удаление, курс? Принято! Маринка, передавай: одиночный самолет, удаление до двух километров. Курс сто семьдесят пять! Высота около полутора тысяч метров.

Спустя некоторое время на столе появился стакан с горячим чаем. Машинально из него отхлебнув, она кивнула.

«Стоп!»

Марина ещё раз мельком глянула на стол.

«Стакан... полный стакан — выдвижение на позиции завершено. Горячий — немцы готовы к броску».

Вот так, милая... а ты что ждала?

Шорох под крыльцом привлек внимание часового. Отбросив в сторону веточку, которую до этого вертел в руках, боец поднялся. Потянулся и шагнул к крыльцу.

Р-раз!

Гибкая фигура в черном комбинезоне выметнулась откуда-то снизу.

Блямс!

Мощный удар сапогом отбросил бойца в сторону. И в следующее мгновение острие ножа, качнувшегося у него перед глазами, недвусмысленно намекнуло на ненужность поднятия шума.

Сидевший у стола старшина увлеченно копался в потрохах телефона. Так что на скрип двери он только недовольно буркнул: «Чего надо?»

Не дождавшись ответа, поднял голову, подслеповато прищуриваясь и пытаясь разглядеть вошедшего. И краем глаза увидел, как сидевший справа от двери телефонист поднимает руки.

— Т-с-с-с! — стоявший напротив человек с пистолетом приложил палец к губам. — Тихо!

Увлечённая работой на ключе, Марина почти ничего не слышала вокруг, привычно вылавливая в шорохе и треске помех знакомые сочетания точек-тире. Закончив передачу, отпустила ключ и расслабленно встряхнула в воздухе кистями рук:

— Уф! Федорыч, чего-то сегодня народ прорвало! А? — Она повернула голову в сторону майора.

Как выяснилось, в комнате прибавилось действующих лиц. Гальченко притиснули к стене, и он сидел ровно, положив на стол руки. Около него стоял человек в темном комбинезоне, покачивая в руке пистолет.

Ещё один, точно такой же, стоял сейчас около неё.

— А?! Что такое? — Её рука метнулась в сторону винтовки, которая должна была стоять сбоку от стола.

Должна. Но её там не оказалось.

— Не надо так волноваться, мадмуазель. — Стоявший рядом с нею человек покачал головой. — Оружие вам не потребуется.

— Кто вы такой?! И что тут делаете?

— Немцы это, — не меня положения, хриплым от волнения голосом сказал майор. — Похоже, что всех нас повязали уже...

— Вы не ошиблись, — кивнул немец. — Позвольте представиться — обер-лейтенант Рауф! Вы все взяты в плен, и от того, как будете себя вести, зависит то, что с вами произойдёт дальше.

— Что вы хотите? — поинтересовался майор.

— Вы старший?

— Нет. Старшина Федоров, он в той комнате, — движением головы указал Гальченко.

— Кто дежурит на связи?

— Я. И младший сержант. У старшины тоже есть телефон, он может звонить, минуя нас.

— Хорошо. Продолжайте вашу работу. И... дорогуша, это касается именно вас — постарайтесь вести себя так, чтобы у ваших корреспондентов не возникало бы ненужных вопросов. Вы меня понимаете? Учтите, жизни всех, кто сейчас находится здесь, зависят именно от этого. Не буду скрывать, если что-то пойдёт не так... то я вынужден буду отсюда уйти. И никто из персонала поста мне в этом случае будет не нужен. Я ясно выражаюсь?

— Да... — Марина не узнала своего голоса. — Пусть мне дадут воды...

Тихо ступая ногами, в комнату вошёл ещё один десантник. Пристроившись сбоку от стола, он быстро развернул на нем свою радиостанцию.

— Клаус будет вас контролировать, фройляйн. Так что постарайтесь не вызвать у него подозрений.

Топоча сапогами, в комнату вошли ещё несколько человек. Двое здоровенных десантников подталкивали перед собою обезоруженных бойцов. Мельком бросив на них взгляд, Котенок облегчённо вздохнула — все целы! Половину лица у Женьки Маркова занимал здоровенный синяк. Именно Женька сейчас играл роль часового, надо полагать, его фрицы при захвате приглубили. По команде Рауфа их всех усадили на пол в углу. Напротив пленных расположился плечистый десантник с ручным пулеметом. В комнате сразу стало тесно и душно.

— Окно...

— Что? — приподнял бровь офицер.

— Нечем дышать, может быть, вы прикажете приоткрыть его? —

произнесла Марина.

Немец осмотрел комнату. Приняв какое-то решение, отдал приказ. Один из десантников подошёл к окну, осмотрел рамы и, не найдя ничего подозрительного, открыл створки. Демонстративно оттянув затвор у автомата, плавным движением выскользнул в оконный проем и, надо думать, занял позицию напротив него или где-то поблизости.

В наушниках слышались сигналы — вызывал соседний пост.

— Отвечайте, фройляйн, — кивнул на рацию Рауф. — И помните...

Пулеметчик лязгнул своим оружием.

Рука девушки легла на ключ. Странно, но занявшись привычным делом, она даже перестала думать о сопящем над ухом фрице! Пальцы заработали, посылая в эфир сочетания точек и тире. Краем глаза она уловила одобрителный кивок Клауса — немец никаких подвохов не заметил.

«...направление движения цели — курс сто девяносто пять. Высота полёта — двадцать восемь тысяч метров...» — снова вышел в эфир соседний пост.

Хмыкнув, Марина автоматически исправила неверную цифру — не двадцать восемь тысяч метров, а две тысячи восемьсот.

Уловив вопросительный взгляд Клауса, пояснила: «Сейчас вечер, на такой высоте самолёт просто не увидят. Да и не летает никто настолько высоко».

Удовлетворённый объяснением, немец кивнул.

«А русский язык он знает! И неплохо...»

Постояв ещё немного за её спиной, Рауф отошел в сторону и что-то негромко приказал пулемётчику. Повернулся и вышел из комнаты.

Снова потянулись томительные минуты ожидания. Марина слышала, как дублировал её сообщения по телефону майор. По-видимому, и его поведение не вызывало никаких подозрений у десантников. Во всяком случае, вели они себя спокойно и за оружие больше не хватались.

Прошел час.

«...направление движения цели — курс двести тридцать, высота тысяча восемьсот, снижается...»

— А вот это сообщение дублировать не нужно, фройляйн! — молчавший доселе Клаус открыл рот.

— И что я должна передать?

— Курс сто тридцать, высота тысяча восемьсот.

— Но он услышит!

— И что?

— Перезвонит по телефону!
— Но самолет мог ведь и изменить курс?
— Мог...
— Так и передайте!

«...Цель изменила курс на сто тридцать, прекратила снижение. Высота тысяча семьсот метров...»

— Федорыч! Передай — цель изменила курс на сто тридцать, прекратила снижение. Высота тысяча семьсот метров.

«Это их самолёт! Интересно, майор всё понял? Жаль, что я не могу обернуться, немцы заметят мои движения...»

— Можно воды?

Клаус, не отрывая взгляда от радиостанции, что-то сказал. Вскоре на столе перед девушкой появился стакан с водой.

«Так, ну, вроде всё пока идет правильно. Открытое окно — сигнал, что все наши здесь. Исправленная неточность в данных — сигнал работы под контролем. Второй стакан с водой — сигнал майору, что самолёт на подходе. Да он и сам всё мог слышать, мы говорили не шепотом. Всё? Да, пока вроде бы всё...»

Уловив краем глаза движение, Котенок чуть повернула голову — немец работал на ключе.

«Я его сигналов не слышу... стало быть, он с частоты ушёл — вызывает своих? Но, раз так, то и он меня слышать не может тоже! Второй рации у них, скорее всего, нет. Риснуть? Другого момента не будет!»

Тренированные пальцы чуть заметно шевельнулись.

Три точки, три точки, три точки...

«Всё, сигнал ушёл. Теперь наши знают, что немцы встречают самолет».

А это, несомненно, был тот самый борт, который так ждали десантники. До посадки осталось не так уж и много времени, на поляне уже виднелись отблески от зажженных десанниками костров. Загорелся свет и в доме — Клаус засветил висевшую на стене керосиновую лампу.

Открылась дверь, и в комнату снова вошёл обер-лейтенант. Что-то спросил у своего радиста, и тот ему ответил.

— Фройляйн, должен выразить восхищение вашей выдержкой и самообладанием. Откровенно говоря — не ожидал! Через час мы расстанемся. Я уже ранее объяснил вашему командиру, что для вас всех будет лучше, если никто не будет поднимать особенного шума после

нашего ухода. Иначе... Сибирь большая, там на всех места хватит... Понимаете?

Марина кивнула.

— Клаус обождет здесь ещё некоторое время. Естественно, не один. Потом они все уйдут.

«Тебе так нужен спокойный и недерганный радист? Понятно, допусти я ляп в эфире — всей операции каюк, вот немец и разливается соловьём. Всё ясно, телефонные провода они перережут, а вот рация, чтобы не вызвать подозрение, должна работать. По крайней мере до тех пор, пока самолет не отлетит на безопасное расстояние. Тогда Клаус и его товарищи нас кончат и уйдут в лес. Красиво придумано, нечего сказать...»

Марина ничего не ответила, только вздохнула и, выпрямившись, положила руки на колени. Рауф одобрительно покивал.

— Я ещё раз напому старшине об этом. Так, чтобы слышали все. Вас же я попрошу спокойно работать и ни о чем не волноваться. Немецкий офицер всегда держит своё слово! — повернулся он к остальным пленным.

Подойдя к сидевшим на полу бойцам, обер-лейтенант присел на корточки и повторил сказанное. Растерянно выглядевшие красноармейцы вразнобой закивали, соглашаясь с офицером.

Рокот моторов самолёта стал громче, приблизился, и на поляну легли отблески посадочных фар.

Металлическая птица грациозно и почти бесшумно коснулась колесами земли, чуть подпрыгнула и покатила вдоль линии костров. В свете луны это выглядело очень красиво и по-своему завораживало.

Рауф поднялся и, подойдя к окну, высунулся наружу. Отдал короткое приказание дежурившему там часовому.

От дома, хорошо видимый в пламени костров, отбежал к лесу десантник. Скрылся в кустах.

Самолет достиг конца линии костров и, ревя моторами, стал разворачиваться для взлета. Открылась дверца в фюзеляже, и в проёме стал виден силуэт человека. В руках он держал лестницу и ждал только окончания движения.

Стоявший у окна офицер прищурился — от леса отделилась группа людей, тащивших в руках носилки. Он удовлетворённо кивнул головой и повернулся к радистке:

— Ну, что ж, фройляйн, позвольте откланяться! Надеюсь, следующая наша встреча произойдёт уже при менее драматических обстоятельствах...

— Надеюсь на это, обер-лейтенант... — майор произнес это на безукоризненном немецком языке.

Сигнал! Первые же слова, которые Гальченко скажет не по-русски!

Просунув руки под стол, Котенок выхватила из ременных петель, прикрепленных под ним, своё оружие.

Чпок!

Приглушенный «Брамитом» выстрел был почти неразличим в шуме моторов самолета. Выронив пулемёт, охранник откинулся назад.

Чпок!

Схватился за простреленное колено Клаус.

Марина стреляла, не поднимая оружия из-под стола.

Неуловимым движением сместившись в сторону, майор перехватил пистолет своего немца, ловко вывернул его из ослабевшей руки и толкнул того в кучу сидящих на полу людей. Где его немедленно и с явным удовольствием встретили...

Опешивший офицер, начавший было разворачиваться к майору, сделал шаг назад. Рука его метнулась к автомату...

Чпок!

...и бессильно повисла, простреленная в локте.

А в следующую секунду его и радиста уже спеленали, засунув им в рот импровизированные кляпы из красноармейских пилоток. Припав на колено, Котенок скользнула к двери и осторожно потянула её на себя.

Пусто.

В прихожей не было никого.

— Чисто...

— Отлично. — Вооруженный двумя пистолетами майор уже был рядом. — Марков, окно!

Блеснув в отраженном свете костров стеклами, створки медленно затворились.

Еле заметно шевельнулись ветки на краю поляны. Увенчанный набалдашником глушителя, поднялся из густой травы винтовочный ствол. Ещё один, чуть погодя, высунулся с чердака дома.

Чух!

Стоявший в проеме дверцы самолета человек переломился в поясе и осел на пол.

Чух!

Пробив грудь переднего носильщика, пуля ударила в плечо и второго. Оба они рухнули в траву. Секундой позже вторая пуля успокоила начавшего было вопить раненого. В остеклении самолета, прямо напротив лица пилота вдруг появилось отверстие! Ещё одно! И ещё...

Стоявшие около костров десантники схватились за оружие. Не слыша в гуле моторов выстрелов, они тем не менее почувствовали какую-то угрозу.

Поздно!

Из распахнувшейся двери дома ударил пулемёт. Из окон его поддерживали автоматы.

Первая же очередь повалила на землю несколько человек. Уцелевшие десантники метнулись к лесу. Но оттуда негромко кашлянула винтовка, и передний немец, схватившись за простреленную грудь, рухнул в траву. Остальные залегли, не желая испытывать судьбу — на открытом пространстве, подсвеченные собственными кострами, они представляли собою прекрасные мишени для любого стрелка.

Пулемет из дома перенес огонь на кабину самолета, и стекла её посыпались под ударами пуль.

— Бросайте оружие! — донеслась со стороны дома команда на чистом немецком языке.

Приподнявшийся из травы немец поднял было свой пулемет, но тотчас же получил пулю в спину и ткнулся лицом в землю.

Пулеметная очередь со стороны дома взметнула землю среди лежащих десантников. Вскрикнул и схватился за плечо ещё один из них.

— Не стреляйте! Нихт шиссен! — поднялись над травой руки.

Подбежав к самолету, Марина остановилась, держа на прицеле лежащего в дверном проеме немца. Нога его свешивалась наружу.

— Чего ждём? — нарисовался рядом Марков. — Боишься — укусит?

— Он не один там был... Майор сказал обождать.

Подбежавший сбоку Витька Алеференко дернул за ногу покойника. Труп вывалился наружу и глухо ударился об землю.

— Ну, вот, дорога чистая! — удовлетворенно произнес Женька. — Пошли?

— Спешим? — Неслышно подошедший Гальченко стоял рядом. — Склероз внезапно наступил — занятия забыли? Быстро — не значит в спешке!

Оба парня смущенно замолчали.

— Алеференко — хвост! Марков — контроль пилотской кабины. Барсова, со мной, спину прикроешь! Аккуратнее там, не туда стрельнем — сгорит всё к чертовой матери. Нам тогда спасибо не скажут. На счет три — начали!

Кубарем вкатившиеся в самолет курсанты рассредоточились вдоль

борта, держа под прицелом пустой салон. Здесь никого не было, только у задней стены, около двери лежали какие-то мешки и ящики. Секундой позже в самолет запрыгнул майор, и следом за ним неслышно проскользнула девушка.

Тихо... только что-то поскрипывало впереди, там где сидели пилоты.

— Обстановка! — отрывисто произнес майор, держа на прицеле дверь в пилотскую кабину.

— Чисто! Пасу хвост!

— Чисто!

— Держу дверь в кабину, — произнесла Марина.

— В таком разе — начали... — Майор привстал.

Приподнялась с пола и девушка.

Зуммер!

Он донесся со стороны кабины!

На секунду глаза всех присутствующих повернулись в ту сторону.

Бах! Бах! Бах!

В закрытом пространстве самолета выстрелы прогрохотали оглушительно. Витька выронил автомат и ткнулся лицом в пол. Схватился за простреленное плечо Марков.

Появившийся откуда-то сзади, по-видимому, из той самой двери, немец стрелял с частотою пулемета.

В падавшем снаружи колеблющемся отсвете костров и тусклом свете потолочных плафонов было видно, как казавшийся огромным пистолетный ствол медленно перемещается, отслеживая движения Котенка, пытавшейся уйти от неминуемого попадания.

Бах!

Удар в плечо!

Это не пуля — удар сзади!

Кубарем полетев на пол, она успела-таки дважды выстрелить в сторону немца. Увы — безрезультатно. А тот уже наводил своё оружие на Гальченко. Сейчас он выстрелит!

Бах!

Чпок!

Пах!

Пах!

Пистолет немца, наган Котенка и маленький пистолетик в руке майора выстрелили одновременно.

Выронив оружие, немец согнулся пополам. Что-то просипел и сделал несколько шагов вперёд.

Пах!

Пах!

Казалось, самолет содрогнулся от падения тяжелого тела. Майор бросил на него быстрый взгляд и рыбкой нырнул в приоткрытую дверь кабины. Через несколько секунд он вышел назад.

— Чисто тут всё! Обоих: и пилота, и штурмана — наповал!

— А этот... — Марину колотила нервная дрожь.

— Хвостовой стрелок, надо полагать. Со стороны дома его место не видно, вот и уцелел, не стрелял по нему никто. Тот, что на улице — бортмеханик или выпускающий, в транспортном самолете может быть такой член экипажа. Как ребята?

— Марков ранен. А Витька...

— Черт! Моя вина — недосмотрел! Мало вас учили! Эх! — Майор в сердцах двинул кулаком по стенке фюзеляжа. — Это он специально сигнал дал, чтобы все на кабину пилотскую посмотрели. А Витька и купился...

Уже позже, когда убитого Алеференко и раненого Женьку грузили в машину, Котенок подошла к майору:

— Товарищ майор...

— Да? — Он обернулся к ней. Лицо у Гальченко осунулось, и сейчас было видно, что он не так уж и молод.

— А тогда, в самолете... вы меня оттолкнули. Немец же мог и по вам выстрелить...

— Он и выстрелил. — Майор продемонстрировал ей разорванный рукав гимнастерки. — Только не попал.

— Но как же так?! Он ведь вас убить мог!

— Мог. Но не убил.

— Но... почему так? Вы на себя огонь вызвали — зачем? Вы же старше и опытнее нас. Куда более важны и...

— Что делать, Котенок? Не умею я по-другому. Такая уж моя планида, видать — защищать других...

— Кельнер! Ещё пива!

— Да, мой господин.

Четвертая кружка... Ладно бы хоть пиво приличное было. Да где его здесь взять? Так ведь и у немцев оно тоже далеко не везде одинаково хорошее. Или это я уже к Берлину привык? Так сказать, избаловался? Наверное... А что ещё мог себе позволить простой служащий военного министерства, к тому же и не военнообязанный? Пиво, ибо ни на что более

существенное скромной зарплаты не хватает. А выглядеть белой вороной среди сослуживцев я отучился уже давно. Точнее — отучили. И правильно сделали, между прочим. Не один такой умник на мелочах погорел, бывали, знаете ли, случаи, да... Мне вот повезло, продержался долго. Но всему приходит конец, вот и сейчас всей спиной ощущается холодок.

Связь... Большинство провалов происходит именно по этим причинам. Но как? Последнее время и так все контакты были сокращены до минимума. Разве что в крайнем случае? Да, вполне вероятно. А то я так бы и сидел, как мышь под веником, никто и не отыскал бы никогда. Видимо, на фронте положение совсем хреновое, раз дали команду на такие действия. Ну, надо думать, им там виднее. Хотя и с моей колокольни тоже кое-что разглядеть можно.

Немцев приперло — и приперло здорово. Уже не так задирают носы бравые военные, не слышно в речах сослуживцев бывшего оптимизма. Война... третий год уже, это как-то способствует здравому осмыслению происходящего. А грохот разгоняющегося «парового катка» не слышат разве что совсем тугоухие обыватели. Вот для того чтобы подкинуть дровишек в топку этого самого катка, и вспомнило далекое петроградское начальство про скромного письмоводителя. Вспомнило — и озадачило.

Не то чтобы задача была совсем уж невыполнимой. Сделать можно. Только вот с большой вероятностью накрывалась вся легенда о скромном письмоводителе. Скопировать ключи от сейфа — полдела, тем паче что данную операцию уже удалось провернуть ещё в прошлом году. Подвернулась возможность, что ж было делать-то? А вот скопировать документы... это уже вопрос не праздный. И времени на это ушло предостаточно. Вот и не удалось уйти тихо. Наверняка кто-то заметил. И хотя никаких явных улик не было, однако же наблюдение за собою я засек. Причём достаточно профессиональное. Ненавязчивое и очень внимательное. Ясное дело, прямых подозрений против кого-то конкретного у контрразведки нет. А брать за цугундер всех подряд — можно спугнуть истинного виновника всего происшедшего. Вот и смотрят. Пока осторожно и незаметно. Сейчас агенты контрразведки будут наблюдать за тем, кто, когда и с кем выйдет на связь — ведь скопированные документы куда-то же надо девать? Иначе пропадает весь смысл операции. Пусть похищенные данные и являются самыми свежими, но ведь и они имеют, так сказать, срок годности. А перемещать дивизии на фронте исходя только из предположений *тыловигов*, никто не станет.

Но уходить надо. Ибо после всего случившегося смысла сидеть здесь и далее никакого нет. Всё, накрылась легенда. Хорошая, надо отдать

должное, конструкция была. А ведь кто-то над ней работал, сил небось немерено положил. Вот и продержался я на этом месте так долго...

Делать, однако, нечего — дал сигнал. Как это в своё время и предусматривалось. Мол, задание выполнено, документы получены, обнаружил наблюдение. Прошу срочной эвакуации.

И ответ себя ждать не заставил. Прямо в квартиру письмо подсунули. Как? А бог весть...

Инструкции, несмотря на эзопов язык, были вполне понятными.

Прибыть в этот городок, прийти в пивную, заказать пива и ждать проводника.

Осталось дело за малым — незаметно исчезнуть. А учитывая наружное наблюдение, сделать это было весьма непросто. Пришлось вспомнить старое и, используя давно забытые навыки, лезть в пыли по чердаку. Переползая на соседнюю крышу, тихо переодеваться в чистое платье и быстро топтать на вокзал. Удалось ли всё сделать тихо?

Пока что хвостов вроде бы не видно. Но, учитывая уровень слежки ещё в Берлине, надо думать, что и местные задействуют далеко не вчерашних школьников. Хотя здесь-то их откуда взять?

Поставив кружку на стол, Ролдугин осмотрелся по сторонам. Вечерело, и поэтому в пивной прибавилось посетителей. Прямо у стойки сидела компания юнцов — не иначе, студенты или учащиеся старших классов. Пришли они недавно и вели себя, на удивление, тихо. Совсем рядом с капитаном сидели двое пожилых мужчин — совершенно седые немцы, похоже, что отставные военные. Они негромко переговаривались, рассматривая лежащие перед ними бумаги.

Эти пришли почти одновременно со мною, отметил Ролдугин. Сидят, в бумаги свои зарылись и ничего по сторонам не видят. Наблюдение? Не факт...

Троица молодых парней (странно, что не на фронте, возраст-то вполне подходящий) оккупировала столик в дальнем углу и о чем-то оживленно переговаривалась. Компания вела себя шумно, внимания ни на кого не обращала. Нет, это точно не наблюдение, парни меня и не видят-то толком. Уйду — и не заметят. Не они.

Подтянутый высокий немец. Щеточка усов, бакенбарды. Наглухо застегнутый сюртук, стальной взгляд. Сидит, словно кол проглотил. В глазу монокль поблескивает. Давно уже тут сидит, ещё до того, как я появился. Перед ним четыре пустые пивные кружки, пьет, стервец, пятаю. Как только ещё не лопнул? Хотя пару раз выходил, надо думать, что в туалет. Оттого и сидит спокойно. Офицер? Разве что отставной или по ранению в запасе.

Сколько ему? Двадцать пять... или около того. Нет, этот тип тут не по мою душу сидит.

Парочка солдат в углу. Ну, да, где-то здесь госпиталь присутствует. А эти двое наверняка из команды выздоравливающих.

Ещё какие-то люди входят и выходят, но надолго никто не задерживается.

Так, что-то делать уже пора. Сидеть здесь и дальше? Смысл? Проводник так и не появился. Плохо. Нет никаких шансов, что он до вечера появится здесь. Стало быть, надо уходить самому. Как — вот это уже другой вопрос. Но ничего другого мне не остается. Ещё день — и моё отсутствие дома будет обнаружено. И немецкая контрразведка совершенно точно поймёт, кого им надобно отловить. Для начала они дадут мои приметы, вполне возможно, что и фото, по вокзалам и погранпостам. Уже с завтрашнего дня меня станут искать весьма плотно и тщательно.

Вариантов нет, надо уходить. Найти здесь гостиницу, переночевать... а потом? Других вариантов отхода у меня нет. Разве что переть через границу самым нахальным образом? Не вариант, там и отловят. Или подстрелят.

Ладно, будем думать утром.

— Кельнер! Примите...

Рассчитавшись за пиво, капитан подхватил свой портфель и поднялся из-за стола. Движение это не привлекло ничьего внимания. Только парочка стариков метнула в его сторону мимолетные взгляды и снова вернулась к своему занятию.

Вот и выход. Дверь узкая, если будут брать — то здесь... нет, тихо всё. Капитан слегка расслабился, и вспотевшая ладонь отпустила рукоятку браунинга.

Узкая улочка вела направо, пивная находилась в самом её конце, и идти куда-либо ещё было невозможно. Не лезть же на глазах у всех через забор? Не поймут. Благообразный господин — и лезет через забор? Да просто из принципа кликнут шуцмана — и всё, на этом моё путешествие завершится. Нельзя к себе внимания привлекать.

— Герр Гашке?

Опа...

Преграждая дорогу, поперек улицы стояли несколько человек. У некоторых из них в руках поблескивали револьверные стволы. Стоявший впереди неприметный человечек приподнял шляпу, обращаясь к одинокому прохожему.

Всё... нашли.

— Вы уверены?

— Разумеется. Показать вам ваш портрет? И не хватайтесь за оружие — не успеете.

Топот ног, сзади подходят те самые молодые любители пива. И тоже с оружием. Понятно, подстраховка, чтобы я никуда не ушел. А вот и та самая пожилая парочка. Что-то они слишком быстро подходят... никак, помолодеть успели?

Так... срисовали меня ещё на вокзале, надо думать. Сидели в пивной и ждали, когда ко мне подойдёт связной — взяли бы обоих. И эти, молодые и шумные, оттого и не глядели в мою сторону. Им это не нужно, они — силовая группа, а командуют всем эти самые псевдостарички.

— Что вам угодно, господа?

— Перестаньте разыгрывать комедию, герр Гашке! Сдайте оружие!

Всё, это провал. Застрелиться? Не дадут, вон, как у этих ребят стволы подрагивают — ждут любого подозрительного движения. Только шевельни рукой — прострелят.

— Кто вы такие, господа?

— Контрразведка, герр Гашке! Вам документы показать? Извольте. — Собеседник отогнул лацкан сюртука — там блеснул полицейский значок. — Где документы?

— Что тут происходит, господа?

Это ещё кого черти принесли?

А-а-а... тот самый любитель пива.

Подразвезло его всё-таки изрядно, даже на ногах стоит нетвердо, к стене прислоняется. Но спесь так и прёт!

— Проходите мимо, добрый господин! — обернулся к нему один из «старичков». — Полицейские операции вас не касаются!

— Я попросил бы вас! — возмущается тот. — Как вы разговариваете с офицером?!

Всё-таки офицер... даже, наверное, не отставник — ишь как его задело!

— Ганс, покажите господину офицеру свой жетон... — устало говорит «старичок».

Один из молодых любителей пива лезет в карман и что-то показывает офицеру.

— А-а-а... ну... понятно! Вдвоятером ловить мелких жуликов, конечно, проще, чем полировать брюхом грязь на фронте. Ладно... занимайтесь своими делишками, господа!

Офицер отмахивается от Ганса рукой, но делает это настолько неуклюже, что попадает ему пальцами по глазам. Тот вскрикивает,

наверное, больно оказалось, и роняет на землю свой жетон.

На секунду все отвлекаются на это действие.

Ках!

Ках!

А в руках у офицера уже блестят металлом пистолетные стволы.

Сбитые пулями, на землю падают оба «старичка».

— Ложись!

А ведь он по-русски кричит!

Не дожидаясь более ничего, Ролдугин ничком падает на землю.

И вовремя!

Над его головою тут же противно взвизгивают пули.

Ну, чтобы не использовать столь благоприятный момент — это надо совсем уж глупым человеком быть! Выдернув из кармана браунинг, капитан удачным выстрелом выводит из игры одного из противников, и тот кулем оседает на землю. Второй, получив пулю в живот, роняет свое оружие и с криками катается по мостовой.

К-р-р-р...

Словно коленкор разорвали.

Стоявших впереди контрразведчиков как метлою смело! Обернувшись назад, Ролдугин заметил, что противников осталось совсем немного. А точнее — двое.

Полуослепший Ганс и один из любителей пива, судорожно вытаскивающий из кармана револьвер. Тот, как назло, запутался в брюках и никак не желал вылезать на свет божий.

Но у офицера, по-видимому, кончились патроны. Бросив на землю пистолеты, он выхватывает откуда-то нож и в прыжке загоняет его пивохлёбу под ребро. Вскочив на ноги, капитан приставил ствол браунинга к голове Ганса:

— Шевельнёшься — и мозги твои будут на стене!

— Н-н-нет, добрый господин... я молчу, молчу!

Ках!

Ганса отбрасывает в сторону и он тряпичной куклой сползает вдоль стены.

— Зачем?! — поворачивается к офицеру капитан. — Он был уже не опасен!

— Да? А на руки взглянуть?

И в самом деле — из разжатой ладони контрразведчика вываливается револьвер. И когда он только его успел достать?

— Хорошо, что я смог чужое оружие подобрать, перезарядиться уже

не успевал... — Офицер поднимает с земли свои пистолеты.

— Так это вы за револьвером так прыгали?

— Ну, да. Он на земле лежал — совсем рядом. Ну, и этого, — кивает офицер на зарезанного противника, — попутно обезвредил...

— Простите, но, если я правильно понимаю, то вы...

— Правильно понимаете. Проводник.

— Так отчего же вы тогда...

— Ждал-то? Ну, а что ж вы ещё хотели, милостивый государь? Эти старики за вами сразу же пришли, а потом уже и вон та троица подтянулась. Они связного ждали и до тех пор, пока вы из пивной не вышли, брать вас не стали бы. А мне надо было понять, сколько их здесь всего. Могло ведь и так быть, что если бы мы с вами вдвоём вышли на улицу — тут нас обоих и спеленали тогда разом. Сейчас мне внезапность помогла, не знали они, что вы не один. А тогда? Иначе все могло получиться-то...

Петроград, 1917 год.

Военное министерство.

— Ваше превосходительство! Прибыл капитан Ролдугин!

— Просите его ко мне, — поднял голову от бумаг генерал Сомов.

Закрыв за спиною дверь, капитан сделал несколько шагов вперёд и вытянулся:

— Ваше превосходительство! Капитан Ролдугин по выполнении задания прибыл в ваше распоряжение.

— Без чинов, господин капитан. Присаживайтесь. — Генерал указал посетителю на кресло около стола. — Как добрались?

— Не без приключений, Виктор Петрович. Был момент — уже отходную читать собирался. Спасибо проводнику — помог.

— Вовремя?

— Да еще как! Прямо как чертик из табакерки выскочил! Девять человек немцев-то было, так он семерых покосил! Я только по двоим и успел выстрелить. И потом, как через границу шли — так истинно Ринальдо Ринальдини! По кустам тихо пробирался, веточка не хрустнула. А я, как медведь, сучьями трещал! Аж пот градом тёк, думал, что услышат немецкие стражники. Но бог миловал — не заметили нас.

— Тихо, стало быть, прошли?

— Тихо, Виктор Петрович. Ну, а дальше-то намного проще было. Маршрут проработан был, надо думать. И билеты куплены, и номера в гостинице — всё организовано по высшему разряду.

Генерал молча покивал, соглашаясь с собеседником.

— Замечания какие-нибудь?

— Никаких, Виктор Петрович. Всё было правильно.

— Ваше мнение, Олег Иванович, очень многое для нас значит! Подумайте ещё раз — так уж ли было аккуратно? Мало ли... Сами знаете, тут словечко вырвалось, здесь жест неловкий... вот и подозрение возникло!

— Нет, Виктор Петрович, всё было должным образом организовано. Спутник мой вел себя безукоризненно! Как он офицером представлялся — даже и сам я поверил! А уж видел-то их... По мне, так большой артист в нём пропадает! Только что офицером был — и вдруг уже носильщик! Иной день — служащий банковский. И ведь на него глядя — всему веришь! Немецкий язык ему как родной. И по-французски говорит — никто и бровью не повел. Сам-то я в этом языке не слишком силен, однако ж акцент заметить смогу. Чисто он говорил.

— Это, Виктор Петрович, для нас вопрос не праздный! Человек сей не вас одного провожал. И впредь дела ему такие предстоят. От того же, как чисто задание своё он выполнит, не одна жизнь зависеть может. Чай, вы не на бал собирались и не на пикник. Сведения важные несли, отечеству нашему весьма необходимые. Немало жизней человеческих от того пресечься могут. Должен я твердо быть уверен в надёжности пути этого. Иначе не могу рисковать, других людей по маршруту сему отправляя. Подумайте ещё раз, Олег Иванович. Не тороплю вас, ибо ответ мне нужен точный и обстоятельный.

Ролдугин замолчал, мысленно прокручивая в голове подробности произошедшего с ним в последние дни:

— Нет, Виктор Петрович, никаких таких ошибок не усматриваю. Правильно себя человек этот вёл, ничего иного сказать не могу.

— А что вы его так называете? Или имя его вам неведомо?

— Ну, не по немецким же бумагам его звать-величать? А иначе он никак не представлялся. Мол, проводник — и точка. Да, собственно говоря, у нас и разговоров-то с ним особых не было. Мне он вопросов не задавал, да и я его ни о чём не расспрашивал. Только когда сделать что надо было, тогда только он рот и открывал. Мол, идем туда-то, там будет то-то и так-то. Меня в данном случае именовать таким-то, а своё имя в документах прочтёте, там и легенду свою отыщете. Буду всё время рядом, только не очень от вас близко. Сигналы опасности — такие-то. И всё на этом, более ничего не говорил. А как до нужного места дошли — пропал, будто никогда и не было его. Прямо-таки привидение ночное, утра дождавшееся.

— Так-так-так... Проводник, говорите? Так его все и кличут, между

нами говоря. Ну, что ж! — Генерал встал, давая понять собеседнику что разговор закончен. — Ждет вас, Олег Иванович, назначение иное, тоже весьма ответственное. А про господина сего забудьте, вроде как привидение он и есть. За труды ваши от отечества благодарность в своё время воспоследует, не сомневайтесь. А пока отпуск вам полагается. Так что заместитель мой, полковник Иванютин, вас уже дожидается. Можете быть свободны, господин капитан!

— Слушаюсь, ваше превосходительство!

Петроград.

Вечером того же дня.

Квартира генерала Сомова

— И что ж ты думаешь, Михаил Николаевич?

— Даже не знаю, что и сказать... Черт его знает, как оно всё выйти может... Но, анализируя последние события, выводы я могу сделать весьма странные. Гости эти... черти бы их утащили. Ты-то сам что думаешь? — Гость генерала, хоть и был одет в партикулярное платье, имел офицерскую выправку. А внимательный и властный взгляд серо-стальных глаз выдавал в нём человека, привыкшего к безусловному подчинению окружающих.

— А что тут думать? Смотри сам, все одно к одному складывается. — Генерал стал загибать пальцы на руках. — Заметь, задания выдавались в разное время и для обеспечения проведения разных операций, часто работа шла параллельно, мы проверяли сразу несколько источников. Июнь шестнадцатого года — подготовка флота к ведению набеговых операций. От нас требуют срочные данные по целому списку вопросов. Наши люди, едва начав работу, обнаруживают, что их интерес в данной области предварён противником. Итог — один человек раскрыт, задержан, и о его судьбе мы ничего не знаем. Второй — раскрыт, эвакуирован в самый последний момент. Флотская операция отменена сразу же, как только мы получили известия о судьбе наших людей. Не исключено, что и по этой причине в том числе. Август — от нас затребована информация по состоянию химической промышленности. Якобы немцы приступили к разработкам нового отравляющего вещества. На поверку всё это оказывается ложью и хорошо подготовленной операцией по выявлению наших агентов, способных эту информацию предоставить. Итог — капитан Мельников разоблачён, оказал сопротивление агентам контрразведки, застрелился при задержании. Один человек бежал, убит при переходе границы. Такие же подходы произведены в ноябре, и вот последний — январский случай. Общий итог таков: наши безвозвратные потери — пять

человек. Часть погибла, часть арестована. Двое пропали без вести, вероятно, тоже схвачены немцами. Четверо эвакуированы в самый последний момент. Резидентуры понесли весьма существенные потери. Во всех случаях этому предшествовали запросы из канцелярии министра. Нельзя сказать, что мы работали попусту — кое-что добыть удалось, причем весьма и весьма ценное. Только вот к основному вопросу это отношения не имело никакого.

— Немцы?

— Хуже, Михаил Николаевич! Цепочку я эту до конца разматал!

— И кто ж на противоположной стороне сидит да за неё дёргает?

— Союзники наши — англичане! Общий порядок таков: они предоставляют министру информацию, тот требует от нас проверки.

— Нормальное дело. Всегда так бывало.

— Угу. Только вот англичане по своим каналам информируют немцев о том, что ожидается активность агентуры противника в указанных ими областях. Тем остаётся только расставить свои капканы.

Собеседник генерала кивнул:

— Да, активность англичан, их попытки перекупить или устранить наших людей я тоже замечал. Даже и наверх докладывал.

— Угу... про ответ тебя и не спрашиваю. Потери были?

— А то ж! Ну, да и мы в долгу не остались... война, брат... всякое бывает. Так что моих людей они трогать пока опасаются.

— Пока...

— Да. Это ты прав. От меня уже затребовали объяснений. Эти вчерашние адвокатишки, внезапно ставшие вершителями судеб громадной страны, совсем потеряли голову.

— А было что терять?

Штатский ухмыльнулся. Поднялся с кресла и, подойдя к столу, налил в две рюмки коньяка. Одну взял себе, а вторую отдал генералу.

— Думаю, что нет. Подводя итог, скажу — это целенаправленные действия английской разведки, с задачей на уничтожение нашей агентуры. Иного не вижу. Что-то в наших краях всякие люди непонятные стали мелькать. Вроде бы — и по делу, а впечатление у меня сложилось, что не по тому!

— И у меня на днях появился какой-то «уполномоченный». Прямо он, конечно, в агентурные дела не лезет, всё-таки голова у него есть. Но уже сам факт его неожиданного появления у нас... Более того, сейчас рассматривается вопрос о моём отстранении от должности!

— Это ещё почему?

— Смеяться будешь — за эти самые провалы! Причём Поливанов в этом деле — с боку припека, тут чья-то другая рука видна.

— И кого же прочат на твоё место?

— А вот — полюбуйся! — Генерал открыл ящик и вытащил из него тонкую папку. — Очень уж перспективный господин... негде клейма ставить.

— Ну-ка... — Гость поставил рюмку на стол. — Угу... а ведь я про него слышал... да...

— Впечатляет?

— Мерзость!

— Зато — видный общественный деятель. Демократ — так, кажется, у них это называется?

— Социал-демократ.

— Один хрен — мерзавец!

— И... когда?

— Боюсь, что скоро. А там и до тебя постараются дотянуться.

— Ну, это мы ещё посмотрим, кто кого... Делать-то что будешь?

— Дал команду на эвакуацию тех агентов, в чьей безопасности не уверен. Постараюсь спасти хотя бы их. Собрал и подготовил все материалы по активности англичан. Только вот — кому их передать? Кому они здесь нужны? Сразу же в посольство и побегут — продавать. Разве что... возьмешь, Михаил?

— Копию сделай — возьму. Ну, а ты свои экземпляры спрячь получше. Найдешь куда?

— Найду. Настолько-то я ещё не обессилен. Есть у меня люди верные.

— Тогда... вот что... есть у меня тоже кое-что любопытное. Вот эти-то данные я тебе тоже подброшу. Что бы с нами обоими ни приключилось, а бардак этот рано или поздно к своему концу подойдёт. И вот уж в то время! Тогда и спросить можно будет кое с кого... Наши дела, как ты помнишь, сроков давности не имеют... Иные бумаги и через сто лет стреляют!

1917.

Два месяца спустя.

Хельсинки, частная квартира

Генерал Сомов, стоя у окна, проводил взглядом шедшую по улице женщину. Теплеет, вот и они стали понемногу распушать перышки.

«Да-а-а... где мои молодые года? И ведь, что интересно — со временем девушки становятся всё красивее и привлекательнее! И чем старше становлюсь я сам, тем сильнее это замечаю! Признак старости? Не

рано ли?»

Покачивая головою, он вернулся к столу и взял в руки раскрытую папку. И так, на чём я остановился?

«...Штабс-капитан Шведов Александр Иванович. Родился 23 апреля 1893 г. в Харбине, в семье советника русского посольства, барона Шведова Ивана Михайловича. Мать — урожденная Аникеева Анна Михайловна, из дворян Тамбовской губернии.

В 1905 г. отец был переведён в российское посольство в Париже. А в 1907 г. семья переехала в Берлин, где он был назначен советником посольства.

В 1908 г. Шведов поступает в Берлинский университет Гумбольдта на кафедру юриспруденции. Окончил обучение в 1913 г.

В совершенстве владеет немецким и французским языками, китайским, может разговаривать по-японски. В Китае изучал различные виды местной борьбы, учился у видных мастеров классической борьбы в Берлине.

Хорошо владеет холодным оружием. Фехтует на саблях и рапирах, в университете имел славу завзятого дуэлянта. Умеет обращаться с кинжалом. Стреляет из револьвера и карабина. По настоянию отца в течение трех лет брал уроки стрельбы из револьвера.

В 1913 г. поступил на службу в отдельный корпус пограничной стражи вольноопределяющимся. По сдаче им соответствующих экзаменов был произведён в прапорщики. Тогда же попал в поле зрения нашей службы. После соответствующего предложения отчислен из корпуса, в течение года проходил подготовку.

Впервые приступил к работе в декабре 1914 г. Профиль — разработка и организация маршрутов эвакуации и переправки людей, подготовка баз и конспиративных квартир.

Оперативный псевдоним — „Проводник“.

В 1915 г. принимал участие в подготовке и обеспечении эвакуации трех агентов Генерального штаба. Организовал нападение на полицейский участок, с целью отбития одного из них, для чего в течение двух дней создал себе группу прикрытия из местных уголовных элементов. Легенда — освобождение за деньги крупного международного мошенника. Операция прошла

успешно, никто не пострадал, раненых и убитых с обеих сторон не было. После этого случая пользуется авторитетом в преступном мире Германии, где известен под кличкой „Франт“.

С 1916 г., в дополнение к основным функциям, выполняет также работы по прикрытию некоторых особо важных агентов. Организация контрнаблюдения, оперативного прикрытия, закладка и съём тайников.

Располагает группой поддержки, организованной им самим из числа лиц, постоянно проживающих на территории Германии, Бельгии и Швеции. Во всех случаях использует в качестве прикрытия легенду о своем криминальном прошлом и имеющиеся связи в местном преступном мире.

В октябре 1916 г. произведенная негласная проверка деятельности не выявила никаких упущений в работе Шведова. Даны рекомендации по её совершенствованию.

В 1917 г. присвоено звание штабс-капитана.

Награжден орденами Св. Анны третьей степени с мечами и бантом и Св. Станислава третьей степени с мечами и бантом.

Не женат. Хотя успехом у женщин пользуется и в своей работе это учитывает.

Перечень операций — см. отдельное приложение...»

«Ну, смотреть данное приложение мне необходимости нет, сам же я все эти операции и планировал. Да-а... По всем признакам — кандидатура подходящая, использовать можно. Риск? Безусловно, присутствует, а как же без этого? А с другой стороны... Уж очень *жарко* стало дома в последнее время. Обнаглели господа островитяне, совсем уже чувство меры потеряли. Чтобы такие предложения делать — и кому? Мне! Чуют свою силу, сволочи!»

Стук в дверь прервал размышления генерала.

— Разрешите, ваше превосходительство? — возник на пороге адъютант. — К вам посетитель.

— Проси. — Генерал встал из-за стола.

— Ваше превосходительство! — вытянулся в дверях визитер. — Штабс-капитан Шведов по вашему приказанию прибыл!

— Присаживайтесь, капитан! — указал на стул Сомов. — Разрешаю без чинов.

«Интересно, а по фотографии в личном деле его совсем узнать

невозможно. Изменился, в лице какие-то черты новые появились. Повзрослел? Да, похоже. Складка на лбу... Нервничает, недосыпает? Не без того...»

— Как добрались, Александр Иванович?

— Как обычно, Виктор Петрович. Маршрут проверенный, затруднений никаких не было.

— Вы неважно выглядите. Отчего так?

— Это так хорошо заметно, Виктор Петрович?

— Кому как. Я вот заметил.

— Увы, Виктор Петрович, работы в последнее время стало больше — и намного. А вот времени на отдых... В сутках всё так же — двадцать четыре часа, не более.

— Вот что, Александр Иванович, вы в своей работе... ничего странного не замечали?

— Что вы имеете в виду, Виктор Петрович?

— Ну... всякие бывают... непонятности.

Шведов задумался:

— Разве что... Виктор Петрович, да, кое-что есть.

— А именно?

— В последних случаях, когда мне приходилось обеспечивать эвакуацию, противник непостижимым образом был хорошо подготовлен.

— В смысле?

— Необыкновенно большое количество агентов — в обычной ситуации достаточно двух-трех. Засады на путях отхода, в точках перехода границы... это не просто так! Держать заставу в таком режиме долго не выйдет, люди устанут. Такое бывает только в случаях получения абсолютно достоверной информации.

— Ваши выводы, Александр Иванович?

— Нас ждали. Противник располагает информацией о том, что кто-то будет уходить таким путём.

— Кто-то?

— Только в последнем случае они имели фотокарточку того, кого должны были задержать. Я подобрал её на месте перестрелки. Во всех остальных случаях ловили просто подозрительных лиц, которые вели себя (с точки зрения тех, кто ловил) неправильно или вызывали обоснованные сомнения в их благонадежности.

— Иными словами, Александр Иванович, где-то имеет место предательство?

— Нет, Виктор Петрович.

— Поясните!

— Предать можно одного агента. Или группу, если они работают сообща. В тех же случаях, когда мне приходилось действовать, агенты не имели между собою никакой связи. В том смысле, что друг о друге не знали и связь с каждым из них была индивидуальной. Общими тайниками не пользовались. Адрес для отправки корреспонденции у каждого был свой. Предать агента может его связной, но этого не было. Либо руководитель — в резидентуре или в Петрограде. Но эти руководители знают только *своих* агентов...

— Либо? Договаривайте, Александр Иванович!

— Либо вы, Виктор Петрович.

— Вот даже как?!

— В этом случае всех провалившихся агентов, в том числе и меня самого, взяли бы гораздо раньше. И с гораздо меньшими потерями со стороны немцев. Так что прошу меня простить, Виктор Петрович, но вы здесь ни при чём.

— Вы, Александр Иванович, и эту возможность тоже рассматривали?

— Как учили, Виктор Петрович. Наряду со всеми прочими.

— Значит, какие-то выводы у вас есть...

— Да, Виктор Петрович. Противник был заранее предупреждён о намечающейся активности наших людей в тех или иных направлениях. И заранее принял меры для её обнаружения. В последнем случае вблизи квартиры нашего агента был заранее оборудован стационарный пост наблюдения. Имеющееся у агентов контрразведки фото было сделано вблизи этого поста. Я видел эту улицу и знаю, где расположен пост.

— Этого нет в вашем рапорте.

— Прошу прощения, Виктор Петрович, есть. Рапорт был подан по команде ещё две недели назад.

— Однако ж я его не получил... Ладно. Разберёмся.

Сомов встал из кресла и прошёлся по комнате. Шведов тотчас же вскочил со стула.

— Да вы садитесь, капитан... Это я так, на ходу думать легче... Не предательство... а что же?

— Тот, кто поставил перед службой задачу и предупредил противника.

— Это серьёзное обвинение, господин капитан!

— Да, господин генерал. Я юрист и отдаю себе в этом отчёт.

— Вы, господин капитан, не юрист! Вы — офицер! Понимаете разницу?

— Так точно, господин генерал, понимаю!

— Ладно... — устало махнул рукой Сомов. — Да садитесь вы! Всё так, Александр Иванович. Есть такое дело — наверху гниль завелась.

— Понятно...

— Если вкратце, то спасибо надо сказать нашим заклятым друзьям — британцам. Их это работа.

— Простите, Виктор Петрович, — зачем? У нас общий враг...

— Оттого, Александр Иванович, что у Британии нет постоянных врагов и друзей! А вот постоянные интересы — те присутствуют. И сильная русская разведка островитянам отнюдь не нужна! Вот отсюда и все пляски...

— Вот как? — Глаза Шведова нехорошо блеснули.

— Вижу по лицу, что вам эта мысль не по нутру? Уже прикидываете, каким образом сказать спасибо гордым бриттам?

— Ну... есть такие мысли, Виктор Петрович.

— Отставить, капитан! Это — приказ!

— Слушаюсь! — Шведов снова встал.

Сомов раздражённо махнул рукою, указывая на кресло:

— Садитесь же! Не до субординации сейчас, понимать надо! — Он потер рукою лоб. — Нервы... вы уж простите старика... да... Для вас, Александр Иванович, есть отдельное задание.

— Я весь внимание, Виктор Петрович.

— По разным, от нас с вами не зависящим причинам мы не можем сейчас предпринять ничего, чтобы отплатить британцам их же монетой. Правительство делает всё, дабы не раздражать этих господ. Поэтому собранным материалам не будет дан ход. Более того, даже моё дальнейшее нахождение в занимаемой должности поставлено под вопрос. И я не исключаю того, что все эти документы будут просто переданы прямо в посольство этой, с позволения сказать, страны. Да... В сложившейся ситуации вам, господин капитан, надлежит принять меры по консервации нашей разведывательной сети. Не всей, понятное дело. Вы здесь не один задействованы, не обольщайтесь.

— Понимаю, ваше превосходительство.

— Вы получите соответствующие предписания и документы. В них будут даны исчерпывающие указания по всей процедуре.

— Понятно.

— Для обеспечения существования агентов будут предоставлены некоторые банковские бумаги — вы знаете, как с ними поступить.

— Так точно, знаю.

— По завершении операции представите обстоятельный доклад на моё

имя. В случае же моего отсутствия — полковнику Иванютину. Если же по каким-либо причинам это будет сделать невозможно — вот этому господину. — Генерал протянул визитную карточку.

— А... если и он... будет недоступен?

— Вы тоже в курсе о происходящих сейчас в войсках беспорядках? Впрочем, кого я спрашиваю... — Сомов махнул рукой. — Если никого из нас так и не сумеете обнаружить — порядок действий ваших будет следующим...

Проводив Шведова, генерал некоторое время сидел у стола, бесцельно чиркая карандашом по листу бумаги. Потом отбросил его в сторону и нажал кнопку электрического звонка.

— Слушаю вас, ваше превосходительство! — возник на пороге адъютант.

— Записывайте, поручик.

— Сей момент, ваше превосходительство... готов!

— Первое. Изъять из архива все документы штабс-капитана Шведова. Убрать из всех учетов любые упоминания о его работе у нас. В личном деле отразить прохождение им службы... в Архангельской губернии.

Второе. Провести через Отдельный корпус пограничной стражи перевод означенного лица в Хабаровск. Для дальнейшего прохождения службы согласно званию и штатному расписанию.

Третье. Изъять все бумаги относительно его наградений. Изготовить документы о награждении его орденом Святой Анны третьей степени. С мечами и бантом. Подобрать для этого соответствующий случай на участке корпуса в Архангельской губернии.

Четвертое. Оформить его увольнение из корпуса пограничной стражи по состоянию здоровья. У него ведь ранения есть?

— Так точно, ваше превосходительство, таковые имеются. Пулевое ранение в левую руку. Ножевое ранение в правое плечо.

— Вполне достаточно. Заслуженный офицер, боевые ранения... достаточно уже послужил отечеству, можно и отдохнуть. Его личное дело после внесения всех потребных изменений — ко мне на стол. Всё. Выполняйте, поручик!

Февраль 1918 г.

Петроград

Гулкий стук во входную дверь, казалось бы, должен разбудить весь подъезд. Но нет... не отворилась ни одна дверь, и никто не выглянул на

лестничную площадку.

— Открывай, контра!

Дюжий матрос в сердцах саданул по двери прикладом:

— Ща пальну тебе прямо через дверь! Или гранату суну — будешь знать, как замки запирать перед революцией!

Щелкнул замок, послышался лязг цепочки, и дверь приотворилась.

— Что вам угодно, господа? — Одетый в домашний халат, Сомов стоял на пороге квартиры.

Бесцеремонно отпихнув его в сторону, матросы прошли внутрь. У входа задержался только сопровождавший их человек в сером пальто.

— Вы генерал Сомов?

— Да. С кем имею честь разговаривать?

— Я представитель Петросовета. Моя фамилия Нахамсон. Яков Григорьевич. Вот и мандат. — Человек в пальто вытащил и развернул лист бумаги. — Достаточно?

Из глубины квартиры донёсся звон — что-то упало и разбилось.

— Чему обязан столь поздним визитом? — бросив взгляд на текст документа, спросил генерал.

— Пройдёмте внутрь. Там и поговорим.

Пройдя мимо непрошенных визитеров, с увлечением рывшихся в шкафах, генерал вошёл в большую комнату и сел в кресло. Нахамсону он стула не предложил, но тот обошелся и без приглашения — подтащив к себе такое же кресло, Яков с удовольствием в него уселся.

— Вы служили павшему режиму, генерал?

— Отчизне я служил, милостивый государь! Если вы понимаете, что это такое.

— У пролетариата, генерал, нет отечества.

— Сочувствую... пролетариату.

— Оставим это. Вы служили в разведке.

— В департаменте генерала-квартирмейстера.

— Давайте не будем дурака валять, генерал. Хорошо? Так ли уж важно, как на самом деле называлось ваше учреждение? Важно то, чем оно занималось!

— Что вы от меня хотите? Я нахожусь в отставке и ничего не знаю об обстановке в моем бывшем департаменте.

— Бросьте, генерал! Такие, как вы, в отставку не уходят. Они только на время скрываются от глаз общественности. А их деятельность... она продолжается.

— Не понимаю вас.

— Скажу прямо. Мне нужны ваши архивы.

— Лично вам?

— Петросовету.

— Не имею чести знать это учреждение. Но даже будь по-другому... то и в этом случае ничем не могу вам помочь. Все мои дела остались на службе. Полагаю, вам было бы целесообразнее поискать там...

— Искали уже. По странной случайности все ваши бывшие сослуживцы неожиданно покинули свои квартиры. А в кабинетах ничего нет! В смысле — ничего интересного.

— Рад за своих товарищей — они избавлены от необходимости отвечать на подобные вопросы.

— Но вы-то, вы-то — здесь!

— Увы... — развел руками генерал. — У меня больная жена... ей противопоказаны переезды.

— А вам?

Сомов вопросительно приподнял бровь:

— Я никуда не собираюсь выезжать. По крайней мере — в ближайшее время.

— А придётся! Если наш разговор ни к чему не приведёт... вам грозит перспектива сменить уютную квартиру на неопрятный карцер!

— Это ж за какие — такие грехи?

— Неужто их нет?

— Мне таковые неизвестны.

— А про революционную необходимость вы слышали?

— Нет. Она что, отменяет все существующие законы и установления?

— Именно так, генерал.

Грузно ступая по паркету, в комнату вошёл рослый матрос. В руках он держал бутылку:

— Ты глянь, товарищ, какие вина пьёт царский генерал! Небось ещё и жрёт в три горла! У-у-у, кровосос! — Громила замахнулся бутылкой.

— Обожди, товарищ! — поднял руку в протестующем жесте представитель Петросовета. — Не всё он ещё рассказал...

— Всё. Мне больше нечего вам рассказать. Ищите в министерстве.

— Ну, что ж... нормального разговора вы не понимаете... жаль...

Пронзительный женский крик прорезал тишину.

— Что вы делаете? — вскочил на ноги Сомов. — Ирина больна...

— Да сядь ты! — толкнул генерала в грудь матрос. — Ничё с ней не станется... поорёт и перестанет...

Сомов оттолкнул его и бросился к двери.

— Держи генерала! — Яков попытался вскочить из кресла и поскользнулся на паркете. — Уйдёт!

Матрос, бросивший на пол бутылку, постарался схватить убегающего, но не преуспел в этом занятии — только полы развевающегося халата мелькнули в двери.

— Стойте! — пронесся по комнатам крик Сомова. — Мерзавцы, что вы с ней делаете?!

Сухо треснуло несколько выстрелов. Раскатисто бабахнул карабин.

Ворвавшийся в спальню Нахамсон увидел только последствия этого.

Ничком, обхватив руками окровавленный затылок, лежал на полу один из матросов. На кровати, зарывшись лицом в смятые простыни, стонала женщина. А перед кроватью лежал Сомов. На его халате расплывалось кровавое пятно. Около руки генерала валялся маленький пистолет.

— Что произошло?! — взвизгнул представитель Петросовета. — Вы что тут натворили, идиоты?!

— Да в кровати пошарить хотели... мало ли что она там заныкала? — ответил один из присутствующих, баюкая пораненную руку. — А баба — в крик! Тут этот ворвался — и с порога как стрельнет! Ваську наповал, меня вот в руку поранил... Вот его и...

— Дурачье... — обхватив голову руками, простонал Яков. — Он же живой нам нужен был! Живой! Понимаете это, остолопы?

— Да ладно тебе... — отмахнулся от Нахамсона вошедший в комнату матрос с бутылкой. — Тут и так добра — неделю гулять можно! Давай, братва, собирай манатки! И быстро!

Заскрипев зубами, Яков бросился к двери. Но, увы — поспешный осмотр столов и шкафов никаких находок не явил.

— Яшка! Ты где там? Сваливать пора, не ровен час... — раздался голос из-за двери.

Выскочив в коридор, Нахамсон увидел троих оставшихся грабителей. Навьюченные узлами, они стояли около входной двери.

— Бабу кончили? Узнает ведь нас!

— Блин! — сплюнул на пол один из матросов. Бросил свои узлы. — Я щас!

Сдергивая с плеча карабин, он направился в спальню. Едва он скрылся за дверью, Яков поднял левую руку:

— А это что за дверца?

Оба оставшихся мародера синхронно повернули головы туда, куда указывала рука.

Ках!

Ках!

Ках!

И два тела повалились на паркет.

Бух!

Грохнул выстрел за дверью спальни. И, передергивая затвор карабина, на её пороге появился матрос.

Пистолет в руке Нахамсона сухо кашлянул — налетчика отбросило назад. Пройдя по комнатам, Яков удостоверился в том, что живых в квартире не осталось.

Бросив на пол прихожей свой пистолет, осторожно приоткрыл дверь. В подъезде стояла мертвая тишина.

Прикрыв дверь за собою, он быстро сбежал вниз по лестнице.

На заснеженных улицах Питера было пусто. Редкие прохожие рисковали выглядывать по ночам в холодные лабиринты улиц и извилистых переулков.

Быстро пробежав по улице, Нахамсон свернул в подворотню. Осмотрев окна дома, удовлетворённо кивнул. И через пять минут уже стоял около массивной двери.

Тук...

Тук-тук...

Тук-тук...

Лязгнули запоры, и дверь приоткрылась:

— Входите.

В небольшой комнате царил полумрак. Низко висящая над столом лампа освещала только сам стол и кисти рук сидящих за ним людей.

— Вы достали документы? — Голос хозяина квартиры выдавал в нём иностранца. Судя по акценту, англичанина.

— Нет, — отрицательно покачал головою Яков. — Генерал оказался настороже. Поддельный мандат позволил нам войти, но Сомов распознал переодетых матросами уголовников. Надо полагать, они как-то сфальшивили. Он начал стрелять... убил двоих. Ответным огнём был убит. Тщательный обыск квартиры никаких результатов не принёс.

— Плохо... теперь пойдёт шум.

— Не пойдёт. Я принял меры — никто ничего не расскажет.

— А... жена генерала?

— Никто.

— Однако... вы решительный молодой человек. Что же мы теперь будем делать?

— После всего случившегося... мне не хотелось бы оставаться в Петросовете. Раз сошло с мандатом, второй... дальше так рисковать опасно.

— Ладно, мы ценим ваше сотрудничество. Подумаем и над этим. Можете идти спать, утром обсудим вашу дальнейшую судьбу...

Тщательно заперев дверь и подперев дверную ручку стулом, Нахамсон стащил с кровати на пол подушку с одеялом. Бросив на пол шинель, расположился сбоку от двери. Мало ли... в комнату необязательно заходить, стрелять-то можно прямо через дверь. Яков сунул под подушку наган и через несколько минут забылся тревожным сном...

1935 год.

*Главное управление пограничной и внутренней охраны НКВД СССР
Даурский погранотряд*

— Вот, смотри! Это теперь твой участок ответственности, — опершись рукою о стол, начальник разведывательного отдела провел рукою по карте. — Территория — будь здоров! Сопки, реки, тайга — сам черт ногу сломит!

Лейтенант Кожин с интересом рассматривал карту:

— А эти значки?

— Это пикеты. Выставлены в тех местах, где наиболее вероятен прорыв противника с сопредельной стороны.

— И что же — бывают тут такие?

— А ты думал?! Не каждый день, понятно, но пробуют иногда. Думаешь, на той стороне у нас друзей полно? Как же! Спят и видят, как бы куснуть почувствительнее.

Собеседник лейтенанта сел на стул и, вытащив из коробки папиросу, постучал ею о коробку. Чиркнул спичкой.

— Ты кури, если охота.

— Спасибо. — Кожин тоже чиркнул спичкой, прикуривая. — А кто там — на той стороне?

— В основном, конечно, контрабандисты. Как правило, китайцы, у них этот промысел ещё с царских времен отлажен. Но и всякой прочей швали хватает. Хунхузы забредают, но это редко, они больше на своей стороне шалят. А вот казаки... те, бывает, и к нам заглядывают. Не могут, сволочи, простить своего разгрома. Тут ведь и семеновские недобитки окопались, и ещё не пойми кто... Как это у попов говорилось — всякой твари по паре.

— А у нас тут что?

— Да, почитай, ничего и нет. В деревнях народ живет — так он тут

уже сто лет живет. В тайге всякие людишки обретаются, так те в деревню только за припасом и заходят. В основном в лесу сидят безвылазно. Среди них тоже есть... всякие. Документов у большинства жителей здесь ещё с давних времен не водилось. По причине ненадобности — отсюда-то никто ведь никуда, кроме как в армию по призыву, не выезжал. Сейчас-то мы это дело поправили, по крайней мере, переписали всех, кто и где живет. Но всё равно... полной ясности нет.

— Так местное население нам не помогает?

— Хм! Ну, как тебе сказать... Помогать-то помогает... только вот особого рвения в этом нет. Контрабандисты-то кому своё добро волокут? Им же и тащат, а уж те далее его налаживают.

— И что же они несут?

— Спирт. Марафет. Порошки разные и прочее добро. Ткани всякие. Даже иголки с нитками! В любой дом зайди — у всех это есть. А спросишь, где взял, — ответ один: мол, на базаре купил.

— Марафет тоже?!

— Нет, тут с этим делом строго — не потребляют. Он весь в глубину страны идет. Но меньше стали его таскать, это уже милиции в плюс — повывели любителей!

— А назад контрабандисты что несут?

— Золото. Иногда монеты царские попадают. Но в основном песок и самородки. Деньги наши попадают, но нечасто.

— А откуда берут?

— Иногда отсюда, в тайге его тайком моют. В иных случаях привозят ещё откуда-то. У нас здесь с оперативным обеспечением трудно. Население местное нас не то чтобы не любит — этого нет, но... как бы тебе сказать... не жалуется. На словах все вежливые да уважительные, а вот на деле никто помогать не рвется. Здешние места — каторжные, сюда ещё Николашка всяких душегубов опосля каторги ссылал на вечное поселение, так что память у них тут осталась прежняя. Да и уклад жизни соответствующий. Мол, не тронь меня — и я тебя не трону. Засядут за своими заборами — и всё тут. Промеж себя, ясен пень, у них иначе дело обстоит. Примут и обогреют, да в беде помогут. А к властям отношение... в общем — сам все увидишь.

— Стало быть, мне в основном на свои силы и рассчитывать?

— Да. Именно так. На заставе тридцать восемь бойцов да два младших командира. Вот и все твои наличные силы.

— А что мало-то так?

— Так и у других не лучше. В отряде мангруппа — шестьдесят сабель.

Да броневик один, ещё с революционных времен. Две пушки есть. Медвежий угол — что ты хочешь?! Подкрепление нам обещано... да когда его ждать?

— Понятно... а с вашей стороны как? Хоть какая-то информация о той стороне будет? Или так и сидеть всю дорогу настороже?

— А тебя сюда зачем прислали? Скажут сидеть — будешь даже спать вполглаза, с поста не отлучаясь никуда! — Начальник разведотдела пригасил папиросу. — Ладно... не тушуйся... Мы тоже здесь не лаптем щи хлебам. Не скажу чтобы много, но кое-что нам оттуда попадает. Мы же пикеты не просто так выставляем. Да меняем их частенько тоже не потому, что так левая пятка пожелала. То, что будет надобно, до сведения доведём своевременно. Твое дело — опосля этого не зевнуть. Усёк?

— Понял.

— А раз понял — собирайся. В комендатуре с утра ваш старшина штаны просиживает. Хотел ещё вчера отъехать, да я придержал — узнал о твоём прибытии. Вот он на заставу-то и проводит. В канцелярию зайди, там тебе документы по всей форме уже небось выписали.

Выйдя из комендатуры, Кожин огляделся по сторонам. Его внимание привлекли три завьюченные лошади, стоявшие у коновязи. Завьюченные — стало быть, груз везут, и неблизко, да не по самой лучшей дороге. Вполне вероятно, что как раз на заставу и собираются. А раз так, где-то и старшина должен рядом быть. Только где? А вот сейчас и выясним...

Подойдя к коновязи, лейтенант поставил на землю свой чемодан и решительно принялся отвязывать лошадь.

— Эй-эй, не балуй там! — Топот ног раздался откуда-то с правой стороны. — Ох! Извините, товарищ лейтенант! — осёкся кричавший, увидев знаки различия Кожина.

Обернувшись, лейтенант разглядел веснушчатого красноармейца, растерянно переминавшегося с ноги на ногу.

— А старшина ваш где, товарищ красноармеец?

— Отошел на минутку, товарищ лейтенант! Газеты получает — как раз свежие привезли.

— А вы, как я понимаю, при лошадях?

— Красноармеец Федотченко, товарищ лейтенант! А вы, простите, не наш ли командир новый будете? А то товарищ старшина мне приказал во все глаза смотреть — мол, говорит, не упусти!

— Так и есть, товарищ Федотченко. Назначен к вам командиром заставы. А вы откуда будете?

— С-под Смоленска я, товарищ лейтенант! Тут уж второй год служу.
— И как служба?
— По-всякому бывает, товарищ лейтенант. Иной раз и по трое суток не спамши сидим... А иногда — тихо, хоть ворон считай.

— Стреляют здесь?
— Случается. Дак вы и сами всё вскорости увидите! А вот и старшина!

От крыльца комендатуры к ним направлялся коренастый мужик. «Форма подогнанная, сидит ладно, — отметил лейтенант. — Сверхсрочник скорее всего». В руках подходивший нес пачку газет и журналов, перевязанную бечевкой.

Подойдя ближе, старшина бросил куда-то к виску лопатообразную ладонь.

— Старшина Храмов, товарищ лейтенант! — представился он. — А вы, товарищ лейтенант, не иначе как наш новый командир?

— Точно так, товарищ старшина, — кивнул Кожин. — Вот мои документы, ознакомьтесь.

— Всё правильно, товарищ лейтенант, — прочитав удостоверение, пробасил старшина. — Вещи ваши где забрать прикажете?

— Вот они все, — ткнул ногою чемодан лейтенант. — Можем ехать хоть сейчас.

— Федотченко! Прибери чемодан! И вот это, — поднял Храмов с земли пачку, — во выюки убери. Отложишь там, как обычно...

— Разрешите исполнять, товарищ лейтенант? — обернулся к новому командиру красноармеец.

— Выполняйте!

— Коня я вам привёл, товарищ лейтенант. Он с другой стороны здания, там тенёк... Все наши кони там привязаны, здесь только выючные, тут грузить их ближе. — Старшина протянул в ту сторону здоровенную ручищу. — Пойдемте?

Конь оказался хорош! Статный и холеный, он прядал ушами и настороженно косился глазом на нового хозяина.

— С норовом... — одобрительно проворчал Храмов. — Но — добрый коняка! Орликом кличут. Прежний наш командир очень его ценил!

— А что с ним стало-то? — не поворачивая головы, спросил Кожин. — Отъехал куда? Или перевели?

Уже заканчивая фразу, он понял, что сморозил что-то не то. По тому, как помрачнел собеседник, стало ясно, что предположения были неверными.

— Так... погиб наш командир...

— Как это?

— Вот так и погиб. Выехал вечером на проверку, да назад никто не возвратился. Втроём они выезжали-то, ещё два бойца с ним были.

— Так... может, ещё...

— Не может. На второй день обнаружили его спутников — их в ручье притопили. Камней сверху навалили, чтобы сразу их не сыскали. А на четвертый день и командира нашего нашли. Аккурат напротив заставы. К дереву привязали да штыком прикололи. Мучали его перед смертью сильно, руки-ноги поломаны были. Огнем жгли...

— И... кто ж его так?

— Да... известно кто... хунхузы — их это повадки так над людьми изгаляться-то... Да и значок на дереве выжгли — тавро атамана главного.

— Что за знак такой?

— На заставу приедем — покажу. У него так все лошади отмечены, да и люди тоже.

— И что же, не искали их?

— А чего искать-то? Известно, где бандит тот обитает. Да загвоздка в том, что это уже на той стороне! Не то бы ему быстро икнулось...

Искося глянув на старшину, Кожин понял — смерть хунхуза была бы нелегкой.

— А как же конь?

— Так как раз в тот день командир его не взял — перековать надо было коня-то! Вот на подменной лошади и уехал... торопился сильно и не стал ждать-то.

— За что ж так вашего командира-то?

— Контрабандистов он сильно прижал. Последние месяцы редко какая неделя без задержания обходилась. Вот и поломал он на той стороне кое-кому дело налаженное. Ему уж и письма подбрасывали, и просто с той стороны кричали. Мол, охлони малость. Да только не хотел он слушать никого. Вот так оно и получилось.

— Ну, ничего. И при мне этим гадам легче не будет. А до хунхуза твоего доберемся. Дай только срок.

Кожин вместе со спутниками был в пути уже четвертый час. Через пару часов после выезда из селения дорога стала ощутимо хуже, и он понял, почему старшина взял вьючных коней вместо телеги. Нет, она бы тоже прошла, дорога не настолько уж плоха. Но тогда всем сопровождающим пришлось бы постоянно слезать с коней, расчищая путь

от упавших деревьев.

— Как же тут местные-то ездят, а, старшина? — проворчал лейтенант, очередной раз объезжая выворотень.

— А какие тут местные, товарищ лейтенант? Здесь около заставы всех живущих по пальцам пересчитать можно, нисколько не затрудняясь.

— Что, неужто так мало народа?

— Да посчитайте сами. Деревня здесь только одна, полтора десятка дворов. Да хуторов по тайге разбросано штук пять. Вот и все население. Туда, откуда мы с вами едем, выбирают несколько раз в год. В основном на базар.

— А живут-то они как?

— Так все свое: поле какое-никакое есть, мед в лесу, мясо — там же. Живут тем, что зверя бьют да пушнину сдают. А отвозят ее в центр два-три раза в год. Там же порох берут, припас, товар всякий. Незачем им туда ездить.

— Да, глухие у вас места.

— У соседей — так еще и хуже бывает! Вообще бывает так, что ни верхом, ни пешком не пройти. У нас-то еще хоть как-то ехать можно. Оттого и прут контрабандисты мимо нас. Удобно им. Да и к населенке поближе, чем от соседей-то. Угораздило же нас на этом месте службу нести! — в сердцах сплюнул старшина. — На соседних заставах одного нарушителя в месяц поймают — и то праздник. А у нас так и прут, будто им тут медом намазано.

— Гордиться надо, товарищ старшина, что государство доверило вам охранять столь ответственный участок границы! Не каждого сюда поставят.

Старшина покосился на командира:

— Все так, товарищ лейтенант, все так...

После этой реплики старшина потерял охоту к продолжению разговора. И дальше они ехали молча.

Через час пути кавалькада поднялась на гребень холма. Старшина остановил коня:

— Здесь привал, товарищ командир. Тут мы обычно чай готовим.

— А что, до заставы далеко еще?

— Часа два. Это ежели повезет.

— Как это — повезет?

— Река, бывает, разольется. Деревья попадают. Дальше-то уж совсем места глухие пойдут. Объехать стороной тут никак невозможно. На заставу приедем уже затемно. Где ж там перекусывать? А на голодное брюхо и дорога дольше кажется.

Надо думать, именно последний аргумент и являлся в данном случае решающим. А вовсе не трудность дальнейшего пути. Во всяком случае, судя по ухоженному кострищу, подобные чаепития устраивались тут регулярно. Федотченко сноровисто развел костер, притащив из кустов охапку нарубленных веток, и подвесил над ним закопченный котелок, который он достал из дупла стоящего рядом дерева.

— Здесь порядок такой, товарищ лейтенант, — пояснил старшина Кожину. — Уезжать будем — котелок назад положим да чаю щепотку оставим. Другой кто поедет, и он тако же поступит. Тайга... спокон веку тут подобное повелось...

Чаепитие и перекус много времени не заняли, и вскоре небольшой отряд продолжил путь.

Поднявшись на гребень очередной сопки, Орлик втянул ноздрями воздух и всхрапнул, что-то почуяв. Передвинув поудобнее кобуру, Кожин, стараясь делать это незаметно, расстегнул клапан.

— Не волнуйтесь, товарищ лейтенант, — заметив его движение, сказал Храмов. — Тут чужих не будет. Это конь ваш Иваныча почуял. Он завсегда нас здесь встречает. Костер увидит — и к дороге выходит.

— Это кто ж таков-то?

— Живет он здесь. Давно уже. Еще и заставы нашей не было, а он уж тут свой дом поставил.

— А встречает он вас зачем? — оглядываясь по сторонам, поинтересовался лейтенант.

— Дак газеты мы ему привезли. Новости опять же. Тут, хоть и тайга, а интерес у людей имеется. Да вы головой-то попусту не крутите. Небось увидеть его хотите? Так не старайтесь понапрасну: он, ежели захочет, рукою вас потрогать может, прежде чем вы его увидите. Столько лет в тайге, тут чему угодно научиться можно.

— Это ты, Петя, правильно сказал, — прозвучал совсем рядом чей-то голос. — Только вот сам учиться не шибко спешишь. Столько лет уж здесь, а все такой же.

Крутанув головой, лейтенант увидел в трех шагах от себя неподвижно стоящего человека. Кожин мог поклясться, что еще пару секунд назад на этом месте никого не было. Незнакомец стоял в свободной позе, опираясь рукой на дерево. Через плечо стволом вниз висело ружье. Интересное, кстати говоря, оружие! Двустволка с вертикальным расположением стволов. Один ствол, судя по калибру, был нарезной, второй — гладкий. На ружейном ремне прикреплены патронташи, в каждом из которых торчало по несколько штук патронов. Такой же патронташ имелся на прикладе.

Никакого другого оружия у незнакомца не было, только на поясе висел нож в ножнах.

— Тьфу на тебя, Иваныч! — дернулся в седле старшина. — Прекращай эти свои шуточки! Незнакомого человека так и напугать можно.

— Да какие же это шутки? Сколько раз тебе, Петя, говорил: внимательнее надо быть! Тайга — она невнимательных не жалует. А что до незнакомых — извиняйте, не признал сразу. Думал, свои все.

— Да ничего-ничего, товарищ! — нашёлся Кожин. — Меня тоже напугать не так-то легко, это уж старшина преувеличивает. Приходилось, знаете ли, в переделках бывать.

— А вы, как я понимаю, командир новый будете?

— Правильно понимаете, товарищ.

— В таком разе позвольте вам представиться: Шведов я, Александр Иванович, житель здешний. Будете мимо проходить — милости прошу на чаек.

— Кожин Михаил Федорович. Назначен на заставу командиром.

— Ну, и слава богу. Не дело это, когда отряд без командира. Льщу себя надеждой встретиться с вами еще не раз.

Спешившийся красноармеец подал Шведову пачку газет и небольшой мешочек. Тот степенно кивнул головой в знак благодарности.

— Не смею более задерживать вас. До заставы путь неблизкий.

И гость бесшумно растворился в близлежащих кустах.

— Ничего себе! — покачал головой лейтенант. — Прямо как леший. Его даже не слышно совсем. Это откуда же он такой выискался?

— Всегда тут был. Как мы костер на перевале зажгли — так и он сюда наладился. У него из дому место это видно, раз огонь горит — так, значит, скоро на заставу поедут. Как раз ему сюда и дойти. Мы ему газеты возим, порох иногда купить просит да свинец. Нам не в тягость, а благодарность от хорошего человека приятна. Принято здесь так, друг другу помогать. Своим — тем более.

— В каком это смысле — своим?

— Он, товарищ лейтенант, в некотором роде сослуживец наш, — проговорил старшина.

— Это как?

— Так тоже из пограничников.

— А служил где?

— Да... При царе и служил, в этих самых местах. Раненый — тоже, видать, супостаты подстрелили. Он оттого и в отставку вышел. До революции ещё.

— Это выходит — он из белых?

— Какие тут белые, товарищ лейтенант! В этих лесах войны не было. Не за что здесь воевать. Он тут чуть не с семнадцатого года живет. Во всяком разе, когда мы сюда пришли заставы ставить, он сам к нам первым пришел. Советы дельные давал, опыта у него хватает. И помогал не раз.

— А звание у него какое?

— Штабс-капитан.

— Офицер, стало быть?

— Точно так, товарищ лейтенант.

— Проверить его надо.

— На моей памяти, товарищ лейтенант, только вы уж не обижайтесь, вы пятый будете, кто это делает! Каждый новый командир, что сюда приезжал, аккурат с этого дела и начинал. Да без толку это. Иваныча и в отряде знают хорошо. И ценят. Году в двадцать пятом через его распадок бандиты уходили. Кровищи на них было полно, терять было нечего. Вот и шли они к границе самым коротким путем. А путь этот один: через его дом. Он прям посреди распадка и стоит. Тогда вся округа на дыбы поднялась. Почитай, всем миром этих негодяев ловили. Они ж, перед тем как уйти, два хутора здешних разорили. Взяли по мелочи, но в живых никого не оставили. Такая уж у них натура звериная. Ну, взяли они харч, лошадей — людей-то за что стрелять?

— И что дальше?

— А то, товарищ лейтенант, что зажал их Иваныч посреди открытого места. Да так шесть часов и продержал, пока с заставы подмога не подошла. Ну, и мужики местные к тому времени подтянулись. Они стрелки знатные, белку в глаз бьют. Так что к подходу наших ребят бандюков всего четверо и осталось. С них всех потом после обыска чуть менее пуда золота взяли. Понятно теперь, почему они так к границе-то рвались?

— Сколько же их всего было?

— Осьмнадцать человек да главарь ихний. Говорят, в драке пятерых стоил.

— И это что же, Иваныч их всех и положил?

— Неа... евойный только главарь да ещё шестеро. Не перепутать: его штуцер, как в башку попадёт — так она и вдребезги! Правда, ещё троих подранил, ну, уж этих-то мужики опосля дострелили. А так-то он им просто голову высунуть не давал, постреливал иногда, чтобы не рвались особо. Ну, кто слишком резвый был да шумный, тот в лобешник-то и схлопотал. Остальные и притихли, ждали, когда у Иваныча патроны кончатся.

— Не дождались, надо думать.

— Два патрона у него было, как наши подоспели. Он уже прикидывал, как бы половчее с бандюка убитого карабин снять, да вот не пришлось...

— Надо же! Интересное у него ружьё!

— Да, редкий ствол. Поди, денег немалых стоит.

— А взял он его где? Неужто купил?

— Контрабандисты кому-то несли... да не донесли, видать. Повздорили с ним, думаю, да только вышел им тот спор боком... Может, и иначе было, так про то никто не ведаёт. А патроны он сам заряжает, пули льёт, я видел.

— Непорядок это. Трофейное оружие сдавать положено.

— У него это ружьё уже лет десять. Да тут, ежели по этому поводу местных трясти начнём... у каждого таких ружей не одно и не два. Вот начальство и распорядилось шума не поднимать. И то дело — на охоту как мужикам ходить? А случись такая банда ещё разок? Из двустволок их пугать прикажете? Дома все и останутся, никто в тайгу не пойдёт — бодайтесь, ребята, сами. Нам же хуже будет.

Кожин промолчал.

К заставе они подъехали через час.

Сначала над верхушками деревьев появилась наблюдательная вышка. А уж потом лейтенант рассмотрел и всю заставу. Длинный дом — казарма пограничников. Домик поменьше, надо думать — штаб. Ещё несколько строений в сторонке — жильё для комсостава, где-то там и его будущее обиталище. Перепутать с чем-нибудь конюшню было нереально.

Вот и всё. Здесь Кожину теперь предстояло жить и работать. Не самое шикарное место. Зато он тут главный начальник! И не только здесь! На всей окружающей территории — тоже. Приятно осознавать...

Видимо, глазастый часовой на вышке рассмотрел среди прибывших нового человека. И сообразил, кто это такой.

Ибо к тому времени, как отряд въехал на территорию заставы, весь личный состав уже был выстроен для встречи нового командира.

Приняв рапорт от черноусого сержанта и поздоровавшись с бойцами, лейтенант распустил строй и отправился в штаб — хотелось посмотреть на место своей будущей работы. Но, увы — помещение удивило спартанской простотой, и, огорченный этим фактом, Кожин вышел во двор. Присев на лавочку, он достал коробку с папиросами. Постучав мундштуком о крышку, прикурил.

Звук шагов — он резко повернул голову влево. А рука сама собою

снова дернулась к оружию.

— Ой! — смущённо потупилась молоденькая девчушка, выскочившая из-за угла штаба. — Извините! Я вам мешать не хотела...

— Ну, что вы! — незаметно отодвинув руку от револьверной кобуры, в свою очередь смутился лейтенант. — Ищете кого-нибудь?

— Да... дядя тут должен быть...

— Машка! Вот надеру тебе хвоста... — пробасил вышедший откуда-то старшина. — Дома подождать не могла?

— Так уж когда вы приехали-то, дядь Петь, а в дом всё не идешь!

— Служба! Понимать надо! — назидательно поднял вверх палец Храмов. — Вы извините, товарищ лейтенант, это племяшка моя. Родителей не осталось, вот она со мною и живёт.

— Что вы, товарищ старшина, всё в порядке, — успокаивающе поднял раскрытые ладони Кожин. — Я и не знал, что у нас тут такие красавицы обитают!

Девушка зарделась — это было видно даже в сумерках.

— Красавицы... — пробормотал польщенный старшина. — Пигалица она, а не красавица... Да привез я тебе краски, привёз — не стой над душой!

Москва

Где-то в большом городе...

— Ну-с, Олег Иванович, рассказывайте! Рапорт я ваш прочёл, но хотелось бы, чтобы вы своими словами мне всё подробно разъяснили.

— С чего начать, Абрам Аронович?

— Здешний расклад я знаю, так что начинайте с Германии.

— Слушаюсь! Итак, после того как бывший подполковник Рафалов дал свое согласие на сотрудничество, мы, согласовав это с руководством, выехали с ним в Дрезден. Поскольку семья подполковника оставалась здесь, риск был сведён к минимуму.

— Пойдите, но ведь он сам к нам пришёл? Чего ж вы тогда опасались?

— Ну... всё-таки он бывший офицер... мало ли...

— Понятно. И что же было в Дрездене?

— Рафалов пояснил, что его однокашник по академии Генерального штаба, капитан Яровцев, был в свое время направлен именно туда. Поскольку по роду своей деятельности они были в Германии достаточно близки, подполковник знал, где и под какой легендой он должен был проживать. По нашей просьбе местные товарищи осторожно навели

справки и выяснили — есть такой человек! Далее всё зависело уже от Рафалова.

— Так. Продолжайте.

— Для встречи был выбран ресторан, куда Яровцев заходил каждую субботу. Мы заказали соседний столик, и, дождавшись капитана, подполковник ему показался. Несмотря на то что с момента их последней встречи прошло почти двадцать лет, тот его узнал. Но виду не подал, лишь выходя, сделал тому знак, чтобы он следовал за ним. Дабы не создавать излишнего напряжения, я отпустил Рафалова одного. На улице нас подстраховывала группа местных товарищей, о чём он не знал. Но данные предосторожности оказались излишними — встреча прошла в дружеской обстановке. Яровцев узнал подполковника и поверил своему бывшему сослуживцу. На следующий день мы втроём увиделись уже на конспиративной квартире. Капитан (кстати говоря, он уже успел стать подполковником, о чём Рафалов не знал), выслушав меня, выразил своё согласие продолжить работу уже в качестве нашего агента. О чем дал соответствующую подписку. Помимо этого, он через три дня представил обстоятельный доклад о своих возможностях. А они оказались достаточно велики!

— Да, — кивнул комиссар госбезопасности, — читал я эти документы. Впечатляет!

— А вот теперь, Абрам Аронович, то, о чём я писать не рискнул...

— Ну-ну!

— В разговоре со мною Яровцев сказал, что давно ожидал чего-то подобного. В смысле — такого предложения. Только вот ждал он, естественно, не Рафалова.

— Кого же он ждал?

— Тут вот в чем дело, Абрам Аронович... Ещё в конце семнадцатого года его навестил один человек. Сам капитан его ранее не встречал, но знал о его существовании. Этот человек занимался обеспечением безопасности агентов русской разведки. Организовывал их эвакуацию в случае провала или оперативной необходимости. Да и многие другие вопросы тоже мог разрешить успешно — были прецеденты. Его можно было вызвать самому — такой сигнал существовал.

— Интересно! — Слуцкий подтянул к себе блокнот и сделал в нём пометку. — Продолжайте!

— Этот человек — его знали как Проводника — передал капитану известие о производстве в чин подполковника. Сообщил приказ руководства...

— Кого именно?

— Генерала Сомова.

— Так!

Ещё одна пометка в блокноте.

— Приказ следующий: прекратить всякую активность, «лечь на дно» и спокойно жить, ожидая дальнейших указаний. Для этого подполковнику были сообщены номера двух счетов в различных банках, условия их использования и передана некоторая сумма денег наличными.

— Про такие случаи и я слышал.

— В последующие годы Проводник появлялся ещё трижды, проверял, как живется его подопечному.

— Когда именно?

— В 1923, 1928 и в прошлом году. Подполковник говорит, что всякий раз перед своим появлением тот тщательно изучал обстановку издали. После чего давал условный сигнал. Но встречал Яровцева всегда по дороге к месту встречи.

— Новые задания?

— Нет, ничего такого не было.

— Сигналы для экстренной встречи?

— Вот они, — собеседник комиссара положил на стол лист бумаги. — Текст объявления в газету и почтовый адрес для телеграммы.

— Харбин? Хм... Ещё что?

— Яровцев сказал, что знает ещё одного своего коллегу. На этот раз — Гамбург. Правда, лично они не знакомы, и помочь нам устроить встречу он не может. Рисковать столь ценным агентом я не хотел и сказал подполковнику, что мы всё сделаем сами.

— Правильное решение, Олег Иванович! Рафалова вы тогда и отправили назад?

— Совершенно верно, Абрам Аронович. Он свое дело сделал.

— Так... И что же было в Гамбурге?

— Указанного Яровцевым человека мы нашли далеко не сразу. Он сменил место жительства и работы. Хорошо, что мы смогли сделать запрос и получить из Москвы его фото, он сильно изменился, и даже по карточке его узнали не сразу. Понаблюдав за ним несколько дней, я принял решение не освещать перед ним свою принадлежность к НКВД.

— Почему?

— Он имел обширные контакты среди эмигрантов... зная их отношение к СССР...

— М-м-м... спорное утверждение. Хотя... вам на месте было виднее.

Продолжайте.

— Мы разработали легенду прикрытия. По ней я представился ему сотрудником второго отдела Генерального штаба Польши. Соответственно экспозитуры номер четыре.

— Краковской? Почему?

— Дело в том, что в этот момент в Гамбурге находился их сотрудник — помощник военного атташе посольства, капитан Адам Кравец. Удалось узнать, что он будет на спектакле в городском театре. Интересующий нас человек тоже должен был там быть, удалось проследить факт приобретения им билета.

— Кстати, а как его зовут?

— Полковник Марецкий, Павел Григорьевич.

— Угу... — Слуцкий записал имя в блокнот.

— Выбрав момент, я обратил на себя внимание полковника, находясь поблизости от капитана.

— Как именно?

— Опрокинул на поднос бокал. Брызги попали на мундир капитана. Полковник обернулся на звук и увидел, как я помогаю тому очистить рукав. Всё прошло гладко, я извинился перед поляком, тот тоже что-то сказал мне в ответ.

— Неплохо придумано.

— А на следующий день я подошёл к Марецкому. Передал ему привет от старых друзей и предложил поужинать вместе. Полковник удивился и спросил — что это за друзья? Тогда я назвал ему фамилию Сомова.

— И что же?

— Он вторично удивился и сказал, что не знает такого господина. А знакомых генералов никогда в жизни не имел. От ужина отказался. Так что этот блин вышел комом...

— Печально... теперь к нему не подойдёшь...

— Я принёс свои извинения и покинул место встречи. Однако же наблюдение за ним мы не прекратили. В тот день он свернул с обычного маршрута и зашел на почту. Дал телеграмму.

— Кому?

— Увы... этого не удалось установить.

— Жаль. Надо думать, он сигнал тревоги дал.

— Мы тоже так и подумали. Наблюдение усилили, но прошел месяц — ничего. Уже хотели его снять, как вдруг Марецкий исчез из нашего поля зрения! Правда, ненадолго, всего на три часа. Я полагаю, что встреча всё-таки состоялась. Не знаю, какие инструкции там получил полковник, но вот

дальнейшие события заставили напрячься уже нас!

— А именно?

— Через неделю капитан Адам Кравец разбился на своём автомобиле. Пьяный был, вот и зазевался...

— Сочувствую его руководству и семье.

— Один момент — он был язвенником и вообще не пил. Ничего, крепче молока.

— Даже так?

— Да. А его начальник, полковник Ежи Энглиц, получил множество соболезнований. В том числе — и из Великобритании.

— Надо думать, погибший капитан был известной личностью.

— Угу. Был. Только вот одна из телеграмм была отослана до этого несчастного случая. Кравец разбился в четверг утром, а телеграмму отправили в среду вечером. Любопытна также и подпись на ней.

— И кто ж был столь осведомленный отправитель?

— Он подписался именем Харон...

— Проводник в царство мертвых, если верить грекам?

— При определённых условиях, он мог оттуда и вывести...

— Хм! Так вы, Олег Иванович, полагаете, что это тот самый Проводник?

— Это наиболее логическое объяснение всего происшедшего. Ничего более подходящего я найти не могу.

— Полтора месяца... Он получает сигнал, проверяет Марецкого. Встречается с ним и, выяснив личность предполагаемого вербовщика, делает толстый намёк полякам. М-м-да... А ваше наблюдение, как полагаете, Олег Иванович, он заметить мог?

— Не знаю. Во всяком случае, никто из нас ничего подозрительного не видел.

— А Марецкий где?

Собеседник комиссара потупился. Покатал в руках карандаш:

— Сегодня утром я получил сообщение... он выехал.

— Куда?

— На лечение. В Карловы Вары.

— И ваши сотрудники его потеряли в дороге...

— Он сел на поезд... мои люди не могли предположить такого развития событий и не были к этому готовы. Отдано распоряжение товарищам в Чехословакии, им сообщили номер поезда.

— На котором, скорее всего, Марецкого уже не будет. Что уж говорить-то — переиграли вас! По всем статьям, да-с! Это мастер работал, Олег

Иванович! Что планируете предпринять?

— Мы можем дать сигнал от имени Яровцева...

— Угу. И Проводник снова сработает самым неожиданным образом. Как вы полагаете, ваши люди успеют предотвратить их контакт? Учтите, что уж ему-то подполковник поверит безоговорочно. У вас есть гарантии того, что Проводник и его не выведет из нашего поля зрения аналогичным способом? Просто отдаст приказ — и Яровцев его выполнит.

— Но ведь он теперь работает с нами!

— А с Проводником подполковника связывает почти двадцатилетнее сотрудничество. Что перевесит? Он же ему обязан практически всем! Да и где гарантии, что Харон не отдаст приказ уже и от нашего имени?

Слуцкий побарабанил пальцами по столу.

— Нет, Олег Иванович, такую операцию я вам запрещаю! Мало того, что мы можем потерять Яровцева, так кто знает, к каким действиям мы подтолкнём Проводника? Он может почувствовать угрозу людям, которых он опекает. И как тогда он поступит? Молчите? Не знаете? И я не знаю...

Комиссар откинулся в кресле и задумчиво посмотрел в окно. Его собеседник молча сидел напротив, не решаясь прервать размышления начальника.

— Значит, так! — хлопнул ладонью по столу Слуцкий. — Генерала этого найдите. Людей его. Все архивы поднять и хорошенько перетряхнуть. Искать любое упоминание об этой операции. Не могла же она производиться на страх и риск одного человека? Да и средства там, судя по всему, немалые задействованы. Они тоже не из воздуха взялись, так ведь? Далее. Проводник явно работает не один, вопрос — с кем? Где его организация? Кто в неё входит, как финансируются? Под какой крышей действуют? Установить адрес в Харбине, взять под наблюдение. У вас какие-то соображения по этому вопросу есть?

— Есть, Абрам Аронович. Яровцев упомянул, что Проводник несколько раз выводил в Россию агентов разведки. Стало быть, они могут что-то о нём рассказать. Считаю целесообразным поискать и здесь. Не факт, что все они принадлежали к ведомству Сомова.

— Разумно, — кивнул комиссар. — Действуйте, Олег Иванович! О результатах доложите лично. Через... — он заглянул в настольный календарь, — месяца вам хватит?

— Хватит для того, чтобы правильно расставить все силы и определить направления работы, Абрам Аронович.

— Значит, через месяц. Всё, товарищ майор! Жду вас с докладом.

Даурский погранотряд

Бросив поводья сопровождавшему красноармейцу, Кожин легко взбежал по ступеням штаба. Ответив на приветствие дежурного, он поднялся на второй этаж. У него было приподнятое настроение. Откровенно говоря, поводы для некоторого носозадиания имелись, и весьма серьезные. Всего полгода прошло с того момента, как он прибыл на заставу. Оглядываясь назад, лейтенант сам удивлялся тому, каким же, в сущности, нелепым образом он должен был выглядеть тогда в глазах окружающих. Сегодня ему самому казались смешными некоторые собственные высказывания. Окунувшись с головой в повседневные заботы своего немаленького хозяйства, он быстро растерял неуместный здесь юношеский максимализм и уверенность в собственной непогрешимости. Самым же лучшим уроком для него явилось произошедшее через месяц после его прибытия на заставу столкновение с контрабандистами. На этот раз группа попалась немаленькая, только носильщиков было человек пятнадцать. Да десяток вооруженных бандитов шли в сопровождении. Попытавшись взять руководство боем в свои руки, Кожин почти моментально расстрелял весь свой наличный боезапас, потерял где-то фуражку, охрип и сидел, прижавшись к дереву, сжимая в руке наган с одним-единственным патроном. Тем не менее, несмотря на то что он перестал отдавать команды (а может быть, именно поэтому), бой отчего-то не прекратился, а разворачивался своим чередом. Ловким и умелым маневром пограничники обошли контрабандистов и отрезали им обратный путь к границе. После чего частым винтовочным огнем прижали бандитов к земле. Сметнув, что дело плохо, носильщики, побросав груз, начали разбегаться во все стороны. И трое из них, ломившиеся напропалую по бурелому, выскочили прямо на лейтенанта. Отступать было невозможно, стрелять нечем — патронов не было. Один патрон — не в счёт. Вскочив на ноги, Кожин выхватил из ножен шашку. И, потрясая ею, заорал носильщикам что-то невразумительное. Надо думать, вид всклокоченного пограничника, размахивавшего наганом и обнаженной шашкой, представлялся достаточно грозным и внушительным. Во всяком случае, носильщики тут же попадали на колени и потянули руки вверх.

Точку в бою поставило подкрепление, подоспевшее со стороны заставы. Десяток бойцов с ручным пулеметом разом заставили притихнуть уцелевших к тому времени бандюков. Трое самых неугомонных получили свою порцию свинца и затихли навеки. Остальные начали бросать оружие и сдаваться. В этот момент и появился на поляне командир заставы, подгоняющий перед собой троих перепуганных контрабандистов. Внешне

все вышло очень даже пристойно. Во всяком случае, командование отреагировало на этот бой самым положительным образом. Всему личному составу во главе с командиром объявили благодарность в приказе.

И один только Кожин знал, чего стоил ему этот бой. Первым же побуждением лейтенанта, когда он вернулся на заставу, стало желание написать рапорт о переводе. И лишь заглянувший к командиру старшина быстро смекнул, что же происходит на самом деле. Он ничего не сказал командиру, но через пару часов деликатно постучал ему в дверь:

— Товарищ лейтенант! Мы тут баньку истопили.

— Спасибо, старшина. Вы уж без меня.

— Никак нельзя, товарищ командир. Традиция такая: в бой чистым идти, и после боя — баня. Так уж не нами заведено.

Делать было нечего, и Кожин как был, внутренне взъерошенным, так и пошел.

В предбаннике, кроме старшины, никого не оказалось. А вот в парилке кто-то гремел шайками. Перешагнув порог, лейтенант аж поперхнулся, насколько там было натоплено.

— Пожаловал... — прогудел из облаков пара чей-то голос. — Ну, ложись, голуба, на полоч.

Свистнул веник...

Вдыхая пересохшим горлом прохладный воздух, Кожин жадно хлебал холодную воду. Стукнула дверь, и из парной появился раскрасневшийся Шведов. Сунув веник под лавку, он, подхватив двумя руками лохань, щедро плеснул на себя холодной водой.

— Уф! — Отфыркиваясь, словно конь на водопое, Иваныч сел рядом с лейтенантом.

Кожин только молча покосился на него. Нимало не смутившись, тот сунул руку куда-то в угол и достал оттуда бутылку, заткнутую кочерыжкой.

— Старшина, ты где там пропал? Кружки давай.

— Да я не пью, вы что! — возмутился было командир заставы.

— Да здесь все не пьют. Вы разве хоть одного пьяного видели?

— Нет, не видел.

— Так и не увидите. Баловство это, — проворчал Шведов, разливая по кружкам самогонку. — Первый бой у вас?

— А вы откуда...

— Да уж вижу. У меня-то, чай, едва не хуже вашего в первый раз было. Спасибо взводному унтеру, Прокопычу, вытянул тогда бой на себе. А то я уж и не знаю, чем бы все закончилось. Я тоже вроде вас долго себе места не находил. Собрался рапорт писать, чтобы сменили меня.

— Да и я тоже хотел...

— Бывает. Привыкай, лейтенант, ты — командир, на тебя все бойцы смотреть будут. Ты слабину дал — и весь отряд попятился. Подстрелил хоть кого-нибудь?

— Не знаю. Стрелял... Наверное, попал.

— Наверное — или попал?

— Не попал.

— Это хорошо, что ты сам себе хотя бы не врешь. Ну, будем.

Обжигающая самогонка, прокатившись по горлу, гранатой взорвалась в желудке. В ушах сразу зашумело, и очертания окружающих предметов слегка потеряли четкость.

— Хорош на сегодня, — убрал бутылку под лавку Иваныч. — Ну, что, еще разок в парную? Надобно хмель выгнать вместе со всеми дурными мыслями.

И, подхватив веник, он призывно распахнул дверь.

Наутро Кожин чувствовал себя на удивление спокойным и собранным. Появившийся с докладом старшина заставы ни единым намеком не напомнил ему про вчерашнее. После развода лейтенант уселся писать обстоятельную докладную в штаб отряда, присовокупив к ней длинный перечень изъятого у контрабандистов добра. Вызвал дежурного:

— Задержанные к транспортировке готовы?

— Так точно, товарищ командир. Раненые перевязаны.

— Сколько их?

— Шестеро, товарищ лейтенант.

— Подготовить шесть подвод. На двух уложить раненых, в прочих разместить конфискованный груз. Конвой — десять человек. Через час доложить о готовности.

— Слушаюсь, товарищ командир!

«А ведь меня сегодня в первый раз назвали командиром. До этого только по званию обращались. Интересно, с чего бы это вдруг? Ладно, разберусь после».

Выйдя на улицу, чтобы проводить конвой, лейтенант осмотрел бойцов:

— Старшина!

— Я, товарищ лейтенант! — откликнулся Храмов.

— Продукты на дорогу бойцам выделены?

— Так точно, положенный паек.

— Чай, сахар?

— Никак нет, сухой паек.

— Выделить. Ну, чтобы и на обратном пути оставили сами знаете где...

Проводив взглядом отъезжающих бойцов, Кожин повернулся к старшине:

— Петр Владимирович, тут такой вопрос есть...

— Слушаю вас, товарищ лейтенант.

— Что-то неважно у меня со стрельбой... Подучиться не мешало бы. Только вот у кого?

Старшина улыбнулся в густые усы.

— Ну, ежели так, как по уставу положено, — это я завсегда помочь готов. А вам, товарищ лейтенант, так в первую очередь!

— А что, еще какие-то варианты есть?

— Есть, товарищ лейтенант, как не быть.

— И какие же?

— К Иванычу вам съездить надо. Многие наши у него бывали. Все потом добрым словом поминали его науку. Стрелок он добрый. И учитель неплохой.

— А что, он не только стрелять умеет?

— Да много чего могёт. С Машкой моей тоже занимался. У нее по дурости девичьей страсть какая-то непонятная к рисовательству. Так он, как с серьезной, с ней время попусту тратил. Ан, глядишь — и получилось. Начала она что-то похожее на натуру изображать. Теперь вот и доводит меня каждый раз, как в отряд еду: купи ей краски да бумаги купи.

— Покупаете?

— Куда ж без этого? Одна она у меня из родни осталась. Как не побаловать?

— Добро, старшина. А как до Иваныча-то доехать?

— Так вон, тропинка ведет. За горку свернете — она и раздвоится. Вам направо. А там и сами увидите. Я тогда к вечеру за вами наряд пошлю.

— Зачем это?

— Да уж дюже мы вчера сала за воротник залили кой-кому. Так что ответной гадости долго ждать не придется.

Искомый дом лейтенант нашел достаточно быстро. Собственно говоря, домом это назвать было трудно. Скорее, небольшим хутором. Несколько основательных строений расположились прямо посередине широкого распадка. Прикинув направление, лейтенант понял: самый удобный и короткий путь к границе — это здесь. И как пробка в бутылочном

горлышке, располагался тут хуторок.

Подъехав к дому, Кожин спрыгнул с коня и привязал его за кольцо, венчавшее врытый у ограды столб.

— День добрый гостю!

Обернувшись, лейтенант увидел хозяина. И опять удивился: только что на этом месте никого не было.

— И вам здравствовать, Александр Иванович. Как так выходит, скажите, что появляетесь вы каждый раз неожиданно? Ведь вроде и место относительно открытое, и кустов здесь никаких нет.

— В этом-то главная ошибка и состоит, Михаил Федорович. Так все и думают, что ежели место ровное, так на нем и спрятаться негде. Вот вы, когда к дому подъезжали, на что в первую очередь внимание обращали?

— На кусты, понятное дело. Да на камни вон с той стороны.

— Отчего же так?

— Да оттого, что спрятаться там легко. В камнях легко десяток стрелков спрячется, а за кустами хоть роту сажай.

— То-то и оно! Покойный Мыров точно так же и думал.

— Это кто ж такой-то?

— Есаул Мыров. Главарь той самой банды. Они с той стороны шли, — махнул рукой Шведов, — и глазами больше на эти места смотрели. А я на лугу лежал, перед кустами.

— Так отчего ж так-то? Вас же видно отовсюду!

— А вы посмотрите сами. — Шведов легко поднялся с места и зашагал по лугу: — Вот смотрите, Михаил Федорович, здесь ямка, а перед ней левее и правее — кочки. Прикиньте, если в эту ямку человек ляжет, откуда его видно будет?

Лейтенант осмотрелся по сторонам:

— Да, пожалуй, что и ниоткуда. С боков его кочки закроют. Разве что спереди или сзади.

— Все так, только сзади еще как-то зайти надо. Тот же, кто спереди голову поднимал, тотчас же ее и лишался. Оттого-то вся пальба бандитская толку никакого не приносила. Они все больше по кустам стволами шарили, думали, там я сижу. А в голову никто и взять не мог, что я лежу прямо перед ними, на открытом месте. Протвояественно это логике человеческой. Потому и не может человек в это сразу поверить. Вы уж послушайте меня, Михаил Федорович, я дурного не посоветую. И в наше время слишком принципиальный начальник поста особенным долголетием похвастаться не мог. Вы знаете, сколько у вас предшественников было?

— Пятеро, а что?

— Шестеро. Вы седьмой будете. Так вот, первых двоих так никто и не сыскал. Сгинули в тайге, словно не было их никогда. Третьему повезло. Тут тогда эскадрон кавалерийский стоял, прорыва бандитов с той стороны опасались. Оттого и не нагнали шибко контрабандисты с хунхузами. Ушел он в запас живым. Не скажу, чтоб сильно здоровым, но живым, а главное — целым. Двоих последующих по ранению демобилизовали. Живыми, что само по себе хорошо, хотя и не совсем целыми. Один руку потерял, другой — ногу. А вот предшественник ваш...

— Про него знаю. Как же это так выйти-то могло?

— Да бог весть. Что уж его тогда с места сорвало, про то никому из нас неведомо. Да только я думаю, весточка та ложная была. Очень уж сильно хотелось ему Ляо поймать.

— А кто это таков?

— Старшина вам тавро показывал? Его это знак. Люди его ходят тут иногда. Нечасто, но и сам он появляется. Обычно это тогда бывает, когда что-то серьезное головорезы его тащат. Предшественник ваш, надо думать, нашел кого-то в его банде, кто ему информацию передавал. Да только оказался этот кто-то двурушником. На две стороны работал, иначе говоря. И вашим, и нашим информацию сливал. Сталкивался я уже с такими вещами, оттого и говорю так уверенно.

— А вот скажите, Александр Иванович, от границы к вам дорога удобная. И дальше в глубь страны тоже идти легко. Отчего ж тогда контрабандисты здесь не ходят?

— Хотите это знать? — покосился хозяин хутора на начальника заставы.

— Мне ж тут жить...

Ничего более не говоря, Шведов повернулся и зашагал к лесу. На секунду приотстав, лейтенант последовал за ним. Шли недолго, метров триста. Поднявшись на пригорок, Шведов остановился:

— Вон там, внизу, видите?

Кожин присмотрелся. Внизу, на небольшой полянке виднелось несколько холмиков.

— Я правильно понимаю, что это...

— Правильно понимаете. — Собеседник лейтенанта похлопал рукой по прикладу своего ружья. — От них осталось. Они заявили ко мне ночью, убили собаку. С тех пор я не держу собак.

— Почему?

— Пес почему-то не залаял.

— Зачем же тогда было его убивать?

— А я знаю? Должно быть, чтобы страху нагнать. После этого они вошли ко мне в дом. И сделали предложение.

— Какое же?

— Я должен был укрывать их товар, обеспечивать проход групп через границу, сообщать о ваших передвижениях.

— Что же такое вам обещали взамен?

— Цена оказалась достаточно высокой. Мне оставляли жизнь. Правда, они не учли, с кем имеют дело. Не думаю, что у них хватило времени, чтобы осознать свою ошибку.

— И сколько же их там?

— Семь человек.

— И вы их что, застрелили всех?

— У меня тогда не оказалось оружия под рукой. Максимум, до чего я успел добраться, так это до чугушка на столе. К тому времени их уже осталось два человека. Последнему я отрезал голову косой, она стояла в сених.

— Ничего себе, у вас биография... — покачал головой лейтенант. — И вы так спокойно мне об этом говорите?

— Это было в двадцать первом году. Советская власть только-только начала появляться в этих краях. Милиция — так вообще появилась года через два. Я собрал их винтовки и отвез командиру кавалерийского эскадрона. Это была самая сильная власть в здешних краях.

— И что же он вам сказал?

— Собакам — собачья смерть. А через мой распадок больше никто не пробует ходить. Люди, живущие на той стороне, имеют неплохую память. Мне пробовали грозить, оттуда приходил человек. Он пояснил мне, что линия границы, проведенная на карте, не является препятствием для его друзей. С этим я согласился. И добавил, что она также не является препятствием для меня. И предложил подумать над моими словами. А чтобы им легче думалось, я нанес визит их главарю. Тогда им был господин Чэн.

— Ему вы тоже что-то отрезали?

— Ну, зачем же? Я оставил у него на столе посреди комнаты голову одного из этих семерых. А рядом положил записку, что точно таким же образом я могу принести туда что-нибудь еще, гораздо более неприятное. Гранату или бутылку с керосином. Надо думать, там все поняли правильно, и меня больше никто не беспокоил. Да вы не удивляйтесь этому, Михаил Федорович, поговорите с любым из местных жителей, вам расскажут еще и не такую историю. В здешних краях долгое время царила полная анархия.

Поэтому выжили только те, кто сумел за себя постоять.

— Однако... Я подозревал, конечно, что здесь не все так легко и просто. Но чтоб до такой степени...

— Вас ничего здесь не удивляет?

— А что тут есть такого удивительного?

— Хотя бы то, что я живу тут один. В таком удобном и красивом месте. На хорошей дороге...

— Ну... мало ли... по-всякому бывает.

— Я не первый здесь житель, Михаил Федорович. Последний. Здесь когда-то стояла деревня. По местным меркам — богатая. Вон там, в рощице, шестьдесят восемь могил — все её жители. А остатки домов ещё можно разглядеть... если хорошенько поискать.

— И... кто ж это сотворил?

— Бандиты.

— Белые?

— Бандиты не имеют окраски — они просто негодяи, вот и всё. Это было в двадцатом году. Мне тогда повезло — был в тайге, на охоте. Теперь, надеюсь, вы понимаете, в какое место вас занесла судьба?

И с этого дня в жизни Кожина поприбавилось физических нагрузок. Улучив время, он частенько наведывался в гости на хутор. Добравшись же вечером до дома, лез в баню, распаривая дико болевшие мышцы. Но потихоньку-полегоньку он втянулся в этот процесс, уже не казавшийся ему настолько изнурительным и мучительно-бессмысленным. Руки лейтенанта приобрели твердость, и мускулы понемногу налились силой. Даже походка стала несколько иной. Взгляд теперь подмечал малейшие изменения в окружающем ландшафте, а уши научились выделять из монотонного шума деревьев посторонние звуки.

Так что шедший сейчас по коридору штаба командир уже мало чем напоминал вчерашнего выпускника погранучилища, который прибыл на границу переполненный юношеским задором и максимализмом.

— Разрешите? — стукнул он в дверь разведотдела.

— Входи! — оторвался от бумаг худой капитан. Поднялся навстречу и жестко стиснул ладонь, здороваясь: — А ты возмужал, Кожин! Вон, даже в плечах раздался!

— Так с утра до ночи на ногах! Да на свежем воздухе.

— Ну и славно! Садись, давай. Кури, коли охота.

— Спасибо.

— Долго кота за хвост тянуть не буду, времени и так мало. Слушай сюда. То, как ты там, на месте, взялся — это хорошо! Начальство одобрило,

оттого и помощь тебе выделяют первому. Не зря народ старается да силу нашу укрепляет денно и нощно. Двадцать человек пополнения и два ручных пулемёта — цени!

— Вот это здорово! — аж привстал со стула лейтенант. — За это спасибо! Самый раз ребята поспеют!

— А отчего так, не спросишь?

— Отчего же?

— Данные у нас есть — ожидаем напряжения обстановки на твоём участке. Не только контрабандистов и прочую шваль ждём, между прочим! И другие гости к тебе пожаловать могут вскорости. С обрезом под полою, а то и с чем похуже! Много чего у нас с тобою за спиной расположено, что господам империалистам на той стороне очень даже не по душе! Есть сигналы, что зашевелились японцы. Не только здесь, но и на участках других отрядов тоже. Проявляют какую-то странную активность, лезут всюду, куда не просят. Неспроста это! Так что и мы сидеть без дела не собираемся. Потихоньку-полегоньку, а надо границу укреплять. Хватит уже всяким шибко хитрым товарищам шастать туда-сюда! Пора этому конец положить да на замок границу запереть!

— Давно пора!

— Так что иди в штаб, тебя там с утра уже ждут. Получай пополнение и быстро вводи ребят в курс дела!

Москва.

Где-то в большом городе

— Ну, Олег Иванович, слушаю тебя внимательно! По глазам вижу — чего-то накопал!

— Точно так, Абрам Аронович, есть некоторые интересные подвижки. С чего прикажете начать?

— Кто такой Проводник, установить смогли?

— Твердо знаем одно — он кадровый офицер разведки. Работает с 1914 года. Неоднократно награждался боевыми орденами. Из дворян, получил хорошее образование, вроде бы даже в университете учился.

— В каком? Когда?

— Окончил его перед войной и тогда же поступил на военную службу. Вот какой именно — это установить пока не удалось.

— То есть военного училища Проводник не заканчивал? А вы говорите — кадровый!

— Не военного призыва — точно. Первое офицерское звание он получил ещё до войны.

— Ну... ладно, дальше что?

— Знает несколько иностранных языков. Хорошо развит физически. В совершенстве владеет холодным и огнестрельным оружием. Мастер перевоплощения — свободно чувствует себя в форме германского офицера или в компании уголовников. Легко входит в доверие к собеседнику.

— А вот это — интересный момент, Олег Иванович! С уголовниками общий язык найти непросто, чужого они не примут, человек посторонний у них долго не задержится. Там своя контрразведка — не хуже, чем у нас!

— У нас есть показания полковника Ролдугина, которого Проводник выводил из Германии. Тот подробно описал его внешность, манеру разговаривать и некоторые характерные приметы.

— А именно?

— У Проводника есть шрам на щеке. Вот здесь, — указал рукою майор. — Это очень характерная примета.

— Почему же? И что это за шрам такой?

— Шмисс. Ролдугин считает, что это шрам от студенческой дуэли.

— Так. Надо полагать, и университет тоже немецкий...

— По-видимому, да, товарищ комиссар.

— Стало быть, его готовили для внедрения на территорию Германии. Загодя готовили, Олег Иванович! Так что вы были правы насчет кадрового — беру свои слова назад! Ещё что?

— Ролдугин также упомянул одно любопытное словечко... В процессе выхода его в Россию полковнику приходилось разговаривать с некоторыми людьми, из числа тех, что обеспечивали им свободный проход через границу. Так вот, однажды один из таких людей в разговоре сказал: «Повезло тебе, дядя, — сам Франт провожает! Этот, ежели за дело взялся, — до конца обязательно доведёт!»

— Значит, Франт... А настоящее его имя каково?

— Увы, Абрам Аронович, это мы пока установить не смогли...

Даурский погранотряд

Кожин с сомнением оглядел стоящего напротив него человека. Обыкновенный китаец, таких на той стороне навалом. Именно из таких и вербовали контрабандисты большинство носильщиков, так что на подобных типов Михаил успел уже налюбоваться вдосталь.

— Сам, говорите, вышел? — повернулся он к старшему наряда.

— Так точно, товарищ лейтенант, сам. Сразу руки поднял и к вам попросился.

— Именно ко мне?

— Сказал — к командиру вашему. Очень нужно.

— Хорошо, можете быть свободны.

Пограничник козырнул и, повернувшись кругом, вышел из комнаты. Начальник заставы повернулся к задержанному:

— Итак, вы меня увидели. Зачем это вам было нужно?

— Я пришёл, чтобы передать вам послание.

— От кого?

— От господина Ляо.

Китаец неплохо говорил по-русски, только в отдельных словах чувствовался акцент.

— Что же он хочет мне сообщить?

— Он предлагает вам договориться.

— На предмет?

— В последнее время на границе стало худо. Много новых людей, стрельба... Есть убитые, у многих из них остались семьи.

— Их никто не заставлял сюда лезть. И стрелять тоже никто не уговаривал. Мои бойцы не открывают огонь первыми, вы это знаете.

— Сейчас с той стороны границы много солдат... Не стоит поднимать большой шум. Стрелять тоже не надо, неизвестно, как воспримут это солдаты...

— Ну, так и не лезьте сюда! И стрельбы не будет.

— Господин Ляо хочет закончить тут своё дело. Мы совсем уйдём из этих мест, тут стало плохо... солдаты тоже нас не любят.

— Буду только рад этому.

— Господин Ляо просит вас... некоторое время не трогать его людей. Мы только выполним свои обязательства перед серьёзными и уважаемыми людьми. И сразу уйдём. Это ведь и для вас будет лучше, не так ли?

— Господин Ляо обратился не по адресу. Я таких вопросов не решаю.

— Он сказал, что будет весьма благодарен. Вам лично.

— Меня такие предложения не интересуют. Можете так ему и передать.

— Я не смею, конечно, вам советовать... но... вы совершаете ошибку. О которой можете потом горько пожалеть... вы ведь не первый начальник заставы в этих местах...

Кожин вскочил с места и схватил парламентаря за ворот куртки. Затрещала плотная ткань.

— Передай своему господину — он тоже не первый бандит в этих краях! Я имею в виду — зарытый в землю бандит! Пусть не думает, что у него две головы — может потерять и единственную!

Оттолкнув китайца, лейтенант вызвал часового:

— Довести до границы и дать пинка! Заблудился этот тип, не понял пока, куда попасть ему надобно...

Выскочив на улицу, Кожин только головою покачал. Ну и ну! Совсем контрабандисты оборзели! Надо будет Иванычу рассказать. А то он опять собрался на свои заимки — сказал, что месяца три там бродить будет. Попросил поселить к нему в дом нескольких бойцов — оказывается, это было в порядке вещей, так и раньше иногда поступали. Понятное дело, когда хозяин дома, никто туда и не сунется, а вот как уйдёт на охоту... Правильно, а я это проведу по бумагам как пикет, заодно и данный участок границы перекрою. Вообще-то говоря, пикет там надо постоянный ставить, неправильно — на гражданского человека заботу о границе возлагать. Не его это работа. Ладно, вот Иваныч вернётся, с ним и посоветуюсь, может, какое место получше подскажет.

— Миша?

Машенька! Надо же, как незаметно подошла!

— Ты прямо как лисичка подкрадываешься! Тебя и не слышно совсем!

Девушка смущенно потупилась:

— Скажешь тоже... Я просто иду.

— Но очень тихо! И так легко — шагов и не слышно вовсе. А что интересного у тебя сегодня? Рукав краской запачкан... дай угадаю! Опять на озеро рисовать ходила?

Маша кивнула:

— Туда.

— Далеко это...

— А я на лошади! Так гораздо быстрее!

— Да я не это в виду имел... нехорошо, что ты туда одна ходишь.

— Так поехали вместе! Больше-то не с кем...

«Ох, глаза твои хитрющие! Не с кем... да тут желающих — только свистни! Только дядю сурового и опасаются... Однако же... ведь никогда раньше так не говорила! А что? И съезжу! Только попозже...»

Раздавшийся в сенях топот сапог заставил Шведова поднять голову. Рука его скользнула под стол.

Распахнувшаяся дверь звучно долбанула о стену.

— Иваныч!

— Ты чего, Петя, взъерошенный такой? Прямо лица на тебе нет? — Рука хозяина дома, до сего момента скрывавшаяся под столешницей, легла

на стол. — Да садись ты, в ногах правды нет!

— Да где ж она есть?!

— Что стряслось-то? Толком говори!

Старшина грузно опустился на лавку. Снял фуражку и скомкал её в руке:

— Машка...

— Что Машка?

— На озеро поехала... и пропала.

— Ну... мало ли... она натура увлечённая, могла и завернуть куда в сторону.

— Не то все, Иваныч... она не одна поехала. Кожин с нею был.

— Так чего тогда дергаешься? Он парень крепкий, да не с пустыми руками небось поехал-то?

— Того и опасаясь. Китаеза к нам с той стороны приходил. Ляо его прислал. Просил придержать нас на время, а командир ему в морду сунул. Да выгнал. Вот и смотрю я...

— Вот как? — Шведов повертел в руках ложку. — На озеро кого послал?

— Да, дежурный наряд. Только что-то их долго нету.

— А сам, значит, ко мне наладился... Что ж не в отряд?

— До них ехать сколько? Да и чем они помогут? Пока суд да дело...

— Не тяни, Петя! Что-то ты ещё знаешь, так говори!

— Боюсь я, Иваныч! А ну как с прежним командиром станется? А с ним Машка... Да и вообще... нечисто что-то в округе стало. Опять же — солдаты эти, черт их приволок. Сто лет их тут не было — явились!

— Видел кого?

— Так, чтобы точно — не скажу. Но сам знаешь...

— Знаю.

На улице заржала лошадь, слышались голоса. Храмов, вскочив на ноги, бросился к окну:

— Наряд вернулся!

Вошедший в комнату боец был мрачен. Не говоря лишнего слова, он вытащил из кармана револьвер:

— Вот, на дороге подобрали.

Хозяин дома протянул руку:

— Давай-ка его сюда... так... стреляли из него недавно, три пустые гильзы в барабане. Что там ещё интересного было?

— Кусты примятые, трава. След от копыт — пяток лошадей точно там побывал.

— След куда?

— Туда, — мотнул головой боец в сторону границы.

— Кровь, вещи какие-нибудь?

— Нет. Ничего такого не нашли.

— Свободен.

Проводив взглядом ушедшего бойца, старшина повернулся к собеседнику:

— Ну?

— Что — ну? Ляо это, больше некому. Сам же это чуял, чего за лейтенантом никого тайком не послал? Молчишь? Ну и что теперь делать будем? К пограничникам ихним ехать?

— Без толку это... Разве что в отряд...

— Не крути, Петя! Ты ко мне приехал, ведь уже тогда чуял что-то! Чего тебе надо — прямо сказать можешь?

— Помоги, Иваныч!

— Чем?! У меня тут что — полк солдат в тайге запрятан?

— Иваныч... Христом богом прошу!

— Чем, Петя?!

Старшина некоторое время сидел молча.

— Я ведь не слепой, Александр Иванович... тоже вижу кой-чего. Один ты тут — это верно. Однако ж контрабандисты мимо тебя не ходят.

— Так одного раза хватило небось?

— Не так. Боятся они тебя — то так, не спорю. Однако причина в том другая есть...

— И какая же?

— Не велено им.

Хозяин дома помолчал.

— Иваныч! — вскочил с места старшина. — Что хошь проси! Ребят подниму, пулемёты дам! На себя всё приму!

— Сядь! — голос Шведова изменился. Он побарабанил пальцами по столу. — Отведи наряды от границы. Оставишь людей только у Горелой пади и у реки, там, где переправа. Туда — по пулемёту. Дежурную группу держи в готовности. Начиная с вечера. В отряд ничего не сообщай, понял?

— Понял. Но...

— Не твоя забота. За мной никому не ходить. Увижу — вернусь. Трёх человек держи тут, на всякий случай.

Та сторона границы.

Место, не обозначенное на карте

Сидевший на поваленном дереве хунхуз, положив на колени винтовку, напевал себе под нос что-то монотонно-заунывное. Скоро вечер, в лагере приготовят ужин. Сегодня обещали хорошее мясо — такое бывает нечасто. Надо полагать, это оттого, что к хозяину пожаловали гости. Два важных японских офицера, в сопровождении пяти солдат. Они приехали сюда на машинах, а это значит, что приехавшие — очень уважаемые люди! Разве кому-нибудь другому дали бы ездить по этим местам на машинах? Почаще бы появлялись такие важные господа, может быть, и нас тогда бы кормили хорошо?

Чуть слышный шорох в кустах заставил часового встрепенуться и подхватить винтовку:

— Кто тут?

— Мне нужен господин Ляо. — Выехавший из кустов всадник, смотрел куда-то поверх головы хунхуза.

— Кто ты? И зачем тебе мой господин?

Человек на лошади медленно повернул голову и посмотрел на часового сверху вниз:

— Ты не понял? Я хочу видеть твоего господина!

— Я не буду звать его неведомо кому! Отвечай — кто ты, или умрешь!

— Скажи своему господину, что его хочет видеть посланник господина У. Не мешкай! — В голосе гостя прорезался металл.

У часового противно засосало под ложечкой. Господин У... никто и никогда не видел его в лицо, только хозяин иногда уезжал к нему на поклон. И судя по тому, как тщательно готовились к этому визиту, отбирая подарки и наилучшие украшения, прогневать такого могущественного человека было бы делом весьма неразумным.

— Я передам ваше указание, мой господин! — Хунхуз, протянув руку, дернул за сигнальную веревку. — Прошу меня простить, но я не могу покинуть своё место!

Шепнув подбежавшим товарищам пару слов, часовой, перехватив оружие (как он это видел у японских солдат), постарался принять подобающую стойку. Мало ли... гость может счесть, что ему не выказали должного уважения. Посланцев таких людей лучше не сердить, они часто бывают более злопамятны, чем их господа. Что им всем до жизни простого человека?

Через несколько минут на полянку торопливо выбежал ближний помощник господина Ляо — Вэнь И. Высокий и худой, он, казалось, прямо-таки лущился от радости:

— Господин...

Всадник предостерегающе поднял правую руку.

— Не при всех...

— Да, господин! Хозяин просит у вас прощения, но... к нам прибыли важные гости, он не может покинуть их сейчас, это было бы неучтиво... Возможно, вы сообразовываете пожаловать в наше скромное жилище?

— Проводи меня... — тронул незнакомец коня. — И распорядись — пусть приготовят еду и постель. Путь был трудным...

Узкая и разбитая дорога вилась между постройками. Именно постройками, ибо назвать эти строения домами — язык не поворачивался. Собственно говоря, таковых в этом месте было всего два, и к ним направлялся сейчас таинственный визитер. Один — крепкий и солидный, когда-то принадлежал (судя по постройке) выходцу из России. То же самое можно было сказать и о меньшем домике. А вот все прочие хижинки этого затерянного в лесах поселка были сляпаны на скорую руку и годились лишь для того, чтобы переждать в них непогоду да обогреться.

— Кто это? — поинтересовался гость, указывая на два автомобиля, припаркованные около большого дома. Легковушка и грузовик стояли на улице, и около них расхаживал японец в военной форме, с винтовкой наперевес. — Что тут делают эти солдаты?

— Они сопровождают гостей хозяина.

— Что это за люди?

— Я не знаю. Меня не пригласили в дом...

«Точнее сказать, не допустили, — хмыкнул про себя гость. — Невысокого ты полета птица для таких визитеров. Мордой не вышел...»

Не обращая внимания на насторожившегося часового, посланец господина У подъехал к крыльцу. Спрыгнул прямо на ступени и, нимало не беспокоясь о своём коне, направился к двери. Забежавший вперёд Вэнь И с низким поклоном растворил её перед ним. Надо полагать, визитер неплохо знал планировку дома, поскольку уверенно повернул прямо к нужной двери, несмотря на то что никто ему не указывал дорогу. Однако здесь его ожидало первое препятствие — стоявшие около неё солдаты скрестили перед ним штыки своих винтовок.

— И как я должен это понимать? — ни к кому конкретно не обращаясь, проговорил посланец в пространство.

— Прошу простить вашего недостойного слугу, — снова склонился перед ним помощник господина Ляо. — Я немедленно о вас доложу!

Его самого солдаты пропустили без возражений, видимо, этот хунхуз был им знаком.

Почти тотчас же двери распахнулись, и на пороге появился хозяин дома — невысокий китаец в расшитом драконами халате.

— Тысяча извинений, мой господин! — вежливо наклонил он голову. — Этот дом, как и все его обитатели, по-прежнему в вашем распоряжении! Некоторые неудобства вызваны лишь тем, что к нам прибыл с визитом майор Огано! Его солдаты не знают вас, оттого и принимают такие меры предосторожности.

Появившийся следом за китайцем японский лейтенант что-то коротко сказал часовым, и те вытянулись по обе стороны двери, более не препятствуя посланцу пройти внутрь комнаты. Он не преминул этим воспользоваться.

Когда-то здесь было несколько комнат. Возможно, две или три. Но сейчас межкомнатные стены были сломаны, и получилось большое помещение. Справа от двери располагался стол, за которым в настоящий момент сидели несколько человек. По одну сторону стола было место хозяина, встречавшего у двери посланника. По другую — в качестве уважаемого гостя сидел японец в чине майора. Рядом с ним почтительно наклонил голову солдат, надо думать, переводчик. Ещё двое солдат застыли неподвижными фигурами по обе стороны двери, на этот раз изнутри помещения. Напротив них вдоль стены вытянулись несколько молчаливых фигур — телохранители хозяина. Надо сказать, что для этой цели господин Ляо подобрал не самых маленьких своих бойцов. В руках одного из них ручной пулемёт Льюиса смотрелся буквально игрушкой. «И где он только такого откопал?» — мелькнула в голове посланника мысль.

Пройдя к столу, он пододвинул себе стопку подушек и небрежно на ней развалился.

Сидевший сбоку майор невозмутимо разглядывал новое действующее лицо.

Тишину нарушил переводчик:

— Господин Ляо! Потрудитесь представить нам вашего неожиданного гостя! — Это скорее походило на приказ.

— Приношу свои извинения, господин майор, что не сделал этого сразу же! — склонился в почтительном поклоне хозяин дома, уже успевший сесть на своё место. — Позвольте вам представить подполковника Веллера. Он наш друг из Германии.

На каменном лице японца отразилось изумление. Встретить в этой глуши немецкого офицера, да ещё такого ранга — он явно не ожидал. Поманив к себе переводчика, майор что-то ему сказал.

— Не трудитесь, господин майор. Я неплохо знаю ваш язык. —

Подполковник протянул руку, и подскочивший сбоку китаец вложил в неё чашку с чаем. — Если у вас есть какие-то вопросы, можете задать их мне лично.

— Вот как? Но я ничего не слышал о вас, господин подполковник. Какую службу вы имеете честь представлять?

— Ничего удивительного, господин майор. И дальше бы не услышали, коли обстоятельства к этому не вынуждали бы. Я представляю здесь военную разведку вермахта — абвер. А вы?

— Аналогичное подразделение императорской армии, господин подполковник.

— Ваш командир — полковник Сато?

— Ваша осведомлённость делает вам честь, господин подполковник.

— Передавайте ему моё искреннее уважение.

— Вы знакомы?

— Да.

— Позволено ли мне будет осведомиться, что привело вас сюда, господин подполковник?

— Стечение обстоятельств — не более. Прошу меня простить, господин майор, но наш хозяин проявляет признаки беспокойства — он не говорит по-японски. А ваш переводчик ничего ему не переводит. Увы, но моё дело связано именно с ним.

Огано поклонился:

— Разумеется, господин подполковник. Полагаю, у нас с вами ещё будет время для беседы...

— Господин Ляо! — Голос Веллера прозвучал как удар кнута. — Я хочу выразить своё неудовольствие! Господину У будет *очень* неприятно узнать, что *наши* совместные интересы поставлены под удар. Вами, любезный Ляо!

— Любезный господин! Но в чём же провинился ваш покорный слуга?! — Вся поза грозного хунхуза сейчас выражала искреннее раскаяние.

— Во-первых, любезный Ляо, моя почта! Она стала опаздывать!

— Тысяча извинений, любезный господин! Нам мешают пограничники!

— Они мешают вам уже десять лет. Однако же раньше вы на это не жаловались, ведь так? Кстати, раз уж мы коснулись этой темы... где женщина?

— Какая женщина, мой господин?

— Ляо... — Казалось, в зале внезапно дохнуло холодом. И слова

подполковника острыми льдинками отскакивали от стен и потолка: — Я не люблю, когда меня обманывают...

— Милостивый господин... я... и в мыслях не было... как мог ваш покорный слуга...

— Дочь старшины заставы.

Хунхуз, словно ища поддержки, оглянулся на майора.

— Мы... это вышло случайно... нашей целью был...

— Командир заставы, — кивнул Веллер. — Знаю. А она здесь при чём?

— Они были вместе... так вышло...

— Плохо, любезный Ляо! Вы очень сильно *мне* помешали. Я буду вынужден... просить господина У, чтобы он принял соответствующие меры, дабы такое впредь не повторялось...

Лицо хунхуза и он сам — всё сейчас напоминало восковую статую. Да и его телохранители не остались безучастными — до них тоже, наконец, дошёл весь ужас создавшегося положения. Веллер сейчас говорил на мандаринском диалекте, и большинство присутствующих его понимали.

В наступившей тишине слышалась только скороговорка переводчика — он переводил японцу всё сказанное.

Огано кашлянул:

— Будет ли мне позволено, господин подполковник, прояснить создавшуюся ситуацию?

— Прошу вас, господин майор.

— Похищая командира заставы, наш хозяин выполнял просьбу... полковника Сато.

— Разумеется, господин Сато не откажется это подтвердить?

— Само собой.

— А девушка? Её похищение тоже входило в ваши планы?

— Э-э-э... нет. Это ненужная самодеятельность господина Ляо.

— Так. Благодарю вас, господин майор. И где сейчас эти... м-м-м... персоны?

— Здесь. Вы хотите их видеть?

— Зачем? Девушка... с ней всё в порядке?

— Она сопротивлялась... её несколько раз ударили. Но ничего серьёзного, господин подполковник!

— Так... вам она не нужна?

— Нет.

— Могу ли я просить вас об услуге, господин майор?

— Разумеется. Всё, что в моих силах, господин подполковник!

— У вас ведь есть с собой некоторые... э-э-э... медицинские препараты?

— О каких именно препаратах идёт речь, господин подполковник?

— Мне нужно, чтобы она уснула. Прямо сейчас. И проспала не менее суток. Пусть два ваших солдата доставят её в район реки. Туда, где располагается переправа. Пусть они охраняют её сон до моего возвращения. Я не очень-то доверяю... — Веллер обвел рукою вокруг, имея в виду хунхузов.

— Нет ничего проще, господин подполковник.

— Я надеюсь, что её пробуждение не доставит мне неприятных эмоций?

— За исключением тех, что связаны с уже произошедшими событиями.

— Это уже моя забота, господин майор. Как скоро вы отъезжаете отсюда?

— Прямо сейчас, господин подполковник.

— И не будете допрашивать пленного?

— Он не очень-то сейчас расположен к разговору. Надеюсь, вы меня понимаете, господин подполковник?

— Он что же — ранен?

— Нет. Просто... его взяли живым... на глазах женщины, которую он не сумел защитить... — развёл руками Огайо.

— Да... это позор для настоящего воина. Понимаю вас.

— С ним поговорят позже. Для подобной беседы у нас есть... соответствующие специалисты.

— Могу ли я присутствовать при этом разговоре? Надеюсь, ехать не слишком далеко?

— Ничуть. Пара часов — не более. К утру вы сможете быть уже у реки, я распоряжусь отвезти вас на моей машине.

— Тогда пусть солдаты, увозящие девушку, захватят и моего коня.

— Я распоряжусь, — кивнул майор, вставая. — Мы отъезжаем немедленно.

— Могу ли я попросить вас... подождать меня на улице? Недолго, всего несколько минут.

— Разумеется, господин подполковник. Вам... не требуется помощь?

— Нет.

Японские офицеры вытянувшись отвесили уважительный поклон Веллеру. Совершенно на прусский манер — резко и быстро. Каково же было их удивление, когда тот, в свою очередь, ответил им совершенно по-

японски, поклонившись традиционным образом.

За японцами захлопнулась дверь. Следом за офицерами вышел и переводчик в сопровождении солдат.

Подполковник, опустившись на своё место, взял со стола чашку с чаем.

— Ляо!

— Да, мой господин?

— Там, — палец Веллера указал на дверь, — стоит твой помощник... как его?

— Вэнь И, мой господин!

— Позови его.

Непрерывно кланяющийся Вэнь И подошёл к столику.

— А ну-ка... Сними куртку... — Подполковник встал и обошел дрожащего хунхуза со всех сторон, внимательно его разглядывая. — Ляо! Как давно у тебя этот человек?

— Четыре года, мой господин!

— И как?

— Он всецело мне предан!

— То есть он перережет горло по твоему приказу?

— Вне всяких сомнений, мой господин!

— Себе...

Наступила гнетущая тишина.

— Дай сюда саблю.

По знаку хозяина один из телохранителей вышел вперёд и положил к ногам Веллера своё оружие.

— Так... — повертел в руках клинок подполковник. — Неплохая штучка... Ну, ты! Умереть готов?

Бледный Вэнь И судорожно кивнул.

— Надо же... Они тоже? — кивнул Веллер на остальных телохранителей.

— Любой из них, мой господин! — Холодный пот тек по спине Ляо, но он старался не подавать вида.

— Положите оружие и идите сюда.

Об пол глухо стукнул пулемет, звякнули клинки сабель. Немец, ослабившись, показал рукою на другой конец комнаты, и цепочка телохранителей безропотно туда направилась.

— Вэнь И! — бросил саблю помощнику подполковник. — Ты был готов убить себя — на это смелости хватало. А хватит ли у тебя смелости убить его, чтобы занять это место?

Ляо вскинулся, но брошенная сильной рукой чашка рассекла ему бровь, и он выронил из рук пистолет. Пинком отправив оружие главара хунхузов в дальний угол, Веллер подхватил с пола пулемёт. Лязгнул затвор.

— Я не шучу... — Толстый ствол описал дугу, заглянув каждому присутствующему в лицо. — Вина смывается кровью... главного виновника. Оставшийся будет здесь старшим и он вознаградит остальных. Так, как они этого заслуживают...

Немец повернулся к Вэнь И:

— Ну что, вы готовы драться? Ляо! Вставай и бери с пола саблю! Шанс есть — ты был хорошим бойцом!

Шанс у толстяка действительно был. Подобрал с пола саблю, он пару раз взмахнул ею, проверяя баланс. И по тому, как он это сделал, сразу стало ясно, что оружие попало в руки опытного человека. На стороне Ляо оставался также, несомненно, больший, чем у его противника, боевой опыт. Зато Вэнь И выглядел менее толстым и обрюзгшим, его худое жилистое тело было более подвижным и гибким.

Поединчики закружились по залу, прощупывая друг друга пробными ударами. Выпад... ещё один... Стекавшая из рассеченной брови кровь мешала Ляо, и он периодически смахивал её ладонью, оставляя на лице красные разводы.

Высверк клинка!

Толстяк, резко повернувшись на пятках, выбросил вперёд руку!

Удачно — из рассеченного предплечья его противника потекла кровь.

Одобрительно загудели телохранители, и усмехнулся немец.

Не прекращая движения, Вэнь И подхватил с полу чей-то платок и быстро обернул им руку, останавливая кровотечение. Сделал он это настолько быстро, что вызвал одобрение со стороны зрителей. Ляо не успел воспользоваться таким благоприятным моментом, и это тоже отметили все.

Теперь положение противников стало более-менее равным, даже с некоторым преимуществом главара хунхузов. Оба были ранены, но главарь не так серьёзно.

Снова блеснули сабли, высекая искры, клинки столкнулись в воздухе.

Безрезультатно, противники не достали друг друга.

Но Ляо удачными маневрами оттеснял оппонента в угол, резко ограничивая его маневр.

Веллер присев на корточки, усмехнулся и покачал головой. В отличие от всех остальных, мнимое преимущество толстяка его не обмануло. Отступая в угол, Вэнь И приближался к возвышению в углу комнаты. Повидимому, он задумал какой-то ловкий трюк, и оно ему зачем-то было

нужно.

Подняв с пола чашку, немец поставил на сошки пулемёт и осмотрел стол. Взяв с него бутылку принялся и, одобрительно кивнув, налил из неё в чашку ханжина.

Угрожающе размахивая саблей, Ляо между тем совсем загнал противника в угол. До стены ему оставалось всего несколько шагов.

Сделав выпад, тот попытался достать соперника клинком. Неудачно... Толстяк небрежным жестом легко парировал удар.

Взмахнув рукою, Вэнь И бросил свой клинок в лицо противнику. Ляо, наклонив голову, прикрылся саблей от летящего в его направлении оружия врага.

И пропустил момент, когда его бывший помощник, оттолкнувшись ногами, вскочил на возвышение. Прыжок, толчок ногой от стены — и он кошкой приземлился за спиною главара. Ещё прыжок — и бывший помощник прижался к спине бывшего хозяина. В руке Вэнь И блеснул кинжал...

И из перерезанного горла толстяка хлынула кровь...

Разжав руки, победитель выронил кинжал и, шатаясь, сделал несколько шагов назад.

— Держи, — сказал, похлопав его по плечу, незаметно подошедший сзади немец, протягивая чашку с ханжином. — Выпей это, сейчас не помешает. Я в тебе не ошибся, парень!

— Господин! — прижав окровавленную руку к сердцу, опустил на колени победитель. — Я буду служить вам вечно!

— И не пожалеешь об этом... я отпишу господину У о том, что в твоём лице он имеет преданного слугу. Пусть мне подадут бумагу и чернила!

Стоявшие у стены телохранители тоже опустили на колени, а один из них, надо полагать — самый сообразительный, постоянно кланяясь, поднес Веллеру принадлежности для письма. Тот, присев у стола, чиркнул на листе бумаги несколько строк.

— Отправишь это, — протянул он бумагу новому главарю.

Тот, пробежав глазами написанное, низко поклонился и поцеловал руку подполковнику.

— Всё, Вэнь И, теперь это твоё хозяйство — управляй им разумно! И помни! Всё помни! — Немец подхватил с пола пулемёт. — Проводите меня.

Увидев вышедшего на крыльцо подполковника, сопровождаемого новым главарём и толпой телохранителей, куривший у машины майор Огано уважительно поцокал языком. Бросив папиросу, он шагнул к

открытой переводчиком двери и сделал приглашающий жест Веллеру. Тот, отдав солдату пулемёт, сел рядом с майором. На переднем сиденье расположился лейтенант. Не поместившийся в машину толмач забрался в сопровождавший офицеров автомобиль. Благо что там теперь имелись свободные места — двое солдат уже отправились выполнять приказание майора. Обдавая окружающих облаками дыма, машины выбрались по разбитой колее из поселка. Тут дело пошло веселее, за поселком дорога стала посуше и несколько получше. Машины пошли резвее.

— Приношу дань уважения вашим талантам, господин подполковник! — произнёс Огано. — Не могу не выразить своего восхищения тем, как ловко вы управляетесь со всем этим сбродом!

— Что делать, господин майор? Я в этих краях уже давно... Других, более пригодных для наших целей помощников тут нет. Остатки же русских казаков совершенно неуправляемы. Тем более что о каком-либо сотрудничестве с нами они и слышать не хотят. Приходится работать с этими... — Веллер кивнул в сторону поселка. — Это уже не первый главарь банды, которого мне пришлось заменить.

— Понимаю... — почтительно наклонил голову майор. — А это обязательно надо было делать таким... э-э-э... жестоким образом?

— Разбойники понимают только силу. Нечеловечески жестокую и безжалостную. По уму, так надо было бы ещё кого-нибудь убить. Причём — собственноручно и желательно — максимально эффектно. Дабы укрепить в их головах свою репутацию. Зря я этого не сделал! Старее, наверное...

— По вам и не скажешь, господин подполковник! Воин — всегда воин, в любом возрасте.

— Благодарю вас, господин майор, за столь лестную оценку моих скромных возможностей! — серьёзно сказал немец.

— Не считите за назойливость, господин подполковник, но как так могло выйти, что мы узнали о вас только сегодня? Наши службы сотрудничают уже достаточно долго, наши страны являются союзниками, но никто и никогда до сегодняшнего дня о вас не слышал! Что же до господина У, то я просто теряюсь в догадках — каким образом вы подошли к нему настолько близко? Этот подозрительный китаец уже лет пять ни с кем не общается, запершись в своем доме. Окружил себя охранниками и даже с полковником Сато согласился встретиться далеко не сразу. И это учитывая громадную разницу в их положении! Кто он — и кто полковник?

— Всё очень просто, дорогой майор. Как давно вы ищете к нему подход?

— Четыре года.

— А я его нашел четырнадцать лет назад. Когда теперешний всесильный человек был всего лишь главарём мелкой шайки разбойников. Мы дали этому атаману денег и помогли выстроить его бандитское княжество. Он обязан нам буквально всем! И хорошо об этом помнит! Поэтому-то я и могу выступать от его имени. У хорошо знает, в чьих банках лежат его деньги.

— Надо же... — Огано покачал головой. — Всё так просто...

— Четырнадцать лет, майор! Не забывайте об этом!

— Вы уже так долго здесь работаете?

— Гораздо дольше, господин майор, смею вас уверить! А что до моей скрытности... на то есть свои соображения там, — ткнул рукою в потолок подполковник. — С начальством не спорят...

Совершенно автоматически майор поднял голову вверх, следя за кистью руки немца.

И пропустил сокрушительный удар локтем в горло!

На противоходе кулак подполковника проломил висок водителя. Вскинувшийся было лейтенант получил в шею нож, блеснувший в левой руке немца, и обмяк. Перегнувшись через спинку сиденья, Веллер осторожно повернул руль в сторону, не давая машине съехать с дороги. Выбив правой рукой передачу, он протолкнулся ещё вперед и выдернул рукоятку ручного тормоза. Чуть вильнув, автомашина остановилась. Поправив одежду, немец осмотрелся. И открыл дверь, выходя на дорогу. Перед этим он вытащил из кобуры лейтенанта «Намбу» и, передернув затвор, засунул пистолет в карман. В другом уже притаился браунинг майора.

Остановившись около автомобиля, он с недовольной миной на лице ожидал, пока подъедет следовавший в некотором отдалении грузовик.

Скрипнув тормозами, тот остановился в десяти метрах от легковушки офицеров, и через борт немедленно перескочили двое солдат. Разбежавшись по сторонам, они взяли винтовки на изготовку, внимательно оглядывая окрестные кусты.

«Так двое на посту, водитель за рулем. Ещё один торчит в кузове, охраняя пленного. Стало быть, остается только переводчик, водитель из машины не выйдет. А надо, чтобы вышел». — Веллер повелительно взмахнул рукой, подзывая к себе переводчика.

— Водитель майора плохо себя почувствовал! А нам надо ехать! Давайте сюда вашего, этим займетесь после нашего отъезда!

Подбегавший переводчик кивнул в знак понимания. Обернувшись к

грузовику, жестом подозвал водителя. Он, поставив машину на тормоз, выскочил на дорогу. Подполковник посторонился, освобождая солдатам дорогу к машине. В результате этого ему стал виден часовой в кузове. Приподнявшись над бортом грузовика, тот сжимал в руках винтовку.

«Правильно японцы своих солдат учат! Контроль задней полусферы — вещь важнейшая. И по бокам охранение — четко по уставу. А вот вперед они не смотрят, там и без них народу полно. Ну и ладно...»

Чуть слышно хлопнул браунинг Огано (несерьёзная хлопушка — 6,35-мм), и у переводчика на лбу появился не предусмотренный природой третий глаз. Ещё два выстрела — и подогнулись ноги у водителя. Бросив ненужную более хлопушку на землю, Веллер перехватил двумя руками «Намбу».

Бах!

Восьмимиллиметровая пуля опрокинула навзничь солдата в кузове. Брякнула о доски винтовка.

Бах!

Бах!

Схватился за живот ближайший к подполковнику солдат. Выронив оружие, он просеменил на согнутых ногах несколько метров и ткнулся лицом в песок.

Бух!

Взвизгнула над головою винтовочная пуля. Привстав на одно колено, уцелевший часовой передернул затвор, загоняя в ствол очередной патрон.

Веллер резко метнулся вперед, перекатываясь через голову. Выйдя из кувырка, вскинул пистолет, не дожидаясь, пока встанет на ноги.

Бах!

Солдат дернулся и попытался отпрыгнуть в сторону. Ствол винтовки при этом уставился куда-то в кусты.

Бах!

Подполковник уже твердо стоял на ногах, и его оружие неумолимо отслеживало мечущегося по дороге солдата.

Сообразив, что пулю всё равно не обогнать, солдат остановился и попытался вскинуть винтовку.

Бах!

«Один патрон, однако, остался, — покачал головою Веллер. Подойдя к переводчику, вытащил у него из кобуры такой же пистолет и извлек из кармашка запасной магазин. — Надо будет лейтенанта потрясти, у него в кобуре ещё один магазин есть».

Перезарядив оружие, он снял с переводчика ремень и привесил на него

обе кобуры с пистолетами. Запрыгнул в кузов.

Упираясь спиною в кабину, на полу полулежал Кожин. Судя по изорванной форме, ему изрядно досталось. Подполковник выдернул у него изо рта тряпку.

— Иваныч... ты как здесь...

— Мимо проходил, — ответил мнимый Веллер. — Цел?

— Так себе...

Шведов покачал головою и вытащил из ножен лежащего солдата плоский штык. Осторожно разрезал Михаилу верёвки на руках.

— Руки целы?

— Шевелятся.

— Пулемёт удержишь? Вон он, я специально для тебя прихватил, — кивнул Иваныч на стоящий у борта «Льюис».

— Так его ж японцы принесли? — удивился лейтенант.

— Ну! Сам я, что ли, такую тяжесть буду таскать? Посиди тут пока, покарауль... — И собеседник лейтенанта спрыгнул на дорогу.

По очереди взвалив в кузов трупы майора и лейтенанта, Шведов закинул туда же их вещи — портфель Огано и полевую сумку его сопровождающего.

— А этих-то зачем? — поинтересовался Михаил, изучавший трофейное оружие.

— Интересно... мне, например, они и на фиг не нужны. А ты-то как собираешься оправдывать своё отсутствие? Украли — сбёг, да и все дела? Полагаешь, в НКВД сплошные дураки собрались?

— Ну, так вы же...

— А вот те хрен, родной! Не было меня тут, понял?! Сам, милок, своими руками всё это ты и отчебучил! Как — это уже другой вопрос. Пока до границы доедем, изобретешь.

— Нельзя нам туда!

— С чего это?

— Так у них же Маша!

— Не у них уже. Вернее, пока ещё у них, в смысле — у японцев. Хорошо, хоть не у хунхузов. Жива она, и ничего ей не грозит. Доберемся до реки — заберём с собой.

— Так ведь она всё и расскажет...

— Всё — это что? Напали, повязали, утащили — про это? И ради бога!

— А...

— Вот про это она ничего и не знает. Спит. Ей японцы снотворное

дали, чтобы не мешала она им криками и слезами. Так что про твои похождения геройские Маша совершенно не в курсе. Ты уж, Миша, постарайся это как-то исправить...

Кожин ошарашенно замолчал. Пользуясь заминкой в разговоре, Шведов втащил в кабину труп переводчика и усадил его, привалив к дверце. Издали создавалось впечатление спящего человека.

— Иваныч...

— Да уж сколько лет так зовусь... Чего тебе?

— Как так вышло, что ты сюда пришёл?

— Я тебе про подарок в виде головы рассказывал?

— Да...

— Вот в тот дом я её и приносил. Знаю, как туда по-тихому пролезть. Ясен пень, устраивать там войнушку я не собирался, из ума-то не выжил ещё. Но вот слышать и видеть мог многое. Так и узнал, когда, а главное, куда тебя повезут. Дальше объяснять?

— А пулемёт?

— Японцы не любят, чтобы у хунхузов имелось такое оружие. И если заметят — обязательно отберут. Моё дело было его подкинуть им незаметно, чтобы не догадался никто. Так и вышло. Стрелять-то он будет?

— Руки бы его прежнему хозяину оторвать!

— Неужто сломан? Что ж я, зря корячился?

— Нет, не сломан. Только вот чистили его... и не знаю даже когда. Снаружи как у кота причиндалы блестит! А вот внутри — картошку сажать можно.

— Ну... тогда ладно. Поехали, а то уже темнеть скоро будет.

— А хунхузы? Не наткнемся?

— Да не должно бы... им не до нас сейчас — власть делят.

— То есть?

— Да главарь-то их в одночасье помер — неудачно упал, должно быть. Вот у них там теперь такая свара идёт — не до нас.

— Это кто ж ему поспособствовал?

— Да есть такие люди...

Усевшись за руль, Шведов накинул на плечи куртку одного из солдат, надел кепи. Теперь машиной управлял водитель, издали похожий на японца.

— Голову спрячь! Или хотя бы шапку японскую надень! — гаркнул он, перекрывая звук заработавшего мотора.

Путь до границы Шведов знал неплохо, где можно проехать на машине — тоже вполне представлял. Расстояние было не слишком уж и большим

— менее сорока километров. И как раз на половине пути дорога проходила недалеко от лагеря хунхузов. Оставалось надеяться на то, что они, занятые внутренними разборками, не скоро ещё из него выйдут.

Так и оказалось.

Дорога около лагеря была совершенно пустынной, на ней не наблюдалось ни малейшего движения.

«Здорово! — мелькнуло в голове. — Эдак и до места доедем с ветерком!»

Однако же на этом везение и закончилось.

— Иваныч!

— Чего тебе?

— Слева всадники! Человек десять!

— Хунхузы?

— В форме они! Не иначе — японский пограничный патруль.

— М-мать! Принесло же их! За нами скачут?

— Пока нет. Но в ту же сторону — к реке.

— Ну, и хрен с ними. У нас скорость выше — обгоним.

Но обогнать всадников надолго не вышло. Они отставали всего на пятьсот метров.

Вот и переправа. Шведов завертел головой, выискивая солдат, которые должны были его ожидать. Где они?

Ага!

Вон, под деревом стоит телега, а на ней сидит японский солдат. Один?

Один.

А где второй?

Нет его.

«Ну, и слава богу! Да и откуда ему тут быть? В грузовике был переводчик, водитель да трое солдат-охранников — пятеро. Что там Вэнь И говорил? Гости, в сопровождении пяти солдат. Это он как раз охранников-то и посчитал. Переводчик вместе с офицерами в машине ехал, охрану не нёс. Вот он его и пропустил. А водители — их же двое должно быть? Итого — два водителя, переводчик, пять солдат. Восемь выходит. А я уговорил шестерых. Седьмой — вот он — у телеги торчит. Ещё один где-то должен быть...»

Увидев знакомый автомобиль, солдат спрыгнул с телеги и встал рядом, держа винтовку у ноги.

Сбавив скорость, машина чуть повернула влево, притормаживая. Иваныч наклонил голову, словно что-то рассматривая на полу кабины. Козырёк кепи почти закрыл его лицо. В последний момент мотор внезапно

взревел, и машина резко дернулась вбок.

Хрясь!

И, сбитый бампером, часовой кубарем улетел в кусты.

Бросив на пол пулемёт, Кожин зайцем сиганул через борт, прямо в телегу.

— Маша! Цела, вот она!

— В кузов её давай!

— Сейчас!

Пока возились, укладывая девушку да подпихивая ей под голову какие-то тряпки, всадники выехали на пригорок. Заметив автомобиль, направились прямо к нему.

— Всё, Миша, сейчас придётся пострелять! — Шведов, чертыхаясь, полез за руль. — Поближе подпускай! И первым огонь не открывай!

Газанув, грузовик сорвался с места и покатил к реке. Отсюда до неё было метров пятьсот. Поворот... и машина чуть не сбила японского солдата, мирно сидевшего на обочине.

«Вот и второй!»

Обалдевший солдат откатился в сторону, но не растерялся и вскинул винтовку.

Бах!

Бах!

И плечо ожгло огнём! Задел-таки, стервец!

Из кузова откликнулся пулемёт, и солдат словно переломился в поясе.

После этого выстрелы посыпались, как из вспоротого мешка горох.

Верховые резко пришпорили коней, прибавили темп и стали обходить машину с боков.

Сердито рыкнул пулемёт — ближайший всадник вылетел из седла. Ещё один схватился за простреленное плечо. Упала лошадь.

А вот и река! Левее надо брать, там неглубоко, и машина пройдёт.

Поднимая фонтаны брызг, автомобиль со всего маху влетел в воду. Но двигатель не заглох, и грузовик стал перебираться через реку.

Вот он уже на середине!

Влетевшие в воду всадники вскинули винтовки.

Снова зарокотал пулемет, засвистели пули, поднимая вокруг стрелков фонтанчики воды.

Взвилась на дыбы подстреленная лошадь. Рухнула в реку, придавливая своего наездника.

«Старшина! Где же твой наряд?! Ведь нас тут сейчас, как в тире!»

Нет наряда.

Но что это? Скачут по берегу пограничники. Не стреляют? Отчего?

«Нельзя, — всплыла в сознании мысль, — пули полетят через границу — это запрещено.

Значит, остается одно — переехать-таки через реку. Авось японцы не станут тогда стрелять. Нет, эти — станут, у них приказ, наверняка покойный майор что-то придумал, не просто же так они тут появились. Кроме того, у них потери, будут мстить. Всё, блин, хана легенде! Надо уходить... Куда? Через Маньчжурию? Рискованно. Значит, вариант два — смываемся в Европу, там эти искать не станут. Но для этого надо сначала переехать реку!»

Лязгнув затвором, замолчал в кузове пулемёт. Всё — патронов больше нет.

— Лейтенант!

— Да!

— Машину вести сможешь?

— А что?

— Зацепили меня!

Ругаясь и отплевываясь, Кожин протиснулся в кабину.

— Давай, — отодвинулся Шведов, передавая ему управление. — Рука болит, не выверну я руль — там подъём крутой, опрокинемся.

Перекрывая его слова, в кузове бабахнул выстрел.

— Это ещё кто?

— Маша это... очнулась, когда я стрелять стал... винтовку солдата подобрала.

— У неё все дома?

Михаил не отвечал, с остервенением вертя баранкой. Раскрыв дверь, Шведов вытолкнул на ходу тело переводчика.

Вот и подъём!

Натужно ревя мотором, грузовик вылез-таки на крутой откос и, перевалив через него, скрылся из глаз японских солдат...

Выдержка из оперативной сводки Управления пограничных войск Забайкальского округа:

«... 11 сентября 1935 года с сопредельной стороны на нашу территорию проникла группа вооруженных лиц, совершившая нападение на начальника... заставы Даурского погранотряда лейтенанта Кожина Михаила Федоровича. Пользуясь внезапностью и численным превосходством, несмотря на

оказанное начальником заставы вооруженное сопротивление, бандиты обезоружили его и захватили в плен. Одновременно ими была захвачена оказавшаяся рядом местная жительница — Ляпунова Мария Николаевна, 1916 г. р. Уводя с собою захваченных, бандиты скрылись на сопредельной территории. Организованное старшиной... заставы Храмовым П. Ф. преследование из-за позднего получения информации о нападении успеха не имело.

Одновременно та же или ещё одна группа нападающих в нескольких местах перерезала провода телефонной связи, из-за чего информация о происшедшем была доставлена в штаб отряда со значительным опозданием, что не позволило организовать преследование этой группы.

12 сентября 1935 года в районе переправы через пограничную реку на сопредельной стороне была замечена грузовая автомашина, преследуемая конным патрулем японских солдат. Между находящимися в автомашине лицами и японскими солдатами велась интенсивная перестрелка с использованием автоматического оружия. Грузовик въехал в реку и, преодолев брод, проник на нашу территорию. Находившийся в районе переправы пограничный дозор пресёк вторжение японцев внутрь территории СССР. При этом дозор был обстрелян ими и открыл ответный огонь. С нашей стороны легко ранен красноармеец Гришков П. Я. На территории СССР остался один убитый японский кавалерист. Остальные, отстреливаясь, отступили на сопредельную территорию.

Впоследствии, при проведении осмотра места боестолкновения, из воды был выловлен труп ещё одного японского солдата, на этот раз — пехотинца, в чине ефрейтора.

Отразив нападение японцев, старший дозора — младший сержант Коротихин А. П., оставив для наблюдения за границей двух бойцов с ручным пулемётом, организовал поиски грузовика. Его обнаружили в восьмистах метрах от линии государственной границы. За рулём автомашины в бессознательном состоянии находился похищенный ранее начальник заставы — лейтенант Кожин М. Ф. Он был легко ранен в левое предплечье, сильно избит, форма во многих местах разорвана. В кузове автомашины обнаружена гражданка Ляпунова М. Н., похищенная бандитами вместе с лейтенантом.

Автомашина во многих местах прострелена пулями, пробиты борта, кабина и разбиты стекла.

Помимо этого в машине обнаружено:

1) Тело японского офицера в чине майора. Из находившихся при нём документов явствует, что это майор Огано Хироси, заместитель начальника разведки... корпуса японской армии. В кузове находился портфель с секретными документами, принадлежащий ранее майору.

2) Тело японского офицера в чине лейтенанта. По документам — Ода Тору, помощник майора Огано. При нём обнаружена полевая сумка с оперативными документами.

3) Тело японского солдата.

Вероятная причина смерти майора Огано — перелом гортани. Лейтенант Ода убит ударом ножа в висок. Солдат — застрелен.

При осмотре машины изъято:

Ручной пулемёт системы Льюиса — без патронов.

Винтовка Арисака и сорок три патрона к ней. Находилась у гражданки Ляпуновой М. Н.

Два пистолета „Намбу“ и двадцать пять патронов к ним.

Изъятое оружие имеет следы недавней стрельбы. В кузове грузовика находится большое количество стреляных гильз от ручного пулемёта системы Льюиса и три стреляные гильзы от японской винтовки.

Раненый начальник заставы, так и не пришедший в себя, доставлен на заставу. Санинструктором заставы ему оказана первая помощь. Им же диагностировано сотрясение мозга у гражданки Ляпуновой М. Н.

Для них обоих санинструктором предписан постельный режим. Из отряда выехал военврач для их осмотра и дальнейшего лечения...»

Скрипнула дверь, и в комнату вошел высокий человек в военной форме. Из-под наброшенного на плечи халата были видны знаки различия капитана.

Лежавший на кровати Кожин приподнялся.

— Лежите-лежите, товарищ лейтенант! — приподнял руку в предостерегающем жесте вошедший. — Вам постельный режим доктор прописал, так негоже это нарушать. Лучше уж я тут рядышком присяду...

Капитан подтянул к себе стул и присел, положив ногу на ногу.

— Для начала позвольте представиться, — протянул он лейтенанту раскрытое удостоверение, — капитан Миронюк Павел Николаевич, провожу следствие по факту нападения белобандитов на вас.

— Это... это не белые были, товарищ капитан.

— А кто же? По нашим сведениям, находящиеся на той стороне остатки семеновских частей как раз в вашем районе и активизировались. Были замечены их отряды — и в немалом числе!

— Нет, товарищ капитан. Может быть, они и активизировали свою деятельность, вам виднее, но на нас напали хунхузы.

— Вы уверены?

— Полностью. Я хорошо их рассмотрел.

— Хм... Врач говорит, в вашем состоянии... возможны провалы в памяти... ещё что-то такое... — повертел пальцами в воздухе Миронюк.

— Не буду спорить с врачом — он человек учёный, но лица нападавших видел всё-таки я, а не он!

— Да не волнуйтесь вы так, товарищ лейтенант! Ну, хунхузы — и хунхузы, какая в принципе разница? И те, и другие работают на одного хозяина — японцев. Расскажите, что вы запомнили?

— Я выехал к озеру... надо было проверить тропу.

— Зачем?

— Мы хотели разместить там пикет. Над озером высокая сопка — с неё очень хороший обзор. Надо было завезти туда лес... другие материалы...

— Угу... А вот гражданка Ляпунова — она как там оказалась?

— Она рисует... пейзажи всякие... часто туда выезжала, пока ей дядя не запретил.

— Дядя?

— Старшина заставы — Храмов. Она его племянница.

— Ага! Понятно.

— Вот... Узнав, что я туда еду, она попросилась со мною.

— И вы не отказали ей...

— С чего бы это вдруг? Нет, не отказал. Тут всё-таки граница... в одиночку, да ещё и без оружия, здесь лучше не ходить.

— Ну да, вас же было двое... А как вы были вооружены?

— Как обычно, — пожал плечами Кожин. — Карабин, шашка и револьвер.

— Так. И что было дальше?

— Мы въехали на тропу к озеру. Место там узкое, и кони могут идти

только по одному. Как раз его мы и хотели несколько расширить, чтобы подвода проезжала. Надо было немного вырубить кустарник по краям тропы. Тогда и дорога неплохая вышла бы.

— Угу...

— Вот из кустарника и выскочили нападающие — человек десять. Некоторые из них схватили под уздцы лошадей. Было понятно, что это хунхузы — их здесь ни с кем не перепутаешь. Поэтому я сразу же схватился за револьвер.

— Не за карабин?

— Надо было стрелять быстро... да и дистанция была небольшой.

— Вы такой хороший стрелок? — с интересом посмотрел капитан на Кожина. — В личном деле написано, что вот как раз с револьвером у вас выходило... не очень. А вот в рубке — один из лучших в выпуске.

— Я много тренировался... уже здесь.

— И кто вас учил?

— Старшина — он хороший стрелок.

— Да? Ну... отчего бы и нет? Он же сверхсрочник?

— И на границе давно. Три благодарности имеет!

— Да-да... конечно. А потом? Вы вытащили револьвер... сразу стрелять стали?

— Конечно. А как же иначе?

— Успешно?

— Успел выстрелить... раза три... или четыре? Но в двоих попал!

— Два из четырёх? Да в таких условиях? Да вы отличный стрелок, Михаил Федорович!

— А потом меня ударили по голове... Дальше я плохо помню. Меня куда-то несли, потом... Потом бросили на пол...

— На пол?

— На доски. Я ударился о них лицом — оттого и разглядел хорошо. Снова сознание потерял. Очнулся, когда облили водой. Очень холодной!

— И где это было?

— Не знаю. Там не было окон — горели лампы.

— Какие?

— Керосиновые — две штуки. Были подвешены на крюках, забитых в стену.

— Хорошо. Что вы ещё разглядели?

— В комнате было пусто. Она вообще была небольшой... меньше этой.

— А после?

— Пришёл китаец... толстый такой... халат у него с драконами был.

— Какого цвета?

— Что?

— Драконы, говорю, какого цвета были?

— Э-э-э... не помню. По-моему, красные...

— Не золотые?

— Нет. Золотым был халат.

— Угу... Что он сказал?

— Ничего не сказал, только посмотрел внимательно. Потом вышел, а через два часа приехали японцы.

— Точно, что через два?

— Ну... может быть, и больше. Голова сильно болела, точно время не скажу.

— Сколько было японцев?

— Пятеро. Два солдата, ефрейтор-переводчик и два офицера. Солдаты меня сразу подняли и держали. А что я сделать мог — ведь руки мне так и не развязали!

— Не волнуйтесь вы так, товарищ Кожин! Всё позади, вы уже у своих! Да и доктор меня отсюда поперет мигом, если вас услышит!

— Извините, товарищ капитан... — Лейтенант взял с тумбочки стакан и отпил пару глотков.

— Вы лучше дальше расскажите.

— Офицер... тот, что постарше, стал вопросы задавать, а ефрейтор их переводил.

— О чём?

— Про заставу спрашивал, про отряд вопросы задавали... да много всего... Сказали, что должен о себе подумать — назад теперь хода у меня нет. Потом... послал я их!

— Как?

— Матерно послал! Сказал, что советский пограничник за миску похлебки не продаётся. Офицер рассердился — приказал солдатам меня бить. Потом они открыли дверь и вышли. А вместо японцев хунхузы зашли. Встали по углам и начали меня ударами от одного к другому толкать. Если падал, ногами били. Но недолго, их кто-то позвал, и они ушли. А я заметил, что, когда они меня пинали, один китаец нож выронил.

— Откуда?

— Не знаю, не заметил. Подполз я к нему, да за голенище сапога убрал. Думал веревку разрезать — не получилось. За дверью затопали, пришлось прятать нож. А после хунхуз вошёл и больше не уходил. Сидел и

смотрел за мной.

— Что же хунхузы с вас сапог не сняли?

— Должно быть, японцев побоялись.

— Понятно.

— Ещё сколько-то времени прошло, снова солдаты японские вернулись. Подняли меня и потащили. Потом запихнули в кузов грузовика. А там уже Маша лежала — без сознания. Пулемет солдаты принесли — Льюис, на пол поставили.

— А с Машей что делали?

— Не знаю, нас с ней в разных местах держали. В кузов залез лейтенант, за ним переводчик, солдат ещё один там был. Машина поехала. Меня к кабине прислонили, так что дорогу я видеть мог. Отъехали мы недалеко, остановились и переводчик сказал, что меня сейчас расстреляют, если не стану говорить. Ещё мотор зашумел, вторая машина приехала, и оттуда, наверное, майор этот вылез. Забрался к нам в кузов — переводчик ему помогал. Снова стал говорить, карту мне под нос суёт.

— Чего хотел-то?

— Сказал, если не покажу на карте пограничные секреты, меня расстреляют. Тогда и говорю: как же я могу связанными руками чего-то показать? Солдат вынул штык и веревки разрезал — руки мои упали, вроде как совсем затекли. Говорю — карандаш дайте. Лейтенант на корточках присел, планшетку расстегнул и карандаш мне даёт. Ну, думаю — пан или пропал! Если сейчас ничего с ними не сделаю, потом точно не смогу, просто не дадут.

— Страшно было?

— Да ещё как! Боялся — не сумею...

Кожин перевёл дух. Капитан взял графин и налил ему ещё воды.

— Спасибо, товарищ капитан! — Лейтенант жадно опустошил стакан. — А майор ихний спиной стоял, что-то там кому-то говорил. Я ему подножку и дал! Он не ожидал, руками взмахнул и на борт упал. А у меня в руке уже нож был! Вот лейтенанту его в шею-то и загнал! Солдат вскочил, закричал, а переводчик к майору бросился, должно помочь ему хотел. Так вышло, что удалось мне у лейтенанта пистолет из кобуры вытащить.

— Так незнакомое же оружие?

— Да все они на один лад! Выстрелил в солдата, он и упал. А переводчик испугался и через борт выскочил! Забыл со страху, что и у него пистолет есть! Подкатился я к майору и у него тоже пистолет выдернул, только он совсем маленький был. И уже из него по водителю стал стрелять — он в кабине сидел. Тот на сиденье согнулся и помер. Лежу и жду.

Снаружи тихо было, потом как закричат!

— Кто?

— Так японцы — кому ж ещё? «Банзай!» орут. И полезли через борт. Первая голова появилась — это как раз переводчик был, так пулю-то и схлопотал. Второй с другой стороны высунулся — и тоже не уберёгся. Третий лезет — вдругорядь в него стреляю! Он тоже куда-то исчез. Тогда другой солдат стал из винтовки палить. Вижу — плохо дело, сейчас он весь кузов издырявит! Вскочил на ноги — и в ответ ему! А он — по мне! Но я раньше попал...

— Да... прямо геройский поступок, товарищ лейтенант!

— Да мне, товарищ капитан, не до героизма было — зазря помирать не хотелось! Смотрю — нет больше японцев! Кончились все. Тут и Маша зашевелилась, стонать стала. Я её успокоил, как мог. Говорю — тихо лежи, сейчас домой прорываться будем! Майора посмотрел — готовый он, не иначе башкой о борт приложился. Вниз спустился, рядом ещё машина была. Пустая, не было в ней никого. Переводчика в кабину грузовика затащил, посадил. Издали глянуть — вроде как живой японец сидит. Сам с солдата куртку да шапку снял, на себя набросил — тоже на японца походить стал. Машину развернул, да по следам и поехал тихонько. Мимо хунхузов проезжали — опасался, вдруг они выскочат? Пронесло... А у границы нарвались на разъезд. Тут уже пришлось прорываться, ни на что не глядя.

— А кто стрелять первым начал?

— Японцы. Я с управлением не справился и солдата патрульного зацепил машиной. Объехать хотел, но не получилось — солдат дорогу загораживал. Да и заметил он что-то — к винтовке полез. Вот и пришлось его давить... Остальные вскинулись — и за нами. Пальнули по машине пару раз. Маша в кузове кричит — догоняют! Стреляй, кричу, а то нам тут хана! Она и начала...

— Геройская девушка, ваша Маша! Из чего стреляла-то?

— Сначала из винтовки, по-моему... Потом, точно помню — пулемет был. Но недолго, наверное, патроны кончились. Дальше всё как-то смутно...

— Попали в вас где?

— Так уже на нашем берегу, должно быть. Как раз грузовик на откос и въехал. А тут — хрясь! Машину повело куда-то в сторону, одной рукой не шибко порулишь... вот камня-то и не заметил... Сильно я её побил?

— Не слишком, починить можно будет. У вас всё?

— Да, вроде бы...

— Ну, тогда не буду больше вас беспокоить. Чуток ещё здесь, на заставе, полежите, как доктор разрешит — в госпиталь перевезём, подлечим. Поправляйтесь, товарищ Кожин! Удачи вам!

Станция Борзя.

УНКВД Восточно-Сибирского края

— Разрешите войти, товарищ майор? — В открывшейся двери появился капитан Миронюк.

— Входи, Павел Николаевич, входи. Что-то задержался ты...

— Вы ж меня знаете, товарищ майор, я волк стреляный, пока до дна не дороюсь — не отстану.

— Стало быть, ты лишнюю неделю там оттого и проторчал?

— Именно поэтому.

— Значит, что-то интересное нарыл?

— А вот это, товарищ майор, под каким углом посмотреть...

— Ну так валяй, рассказывай. Вместе и посмотрим.

— Случай с лейтенантом этим, хоть и не частый, однако же ничего невероятного я в нём не нашёл. И покруче, бывало, истории заворачивались — куда там книжкам приключенческим!

— Так ты думаешь, чисто всё там? Просто повезло парню этому?

— Ага. Причём — дважды. То, что от японцев убёг — это первое везение. А то, что не один, а с девушкой — второе. У них там, ежели я ещё не совсем окривел, дело к свадьбе теперь идёт — и здоровенными шагами!

— Тогда ему только радоваться остается. Но ведь ты ещё что-то нарыл?

— Нарыл.

— Выкладывай!

— Первое, о чём мы все тогда подумали, — провокация! Второе — игра противника. — Ну, в то, что они по подобному поводу ухайдакают заместителя самого Сато, честно скажу, как-то смутно верилось.

— Помню твои сомнения. Тогда Неперин ещё и сказал, мол, не Огано это, другого кого-то подсунули!

— И я так думал. Однако ж, тело осмотрев, понял — неправ Неперин! Огано это, собственной персоной! И никакая не подмена. Я документы все проверил, да и фото его у нас было.

— Так...

— И стал я тогда, Олег Владимирович, думать... Майор настоящий, и убит без дураков. Зачем? И кто его грохнул? Версию Кожина, как наиболее очевидную, я напоследок отодвинул — она-то никуда не убежит.

— Ну ты у нас известный любитель загадок!

— Служба такая!

— Ладно, это я так... рассказывай дальше.

— Допустим, Огано убили ещё где-то и к нам труп подкинули, чтобы веры больше было тому, кто его притащит. Вопрос — кому? Лейтенанту? Не та фигура — он тут без году неделя, да и смысл такую круговерть заворачивать вокруг него? При самом благоприятном раскладе — что он *там* сделать может? Ради чего ему такую легенду сложную громоздить? Тут же минусов куда больше, чем плюсов. Как ни поверни, а с заставы его теперь уберут. И куда передвинут — неизвестно. Окончательно меня убедила одна деталь — девушка эта. Вот не будь её — всё можно было бы предположить. А Маша всю картину ломает. То, что Ляпунова не агент — абсолютно очевидно. И доказательств этому — вагон. Раз так, предусмотреть, что и кому она расскажет о происшедшем, невозможно. И всей легенде — каюк. Отпал данный вариант...

— А жаль! Красивое дело бы вышло!

— Может быть... а может, и нет. Вариант того, что японцы хотят на нас труп майора повесить, отмёл сразу же. Не та фигура Огано, чтобы его для подобных выкрутасов использовать — там у них и без нас такие проблемы повылазят — мама не горюй!

— С этим согласен. Уже повылазили. Родня у него серьёзная и сидит высоко. Просто так они его смерть не оставят — чья-то башка полетит.

— Третий вариант — прикрытие.

— Чего же?

— Вот тут я совсем было притормозил... Ничего такого, что стоило бы прикрывать подобным образом, нигде в округе не было! Отставил я этот вопрос в сторону и стал вдумчиво лопатить показания и документы. Тут и разведсводка подоспела...

— Читал я её. Но по данному вопросу там не так уж и много есть.

— Зато по другим полно! Аккурат в тот самый день был убит Ляо!

— Был, я даже удивился этому. У него охрана — сущие головорезы!

Кто ж это так к нему подобрался?

— Его собственный помощник. Вэнь И.

— Он что — умом тронулся? И как его в клочки не разорвали?

— Более того — он теперь и возглавляет эту банду!

— Это как? Нет, понимаю, если бы Ляо в бою грохнули — тогда, пожалуй, что и светило помощнику что-нибудь. Но вот так...

— Он не просто так его убил. А по приказу господина У.

— Вэй Янь У?

- Его самого.
- Интересно...
- Приказ об этом передал личный посланник и друг господина У.
- Кто такой?
- Не знаю. Но есть ещё кое-что...
- Давай, Павел Николаевич, не тяни!

— В блокноте лейтенанта Ода есть последняя заметка. Вот. — Капитан вытащил из кармана записную книжку. — Где это... ага! «Странное дело, но никто из нас никогда и не слышал про подполковника Веллера. Офицер такого ранга в этой дыре? Что он здесь делает? Да ещё столько лет? Майор приказал выяснить это немедленно».

- Всё?
- Всё.
- Негусто...

— Это как посмотреть, Олег Владимирович... Смотрите сами. — Капитан стал загибать пальцы на руке. — Кожин видел Ляо ещё живым — он хорошо его описал. Лейтенант уехал вместе с пленными, стало быть, Веллера видел до отъезда. Значит, убийство произошло в тот момент, когда Кожина охраняли хунхузы — никак не раньше.

— Логично.

— Далее. Характер ранений на телах японцев в целом совпадает с рассказом лейтенанта. Даже количество выстрелов соответствует! А так не бывает! Или у него память феноменальная...

- Или?
- Или его хорошо проинструктировали.
- Кто?

— Чуть позже. Мне показалась странной такая меткая стрельба Кожина. В хунхузов из нагана он стрелял три раза — попал два. Правда, почти в упор. Из браунинга Огано — трижды, и все три раза попал. Из «Намбу» Ода семь раз — четыре попадания. Это в бою-то? Из трофейных пистолетов? Не знал я, что у нас в погранучилище таких снайперов готовят...

— Сведения точные?

— Проверено. Я не поленился на стрельбище со старшиной Храмовым сходить — по слухам, он лейтенанта учил.

— И как?

— Неплохо. Даже хорошо. Но до такой меткости недотягивает. А из «ТТ» вообще — с восьми выстрелов — три попадания. Не стрелял он раньше из пистолета и Кожина этому научить просто не мог.

— А кто мог?

— Вот... — положил на стол тонкую папку капитан. — Этот — мог.

— Шведов Александр Иванович, бывший штабс-капитан отдельного корпуса пограничной стражи... так... родился, учился... ого! Берлинский университет? Неслабо... демобилизован по ранению в 1917... выписка из приказа... Благодарность ВЧК? Ага, ликвидация особо опасной банды... Не женат, проживает... С двадцать первого года проживает, между прочим! Проверялся пять раз — результаты отрицательные. Чист, стало быть, перед Советским государством... И что?

— Шведов учил стрелять многих, это подтверждено. Сам стрелял исключительно точно — тоже многие видели. На охоту ходил с пятком патронов — мол, более не надо. Часто уходил на промысел далеко в тайгу. На три-четыре месяца. А уж какие шкурки приносил... Тут многие подобных и не видывали! Даже выделял качественно и правильно — когда только успевал?

— А что ты его в прошедшем времени поминаешь-то?

— Да то, Олег Владимирович, что нет его. По всему судя — в лес ушёл. Сейчас сезон начинается, за шкурами народ пойдёт. С одной стороны, для подготовки к долгому выходу — самое время. А с другой...

— Не тяни.

— Побывал я у него дома. Хороший дом, правильный — ничего не скажу. Всякая вещь на свое место прилажена. Газет у него много, даже журналы есть. Разложено всё аккуратно, по полочкам. Видно, что читал он это вдумчиво и внимательно. Целая комната под это отведена!

— Ну и что ж тут удивительного?

— Он ведь шкурки сдаёт? Тем, стало быть, и живет?

— Ну ты же сам это сказал?

— Я сказал то, что с первого взгляду видно. А вот ничего нужного для выделки шкур в доме нет. И в пристройках тоже. Вот оружия в доме много отыскалось. Штуцера мы не нашли, надо думать, с собою забрал. Двустволка отыскалась, монтекристо на стене висит. На чердаке — так аж две трехлинейки сразу запрятаны были! Одних патронов чуть не полтыщи штук. Нагановских — сотни полторы, а самого револьвера не нашлось. Гранат пять штук — это уж явно не охотничий припас.

— Так ты там что, полноценный обыск устроил?

— Олег Владимирович... ну, право слово... тихонечко посмотрел, даже и следов особенных не оставил. Не первый день работаю, как-никак... С заместителем моим, лейтенантом Соляновым, тихо-тихо ночью пошарили, фонариками себе светили. Только, думаю я, без толку это всё...

— Почему так?

— В помойке тряпка окровавленная сыскалась — рукав от японской солдатской куртки. И кровь на нём свежая. Ушёл Шведов. И думаю я, что с концами ушел.

— Отчего же так ты думаешь?

— Ни одной фотокарточки, ни единой бумажки, что лично его касается, в доме нет. А были! Были фото, их многие видели. А ныне, вместо них, рамки пустые. Денег — ни копеечки! А они тоже имелись. И в приличном количестве, он из этого секрета не делал.

— Так-так-так... — побарабанил пальцами по столу начальник УНКВД. — Стало быть, Шведов... Ладно! Займемся! А с Кожиным что делать будем?

— А ему-то что предъявить можно? Неточности в показаниях? Так у него сотрясение мозга. И серьёзное. Про рану в предплечье он сказал, а про то, что пуля ему ещё и вдоль головы скользнула, видать, запомнил. А врач ему про то не рассказывал, только перевязку сделал. Раны-то там большой нет. Он говорит — вообще непонятно, как лейтенант хоть что-то помнит. Девушка та — и вовсе большую часть в беспамятстве провела. Дали по голове при задержании, а потом опиумом опоили. Проку с неё сейчас? Кроме камеры своей да хунхузов ничего и не видела. Она-то тараторит как раз весьма бойко, да толку с того? Да и вообще... — Капитан прикусил губу. — Тут в моё отсутствие к нему корреспондент появился — политотдел его прислал. И давай пытаться Кожина — что да как было?

— И что тот ему напел?

— На статью восторженную хватило. Ладно бы — в районной газете! В «Правду» ушло. Уже и напечатали...

— Охренеть...

— Особо много лейтенант ему не сказал. Мол, хунхузы напали, похитили, а он от них сбежал. Со стрельбой и драками. Про границу молчал, про японцев — тоже. Ну а корреспонденту и то хлеб. А уж как он про девушку услышал...

— Представляю себе...

— Да... Словом, делать теперь нечего — он у нас нынче герой. Хоть к ордену представляй.

— И представят...

— Так что я мыслю следующим образом. — Миронюк вытащил из планшета лист бумаги. — Ему сейчас отпуск положен, по выздоровлению. Пусть едет, мы за ним там приглядим. С границы его уберут, это вопрос решённый. Переведут куда-нибудь внутрь страны. Пусть работает. На

месте за ним присмотр организовать всегда можно. Авось кто и заглянет на огонёк...

Ориентировка

Органами НКВД за совершения ряда дерзких преступлений разыскивается ШВЕДОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ, 23 апреля 1893 года рождения. Русский, из дворян. Приметы: рост выше среднего, телосложение плотное. Волосы темно-русые, чуть выющиеся. Глаза карие, нос прямой. На правой щеке — небольшой шрам от ранения. Владеет немецким языком, может представляться иностранцем.

При аресте соблюдать осторожность, преступник вооружён. Хорошо стреляет, силен физически.

Выписка из сводки происшествий:

«... 17 сентября 1935 г. при проверке поездов на станции Ачинск нарядом милиции в составе: милиционеров Шадрина В. П. и Ковальчука С. М. — в товарном вагоне поезда был обнаружен в бессознательном состоянии неизвестный мужчина. При его досмотре обнаружено и изъято:

1. Револьвер „Наган“ за № 26319 и 49 патронов к нему.
2. Пистолет „Браунинг“ № 2 за № 11390 и 35 патронов к нему.
3. Финский нож в кожаном чехле.
4. 41 580 рублей купюрами различного достоинства.
5. 31 золотая монета царской чеканки достоинством по 10 рублей каждая.
6. Паспорт на имя Федотова Ильи Николаевича, из рабочих, 2 сентября 1890 г.р., уроженца г. Тверь, прописанного по адресу: г. Торжок, ул. Новая, дом 19.
7. Паспорт на имя Затлерса Арвида Яновича, из рабочих, 11 февраля 1892 г.р., уроженца г. Тарту, прописанного в Ленинграде, 2-я линия Васильевского острова, дом 9, кв. 15.
8. Бытовые принадлежности (нижнее бельё, запасные портянки, прочая мелкая утварь).
9. Жестяная фляга со спиртом — 0,8 литра.

Обнаруженный мужчина был одет в куртку серого цвета, темные брюки и сапоги. Головного убора не обнаружено. Состояние мужчины объясняется наличием у него воспалённого

ранения в левое плечо. Рана в плохом состоянии.

Нарядом милиции задержанный доставлен в тюремную больницу Ачинской пересыльной тюрьмы и помещён под охрану...»

Оперативное поручение

Прошу проверить по учётам на наличие компроматериалов и судимости следующих граждан:

1. Федотова Илью Николаевича, 2 сентября 1890 г. р., уроженца г. Тверь, прописанного по адресу: г. Торжок, ул. Новая, дом 19.

2. Затлерса Арвида Яновича, 11 февраля 1892 г.р., уроженца г. Тарту, прописанного в Ленинграде, 2-я линия Васильевского острова, дом 9, кв. 15.

Оперуполномоченный Ачинского горотдела ГУ РКМ

Шаверин П. Я.

— Присаживайтесь! — Шаверин кивнул вошедшему на стул. — Будем знакомиться? Моя фамилия Шаверин Павел Яковлевич, оперуполномоченный Ачинского уголовного розыска. Веду ваше дело. А вот вас, гражданин, как звать-величать прикажете?

— А вам, гражданин уполномоченный, это не всё равно?

— Было бы всё равно, я б попусту времени и не тратил. Одного факта изъятия у вас оружия, да ещё в таком количестве, для суда выше крыши достаточно.

— Раз так — Федотов я, Илья Николаевич. Все прочее в бумагах написано.

— В каких именно бумагах? У вас два паспорта было!

— А второй я нашёл. Мало ли что в жизни бывает? Лишний документ никогда помехою не станет.

— Оружие и деньги вы тоже, надо полагать, нашли?

— Деньги мои! Честно заработанные за много лет.

— И каким трудом вы их зарабатывали? По тем же бумагам судить, так вы из рабочих будете? Где трудились?

— Слесарем работал...

— Где именно?

— Не помню...

— Забывчивостью страдаете? Это плохо. Врач говорит, что вы долго в беспамятстве лежали, может быть, это повлияло? Совсем-совсем ничего не помните?

— Кое-что помню.

— Уже лучше. А ранили вас где?

— Напали какие-то... стрельнули...

— Из чего?

— Вроде из обреза.

— И за что ж вас так-то?

— Должно на деньги позарились. В столовку заходил, расплачивался, там и подсмотрели...

— А что ж так? Мужик вы крепкий, опять же — с оружием. И не отбились?

— Убег я. А стрелять... лишнее оно. Крови за собою не оставил — и ладно.

— Где оружие-то отыскиали?

— Дык... сейчас, пожалуй, что и не вспомню... давно было.

— Понятно, гражданин Федотов. С памятью у вас плохо, ничего-то толком и не помните. Что ж делать тогда с вами? В больнице держать уже не требуется, врач сказал — здоров. А в одиночке — несподручно более, такое место ещё и заслужить надобно. Мало их — мест-то! Тюрьма и так переполнена — народу много. Так что, не обессудьте, а переведу я вас в общую камеру. Поскольку человек вы непонятный, но с оружием задержанный, будете сидеть у уголовников. Народ это тертый, жизнью битый... Ну да вам, как я думаю, не привыкать. Найдёте и с ними общий язык. А уж если не найдёте... стучитесь в дверь, помогут... может быть, если успеют. Только уж память свою перед тем освежить попробуйте, зачем вы мне беспамятный-то?

Лязгнул замок, и дверь в камеру распахнулась. Появившийся на пороге корпусный надзиратель окинул камеру внимательным взглядом:

— Ну-с, граждане эки, принимайте постояльца! — Посторонился, пропуская внутрь нового обитателя.

Сидевший около окна пожилой зэк наклонил голову, и по этому знаку один из заключённых мухой метнулся к рукомойнику. Схватив полотенце, он ловким движением расстелил его перед дверью.

Входящий новичок с порога оглядел свое новое жилище. Камера была не очень большой. Метров десять-двенадцать в длину и пять метров шириной. Стоявшие по бокам её трехъярусные нары занимали большую

часть места, оставляя посередине свободный проход чуть уже трех метров. Сейчас на нижнем ярусе нар сидели около двадцати человек. Некоторые стояли сбоку. Вдоль правой стены нары были выстроены в более короткую линию, занимая меньше места. В освободившемся углу размещалась параша. Окно в камере было только одно, забранное частой решёткой и увенчанное снаружи «намордником». Под ним приткнулся к стене стол. И здесь, слегка обособившись от остальной массы заключённых, сидели пять человек.

Опустив глаза, вошедший увидел у своих ног лежащее на полу полотенце.

Коротко усмехнувшись, он демонстративно и неторопливо на него наступил. Оглядев присутствующих, шагнул дальше.

— Здорово, братва! Честным бродягам моё уважение! — медленно наклонил он чуть набок голову. Спокойно отодвинув рукою с дороги мешавших ему людей, новичок подошел к столу. Неторопливо поставив на него заплечный мешок, распустил горловину.

— На общак! — И на стол легла пачка махорки.

Командовавший в камере пожилой зэк сделал легкое движение рукой. Сидевшие на нарах люди потеснились в стороны, освобождая место новичку. Тот невозмутимо на него опустился.

— И кто ж таков к нам пожаловал? — спокойно спросил пожилой. — Обзовись, коли пришёл.

— Франт.

Пожилой посмотрел на сидящих рядом зэков. Тишина. Потом один из них сделал отрицающий жест, словно говоря — не знаем такого.

— Ну а я Митяй Красносельский, — в свою очередь, ответил пожилой. — Слышал обо мне?

— Нет.

— Надо же... и я про тебя не слыхивал, бывает же такое! — развел руками пожилой. — Откуда ты к нам, гость залётный? Чем промышляешь?

— По-разному... — уклончиво ответил гость.

— И в каких краях?

— Далеко. Отсель, пожалуй, что и не видать.

Митяй внимательно посмотрел на расстегнутый ворот рубашки. Франт усмехнулся и неторопливо расстегнул её всю.

— Ну?

— И как так тебя понимать, мил человек? — поднял бровь пожилой. — Говоришь ты слова правильные, ведёшь себя по закону, а про себя сказать не хочешь? Да и наколок у тебя наших нет? И не слышал

про тебя здесь никто...

— Одна хата — ещё не вся крытка, Митяй. А что до партачек — не можно мне их иметь.

— Отчего так?

— Жизнь такая... сложная, Митяй.

— А кого из *людей* знаешь?

— Никиту Пестрого, Валька Тамбовского, Папу Вову... хватит?

Пожилой зэк переглянулся со своими ближними. Двое из них согласно кивнули:

— Есть такие.

— Надо будет — ещё кого-нибудь вспомнить могу.

— Пока не надо. За тебя они сказать могут?

— Без базара. Скажи — Франт кланялся и здоровья желал крепкого. Только так и никак иначе.

— Скажу, не сомневайся. А пока суд да дело — располагайся! — указал Митяй место на втором ярусе.

Франт недобро усмехнулся. Поискал глазами и, вытянув руку, подтащил к себе кружку, стоявшую на краю стола, около сидевших рядом с пожилым зэком воров. Повертел её в руках, поставил на стол...

Хлоп!

Почти никто из присутствующих не заметил молниеносного взмаха руки.

На столе лежала жестяная лепешка неправильной формы, лишь частично напоминавшая кружку.

— Я, Митяй, тоже пошутить люблю...

— Красиво... — невозмутимо кивнул тот.

С нижней койки, неподалёку от окна, вскочил парень и суетливо вскарабкался на то место, которое только что предлагалось новичку.

— Благодарствую, — кивнул Франт, пристально глядя на Митяя.

— Не за что...

После ужина Франт подсел к Митяю:

— На два слова...

— Говори.

— Не при всех.

— У меня от народа секретов нет.

— Сам и решишь после, кому сказать, а кому нет.

Смотрящий окинул собеседника оценивающим взглядом. Ведёт себя спокойно, возбуждения никакого нет... Ладно, посмотрим.

По жесту руки сидевшие рядом эки встали со своих мест и отошли в сторону.

— Достаточно?

— Вполне. Не веришь мне, Митяй?

— Не верю. Непонятный ты человек... не наш. И поведение твоё странное.

— Всё верно. На первый взгляд так оно и выглядит.

— А что, ещё как-то посмотреть можно?

— Вся байда в том, Митяй, что работал я в основном не здесь.

— И где ж ты трудился?

— Харбин, Берлин... много где пришлось побывать. А там на наколки иначе смотрят, нежели здесь. Китайцы — так попросту перо засадить могут, даже не говоря ни о чём. У них там свои понятия.

— Не слышал.

— Да и я не знал. Одел не то, наколку не ту, по их понятиям, сделал — все, косяк. А немцы — так и вовсе, партачки засекли — пожалте бриться! Работать уже не дадут.

— И что? Не должен вор от масти своей отказываться — не по закону это.

— Я, Митяй, когда работать начинал, так сразу там. К нам уже после попал, лет через десять. И не могу, просто права не имею такого, из-за гордости своей, серьёзных людей подводить.

— Мудришь ты что-то...

— Не торопись, ладно? Маляву пошлешь — там все и пропиши, только без того, что я тебе ныне скажу.

— И что ж ты такого важного делал, друг ты мой ситный?

— От легавых тамошних людей серьёзных сберегал. Дабы не попалили их раньше времени. Чтобы дело своё они без помехи до конца довести смогли. Вот и должен я выглядеть так, чтобы ни один глаз недобрый меня самого раньше времени не срисовал бы.

— Хм... А сюда как попал? Не помогли тебе хитрости?

— Смотри. — Франт приспустил с плеча рубашку. — След видишь? Подстрелили меня, рана воспалилась, вот и обеспамятовал. В беспамятстве и повязали легавые.

Зэк внимательно рассмотрел руку, потрогал свежий рубец:

— Не врешь...

— Проверь. В больничке у вас свои люди есть.

— И проверю. Так что пока можешь спать спокойно...

Агентурное сообщение

Агент «Красивый» показал, что вновь прибывший в камеру з/к Федотов объявил себя законником, имеющим кличку «Франт». Назвал имена воров, которые могут подтвердить его личность.

Оперативное поручение

Прошу проверить по учетам, проходит ли по уголовным делам и оперативным материалам лицо по кличке «Франт».

Оперуполномоченный Ачинского горотдела ГУ РКМ

Шаверин П. Я.

Телефонограмма

ИНО ГУГБ НКВД СССР

Согласно вашему распоряжению за № 341/8 сообщаю вам, что в центральную картотеку ГУ РКМ поступил запрос о выявлении связей фигуранта «Франт». Запрос направлен из Ачинского горотдела ГУ РКМ оперуполномоченным Шавериным П. Я.

Начальнику УНКВД по Западно-Сибирскому краю

Комиссару госбезопасности 3-го ранга Каруцкому В. А.

Прошу вас в срочном порядке этапировать в г. Москву в распоряжение ИНО ГУГБ НКВД Федотова Илью Николаевича, 2 сентября 1890 г.р., уроженца г. Тверь, прописанного по адресу: г. Торжок, ул. Новая, дом 19.

В настоящий момент указанное лицо находится в ведении Ачинского горотдела ГУ РКМ. Следствие по его делу проводит оперуполномоченный указанного отдела Шаверин П. Я.

Начальник ИНО ГУГБ НКВД СССР

Комиссар госбезопасности 2 ранга

А. А. Слуцкий.

— Франт, — подошел к полулежащему на койке человеку тщедушный сиделец. — Митяй тебя зовёт.

— Добро. — Тот провёл руками по щекам, ощупывая щетину. — Иду.

На своём месте, у окна, расположилось руководство камеры. Рядом с Митяем сидели два крепких зэка, ещё один уселся на койке напротив.

— Здрав будь, Митяй! — поприветствовал его Франт. — Что звал? Дело какое есть?

— И тебе не хворать, Франт. Присаживайся, — указал рукою смотрящий.

Сидевшие напротив него урки потеснились, и Франт, кивнув в знак благодарности, присел на освободившееся место.

— Малява пришла... — Пожилой зэк оценивающе посмотрел на своего собеседника.

— И что? Читай, раз позвал.

— И прочту... Ничего ещё сказать не хочешь?

— С чего бы это вдруг? Я не адвокат, мне за болтовню не платят!

— Я и смотрю... сколько уж тут сидишь, а сказал едва несколько слов! Неразговорчивый ты!

— Жизнь заставила, Митяй. Молчание — золото, так народ говорит.

— Как когда... — Смотрящий развернул бумажный шарик. — Степа! У тебя глаза зоркие, а тут света немного... прочитай нам.

— Сей момент! — Тщедушный шкет осторожно взял у вора комок бумаги, расправил его на столе. — Так...

Франт откинулся назад, облокотившись на чей-то мешок, лежавший сейчас на койке. Его сильные руки расслабленно лежали на столе.

— Вот что тут написано... Большинство воров такого человека не знает...

Митяй вонзил свой внимательный взгляд в лицо собеседника:

— Как это так, а, Франт? — с нажимом спросил он.

— Там ведь и дальше что-то есть, — не поднимая голоса, произнес тот. — Может, сначала до конца прочитаем, а?

— Добро... — с угрозой в голосе произнес смотрящий. — Читай, Степа!

— Папу Вову расспросить нам не удалось по причине уважительной — помер он, ещё в прошлом году.

— Мир его праху! — наклонил голову Франт. — Авторитетный был вор!

Присутствующие наклонили голову в знак согласия.

После небольшой паузы чтец продолжил прерванное занятие:

— Никита Пестрый сказал, что такого человека знает и подписаться за него готов...

Смотрящий переглянулся с сидящими рядом с ним приближёнными.

— ...в том разе, ежели ответит он на вопросы некоторые. — Степа приблизился к Митяю и что-то шепнул ему на ухо.

— Спрашивайте, — пожал плечами Франт.

— Кто из серьёзных воров тебе в шестнадцатом году портсигар подарил? — Смотрящий чуть напрягся, глядя на него.

— Вова Гершензон, — без промедления ответил собеседник.

— Масть?

— Фармазон он... по банковским векселям работал.

— За что?

— От легавых я его выручил. Негоже товарища в беде бросать.

— Что за беда такая?

— Попалили его в банке, когда он туда с векселем пришёл. Липовый вексель был, ну да это и понятно, его же работа и была.

— А в двадцать пятом году где ты кого из воров видел?

— В Риге. Сам Никита со мной там и виделся.

— Об чём базар был?

— Стоп, Митяй, вот про это я только Никите и отвечу! — Голос Франта похолодел. — Про те вещи ни с кем другим говорить не стану и спрашивать не советую.

Смотрящий бросил взгляд на записку и что-то шепотом спросил у Степы. Тот взгляделся в текст и кивнул.

— Где тебе шрам привесили?

— В Берлине.

— Кто?

— А про то Никита не знает, — спокойно ответил Франт. — И спрашивать не станет. Все вопросы или ещё чего есть?

— Читай... — теряя интерес к происходящему, ответил Митяй.

— ...в таком разе, наш это человек. Примите его, обогрейте, как положено, и помогите. За что будет вам всем от нас, воров, благодарность и уважение. Всё.

Телефонный звонок.

— У аппарата лейтенант Решетов.

— Каруцкий это.

— Здравствуйте, товарищ комиссар третьего ранга!

— Здорово. Ты вот что, смотайся-ка в горотдел милиции.

— А в чём дело, товарищ комиссар?

— Тут из Москвы бумага пришла... Требуют срочно какого-то зэка. И не куда-нибудь — а лично Слуцкому! Я позвонил, там какой-то майор

Филимонов сидит, так он им ничего толком не пояснил. Не нравятся мне подобные расклады. Что это за зэк такой? Чего он такого знает, раз его эдакие люди требуют?

— Будет исполнено, товарищ комиссар!

— В секретариат зайдёшь, тебе бумагу нужную дадут. Привези его к нам и выясни всё обстоятельно. Если фигня какая-то-то и хрен с ним, отправляй! А вот ежели что интересное будет — тут уж крути его по полной. Утрём нос некоторым...

— Ясно, товарищ комиссар!

— И не миндальничай с этим зэком. Все равно из тюрьмы его берём, там и до нас с ним чего угодно сотворить могли.

— Всё понял, товарищ комиссар!

— А раз так — действуй. Потом доложишь.

Дверь в камеру лязгнула замком.

— Федотов! С вещами — на выход.

Франт неторопливо поднялся с нар, потянулся. Подхватил сидор.

— Ну, прощайте, братва! Даст бог — ещё свидимся!

— И тебе удачи, — степенно кивнул Митяй.

В коридоре Франта пихнули лицом к стене:

— Стоять тут! Лицом к стене и головой не вертеть! Не разговаривать!

Заперев камеру, надзиратель довел его до межкорпусной двери и передал дежурному. Так, сменяя друг друга, надзиратели вывели арестанта во двор, где уже ожидал автозак. Лязгнула, закрываясь, дверь, и Франт опустился на скамью. В кузове было холодно, и он поёжился.

«Отсюда увозят... Куда? Не в суд, это точно, следовательно дела ещё не закончил, даже и обвинения не предъявил. Забрали с вещами — стало быть, сюда уже не вернусь. Может быть, этап? Нет, это пересыльная тюрьма, его здесь и формируют. Перевод? С какого бодуна? Открылись новые обстоятельства? Интересно, какие... На допросах я ничего нового не говорил, так что по этим данным можно копать до морковкина заговенья. Что я сказал нового и кому? Кличку назвал? И что? Она никому ничего не даёт.

Куда же тогда везут? В НКВД — больше некуда. Почему? Чем им интересен обычный зэк?

Кличка! Вот единственная зацепка! Они колонули кого-то из воров! И он им сдал... Чего сдал? Коридор... Да, пожалуй, что ничего другого и не придумать... Плохо дело, если чекисты станут меня трясти... Надо уходить! Плохо, черт возьми, все в спешке, на авось! Но вариантов нет, от

них я так просто не сбегу...»

Автозак завернул во двор горотдела милиции. Молоденький постовой запер ворота и нажал кнопку звонка. Поёживаясь от холода (ноябрь в этих краях — далеко не самый приятный месяц!), два милиционера выскочили во двор и, открыв дверь, вытащили единственного пассажира на улицу. Провели по коридору, поставили лицом к стене, и один из них постучал в дверь кабинета.

— Товарищ оперуполномоченный! Тут эка этого привезли...

— Давай его сюда! И свободны, дальше уже без вас разберёмся.

В кабинете было многолюдно. Помимо Шаверина, сидевшего на своём месте, тут присутствовал ещё лейтенант НКВД. Он развалился на стуле, стоявшем около стола. А справа от входа стену подпирали ещё два бойца из того же ведомства.

— Садитесь, Федотов.

Франт поставил на пол сидор и опустился на стул.

— Ну что, Федотов, доигрался? — Шаверин посмотрел на энкавэдэшников. — Теперь тобою будут заниматься эти товарищи. Говорил же тебе...

— Спасибо, товарищ Шаверин, — прервал разговор лейтенант. — Я должен где-то поставить подпись...

— Да, пожалуйста, товарищ лейтенант, — прервал свою речь оперуполномоченный. — Вот здесь.

Энкавэдэшник чиркнул что-то на листе бумаги:

— Всё?

— Да, всё.

— Тогда, дорогой товарищ, оставь нас наедине побеседовать... ненадолго. И не мешай.

— Понял, товарищ лейтенант. — Оперуполномоченный быстро собрался, взял со стола какую-то папку и вышел за дверь.

— Ну что, субчик, доигрался? — грозно глянул на арестанта лейтенант, усаживаясь за стол. — Смекаешь, чем все это для тебя теперь кончится?

— Не понимаю вас, гражданин лейтенант, — пожал плечами Франт. — Я обычный человек, уж вашему-то ведомству никак не интересен...

— Ишь ты?! Не интересен? Да мне ты, так и вовсе — на хрен не уперся! А вот зачем тебя в Москве видеть хотят?

— В Москве? Да откуда ж я знаю?

— Не просто в Москве, а в ИНО!

— Господи, это что ж за штука такая? Отродясь ни с какой Иной дела не имел...

— Дурак? Или ваньку валяешь?

Хрясь!

И сильный удар резиновой дубинки снес арестанта на пол. В глазах вспыхнули искры.

— Ох... — протянул тот, приподнимаясь на руках. — За что ж меня так-то? И слова не сказал...

— Оттого и прилетело, что не сказал! Вернее, сказал, да не то! Вдругорядь думай, прежде чем что-то говорить!

Кряхтя и охая, Франт взгромоздился на стул, опасливо оглядываясь на ближайшего к нему сотрудника. Тот, вертя в руках дубинку, довольно ухмыльнулся.

— Короче, милоч! Ежели ты прямо сейчас не скажешь, за каким-таким рожном тебя хотят серьёзные люди видеть — можешь помахать ручкой своим почкам. Усёк?

— Куда уж яснее-то... А что за люди-то? Может, я и знаю кого?

— Знаешь? Хм... Такое имя, как майор Филимонов, тебе говорит что-нибудь?

— Говорит, — неожиданно твердым голосом ответил Франт. — А имя-отчество его как?

Удивлённо на него посмотрев, лейтенант, раскрыл свою папку:

— Так... Олег Иванович его зовут. А что? Знакомый?

— Вещи мои где?

— Вон там, — кивнул следователь в угол. — В той коробке.

— Там патроны к нагану лежать должны.

По знаку начальника второй энкавэдэшник принес на стол коробку. Лейтенант её раскрыл и заглянул внутрь:

— Ну, вижу их. И что?

— Посмотрите внимательно. Один из них, тот, что в барабан вставлен, должен быть чуть легче остальных.

— Ха! Револьвер-то разряжен!

— Так посмотрите все патроны.

Что-то бормоча под нос, лейтенант высыпал патроны на стол. Кивнул своему подчинённому, и оба они стали их осматривать.

— Вон тот! — вытянул руку Франт, чуть приподнявшись со стула.

Глаза всех присутствующих устремились туда, куда указывал палец арестанта.

Всех, в том числе и дубиноносителя.

Р-раз!

И, не выпрямляясь, арестант резко провернулся на полусогнутых ногах. Захватив за руку стоявшего позади стула сотрудника, он резким движением отправил его в сторону стола. Врезавшись в своего товарища, стоявшего справа от стола, дубинодержатель сбил его с ног, и они вместе долбанулись о стену.

Два!

Совершив сложный пируэт, Франт резко сократил расстояние до стола. И, выбросив вперед правую ногу, резко пробил ею в грудь начавшему было вставать лейтенанту.

С грохотом сбив стул, тот присоединился к своим подчиненным.

Подхватив со стола разряженный наган, арестант от души долбанул рукояткой по головам обоим конвоирам. Кулаком врезал по морде и их начальнику, после чего, выдернув у него из кобуры револьвер, взвел курок.

— Ну? — ткнув со всей силы стволом в горло чекиста, поинтересовался Франт. — Ещё вопросы есть?

— Э-э-э... ты всё равно не уйдешь... тебя не выпустят.

— А твоя-то какая печаль? Как оно ни повернись — никто из вас про то и не узнает. Разве что на том свете повстречаемся...

— Чего надо?

— Кто меня вызывал в Москву?

— Слуцкий. Комиссар госбезопасности второго ранга.

— Кто такой?

— Начальник ИНО НКВД.

— А майор этот при чём?

— Не знаю. Приказано держать его в курсе дела.

— Кто вам приказал?

— Каруцкий. Начальник УНКВД Запсибкрая.

— Что он сказал?

— Выяснить, зачем Москве этот зэк, и доложить ему.

— На чем вы приехали?

— Во внутреннем дворе машина стоит.

— Водитель?

Лейтенант скосил глаза вбок:

— Вон там лежит...

Коротко взмахнув рукой, арестант отправил в беспамятство и его. Подскочил к двери и прислушался. Тихо...

Бесцеремонно раздев валявшегося в отключке водителя, Франт переоделся в его форму. «Чуть тесновато... но сойдёт, мне в ней долго не

ходить», — подумал он. Взяв со стола коробку, он ссыпал в неё патроны, запихал свою одежду, сунул туда же и один из трофейных револьверов. Разодрав на части гимнастерку одного из энкавэдэшников, связал ею руки и ноги им всем. Тряпок не хватило, пришлось пожертвовать и гимнастеркой лейтенанта. Запихав всем чекистам в рот импровизированные кляпы, бывший арестант пошарил в столе оперуполномоченного и прихватил с собой кое-что из найденного. Надев шинель водителя, взял в руки коробку и реглан лейтенанта, положив его сверху. Вышел в коридор. Поставил коробку на пол и, вытащив из кармана нагановский патрон, забил его рукояткой револьвера между дверью и косяком. Теперь дверь открыть было проблематично. Хотя снаружи это не особенно бросалось в глаза.

Держа перед собою коробку с вещами и лежащим сверху регланом лейтенанта, он спустился во двор. Огляделся и, обнаружив автомашину НКВД, направился к ней. Открыл заднюю дверь и поставил туда коробку.

Сел за руль и покрутил стартером, каждый раз выключая двигатель, прежде чем он схватывался.

Вылез назад и во весь голос выматерился. Подошёл к будке постового и постучал кулаком в дверь.

— Что нужно? — на пороге возник милиционер.

— Слышь, братишка, что-то с машиной у меня... Надо вещи в отдел отвезти, а она не заводится. Подтолкнуть бы её, а?

— Это можно, — кивнул постовой. — Сейчас ребят позову...

К тому моменту, когда вызванные им товарищи вышли во двор, Франт уже сидел за рулем. Мало ли... среди них могли оказаться и те, кто провожал его в кабинет. А узнать бывшего зэка, сидящего в машине, было всё-таки не так просто. Постового он не опасался, тот арестанта в лицо видеть не мог.

Первая попытка завести машину оказалась неудачной — двигаясь по кругу, её разогнать не получалось.

— По прямой давайте! — крикнул он милиционерам.

— Добро! — кивнул постовой.

Открыв ворота, машину вытолкали на улицу. Разогнали её вдоль улицы, и вот тут мотор, наконец, схватился.

Прибавив газу, Франт благодарно помахал рукою милиционерам.

«Ну вот, — подумал он, — не пришлось просить ворота открывать... так-то могли и пропуск потребовать или дежурного вызвать...»

Оставив за собою клуб сизого дыма, машина повернула за угол и скрылась из глаз...

— Утром подъезжай. — Майор Филимонов взял с заднего сиденья портфель. — Часиков в семь. Мне завтра к руководству в одиннадцать часов назначено, так что я немного на службе поработаю, подготовлюсь.

— Как скажете, Олег Иванович, — кивнул водитель. — В семь, значит, в семь.

Проводив глазами автомобиль, майор повернулся и зашагал к подъезду. Тихий колодец двора, неподалеку от Столешникова переулка, был почти пуст. Людей практически не видеть.

«Вечер, — подумал он. — Все по домам сидят, только окна светятся. А когда я сам вот так, вечером, после рабочего дня, сидел за столом с друзьями? Про семью и не говорю... если на работе с утра до ночи сидишь, когда уж тут жениться?»

В свои тридцать два года он ещё выглядел завидным женихом. Высокий, статный и с красивым лицом. Представительный мужчина, да ещё и квартира отдельная есть! Тот ещё кадр! Только вот дальше мимолетных романов как-то и не заходило... Так что он махнул на подобные вещи рукой. Хуже уже не будет, а он давно привык к холостяцкому быту.

«Надо будет зайти к Наталье Степановне, управдому, — перешагивая через ступеньки, подумал Филимонов. — Обещала кого-то там подобрать в качестве домработницы. Не самому же мне с веником и тряпкой чистоту в квартире наводить?»

На площадке второго этажа стоял и, выпуская дым в окно, курил сосед по подъезду — длинный и нескладный инженер Степанович.

— Вечер добрый, Олег Иванович, — увидев майора, поздоровался он.

— И вам того же, Павел Петрович, — кивнул майор. — Что, опять домашние заели?

— Даже не говорите! — сокрушенно взмахнул рукою инженер. — Всё им не к месту! Здесь не дыми, туда не стряхивай... ужас! Насколько вам проще! Я даже завидую иногда!

— У вас маленький ребёнок, — примирительным тоном произнёс Филимонов. — Надо же и о нём думать?

— Я и так на кухне курю! — возмутился инженер. — Что ж им ещё нужно-то?

Мать Степановича и его жена, на удивление быстро спевшиеся, представляли собою разительное опровержение общепринятой поговорки относительно невозможности одновременного существования двух женщин в одной кухне. Так что беднягу грызли сразу с двух сторон.

Распрощавшись с соседом, майор поднялся выше. Жил он на третьем

этаже пятиэтажного дома в двухкомнатной квартире.

Уже доставая ключи, он услышал шаги — кто-то, мурлыча под нос песню, неторопливо спускался сверху.

«Должно быть, Василий Федорович, — подумал Филимонов. — Это у него привычка всё время под нос что-то напевать...»

Скрипнули перила — идущий сверху человек вдруг резко перемахнул через них вниз.

Шлёп!

Приземлился он на лестничную площадку.

Что-то кольнуло майора под лопатку.

— Тихо! — произнес свистящим шепотом стоявший за спиной неизвестный. — Открывай дверь и заходи. — Вякнешь — приколю на раз-два.

В одной руке майора были зажаты ключи, которые он уже вставил в замок, а в другой — портфель. Не успеть... «Ладно, в квартиру войдём, он и расслабится...» — промелькнула в голове расчетливая мысль. Филимонов не считал себя мастером рукопашной борьбы, но в прихожей на вешалке у него был спрятан браунинг. И это могло стать весомым аргументом в споре.

Распахнув дверь, он вошёл в квартиру.

— Свет... — прошептали за спиной.

Щелкнул выключатель, озаряя прихожую желтоватым светом сорокасвечовой лампочки. И только после этого позади гроыхнула дверь.

— Вперёд...

Майор прошёл в глубь квартиры. Толчок в плечо:

— Влево...

Войдя на кухню, они остановились. Ловкие пальцы пробежались по бедру Филимонова, доставая из кобуры «ТТ».

— Теперь садитесь! — На этот раз незнакомец говорил вполне нормальным голосом. — Можете повернуться...

Подойдя к табуретке, майор по привычке смахнул с неё воображаемые крошки, после чего присел. И лишь тогда повернулся к своему собеседнику.

Здоровый и плечистый мужик — лет сорок. Или чуть больше. Темно-русые волосы. Одет в пальто черного цвета и серую шапку. В правой руке зажат наган с толстым набалдашником на стволе.

«Глушитель! — мелькнула мысль. — Не наш, конструкция английская. Стало быть, не обычный урка».

— Ну, давайте знакомиться, — будничным тоном произнес непрощеный гость, покачивая револьверным стволом. — Вы Филимонов

Олег Иванович. Так?

— Допустим...

— Я ведь и удостоверение личности посмотреть могу, — усмехнулся незнакомец.

— Да. Филимонов. С кем имею дело?

— Вы меня искали... только вот выбрали не совсем удачный способ приглашения в гости.

— Вас? Манией величия случайно не страдаете, милейший? Чтобы наша служба кого-то искала, надо столько наворотить... Хоть представляете себе, с кем связались?

— ИНО ГУГБ НКВД, — кивнул незнакомец. — Ваш непосредственный начальник — комиссар госбезопасности второго ранга Слуцкий Абрам Аронович. Считаете, что этого достаточно для того, чтобы обделаться? Разочарую — я не из пугливых.

— Так, — потер пальцами виски майор. — Что-то не туда у нас с вами разговор зашел... Сначала?

— Не возражаю.

— Хорошо. Я вас искал? Как давно?

— Совсем недавно.

— Ну... хоть какую-то зацепку дайте! У нас в производстве десятки дел!

— Я — Франт.

Ни фиги себе! Филимонов чуть не поперхнулся. Ищем-свищем его в Европе... а он здесь! В моей квартире!

— Постойте... Харон?

Теперь удивился уже Франт.

— Отдаю должное вашей службе, — слегка поклонился он. — Как это вам удалось?

— Тоже не лаптем щи хлебаем, уважаемый! — У майора проснулся азарт. — Не ошибусь, если назову и ваше основное имя, вернее, кличку — Проводник!

— Соответствует, — кивнул тот. — И что вам от меня надо было?

— Пить хочу, — смущенно улыбнулся Филимонов, — аж в горле пересохло от возбуждения.

— Милости прошу, — приподнялся со стула Проводник (будем теперь называть его так). И отступил на несколько шагов назад, не опуская оружия.

Сделав несколько больших глотков из-под крана, майор вернулся на свое место. Возвратился назад и Проводник.

— Вот, черт... у меня столько вопросов было... а сейчас даже и не знаю, с чего начинать? — Чекист потер лоб. — А, ладно! Вы действительно тот самый Проводник?

Оппонент слегка удивился. Задумчиво посмотрел на майора:

— У вас что, есть основания полагать, что я вру?

— Да нет, конечно! Это я так... черт... Скажите, Марецкий — ваша работа?

— Моя. Так это вы вокруг него крутились?

— Мы. За что ж Кравец-то пострадал?

— Не надо было так назойливо выпячивать его на передний план.

— Не опасаетесь конфликта с Польшей?

— Я не знаю такой страны. Есть Царство Польское в составе Российской империи. Подло воспользовавшееся тяжелой для России ситуацией. Это не прибавляет им уважения с моей стороны. Да и кроме того... он у меня не первый поляк. Одним больше — одним меньше... какая разница?

— Лихо это у вас выходит! И англичан подставили — не совестно?

— Во взаимоотношениях с данной страной использовать такие понятия, как совесть, — преступный идиотизм. Всегда, когда у меня имелась такая возможность, я переводил стрелки на них.

— Однако... — Филимонов ошарашенно посмотрел на Проводника. — Ну и нравы у вас, уважаемый... Там ведь тоже люди...

— Я с ними ещё за ту войну не расквитался. Да и... вам-то что за дело?

— А вот тут вы не правы. Да, островитяне — те ещё негодяи, не спорю. Но сейчас мы играем на одной стороне.

— Это вам так кажется, Олег Иванович. У англичан одна сторона — своя. И они там в гордом одиночестве.

— Эх! Ладно... об этом и позже можно поговорить. А кстати, как вы меня нашли?

— Вы сколько лет в разведке? Нелегальной, я имею в виду?

— С двадцать второго года.

— А я — с четырнадцатого. Маленькие слабости, да будет вам известно, есть у всех. У ваших сотрудников — тоже.

— Однако... и до каких чинов дослужились?

— До обер-офицерских. Вам-то это зачем?

— Ну... я уполномочен предложить вам сотрудничество. Вот!

— В каком качестве? И зачем это мне нужно?

— Мы возрождаем разведсеть в Европе. И в Германии — в частности.

— Ну уж это-то абсолютно очевидно! Удивился, если бы такого не происходило. Вот, значит, чьи ушки торчат из кустов... Чего-то похожего я и ожидал.

— Поэтому мы и привлекаем к сотрудничеству бывших офицеров... э-э-э... царской России.

— И много пришло?

— А то не знаете? Газет не читаете, да и других источников информации не имеете...

— Знаю, — кивнул Проводник. — Но отчего вы решили, что я этого сотрудничества хочу?

— Но ведь зачем-то вы пришли? Не желали иметь с нами дело — могли бы и дальше не проявляться никоим образом. Ведь так?

— Вам не откажешь в логике. Но всякое сотрудничество эффективно лишь тогда, когда оно взаимовыгодное.

— В чем же состоит выгода для вас?

Проводник нахмурился:

— Преследуй я свою выгоду, милостивый государь, то и вовсе не появился бы на горизонте. Поверьте, у меня достаточно возможностей обеспечить себе безбедное существование. Но не могу не отдать должное тем, кто сейчас стоит во главе страны, — они сделали многое, чтобы восстановить былое величие России. Именно это обстоятельство и послужило причиной для настоящей встречи. На моем попечении сейчас находится некоторое количество офицеров, которые преданно служили своей стране тогда и вполне способны делать это сейчас. С другой стороны, на меня возложена недвусмысленная обязанность по сохранению их жизней и возможностей дальнейшей работы. Никто из них не является сторонником коммунистических идей, разве что где-то в глубине души. Но все они являются патриотами России. И я должен быть уверен в том, что ни один из этих людей не пострадает за свои убеждения.

— Однако... Как вы понимаете, таких гарантий я вам дать не могу. Это выходит за рамки моих полномочий.

— Тогда зачем вы меня искали?

— Такие гарантии вам может дать только мое руководство. Поймите меня правильно. Я не считаю всех офицеров царской армии безусловными врагами советской власти. Многие из них и сейчас работают с нами рука об руку.

— Рафалов, например...

— Вы знаете?

— Разумеется. Смотри ваши аналитики чуть-чуть дальше

собственного носа, они отметили бы тот факт, что известные ему банковские счета до сих пор действуют. Как вы полагаете, неужели я не отслеживаю того, что происходит с моими людьми? Или вам неизвестно, что по системе «уно фише» банк обязан отчитываться обо всех операциях по счету перед лицом, открывшим счёт? А расходы Рафалова резко выросли, вы ведь стали тратить эти деньги и на свои нужды в том числе.

— Следует ли это понимать так, что у вас в Европе имеются и другие доверенные люди, помимо тех, кого вы опекаете?

— Совершенно верно. Есть такие люди.

— В таком случае я уполномочен передать вам официальное предложение сотрудничать с нами.

— И как вы себе представляете подобное сотрудничество? Я должен назвать вам фамилии и адреса агентов? Дать пароли и вскрыть систему их обеспечения? Так, что ли?

— Ну, примерно так.

— И сразу после этого я перестаю быть вам нужным? Я вас правильно понял?

— Не думаю. У вас громадный опыт работы, который, безусловно, будет ценен и полезен многим другим.

— Видите ли, Олег Иванович, вся система безопасности моей агентуры выстроена таким образом, что без моего личного участия в ряде ключевых действий немедленно приводится в действие сигнал тревоги. Дальше вам объяснять или сами поймете?

— Иными словами, изъять вас из системы невозможно?

— В течение ближайших лет — безусловно.

— Если не секрет, сколько у вас людей?

— Агентов Генерального штаба изначально было тринадцать человек.

В настоящий момент в живых осталось девять.

— Постойте... Если я правильно понял, то есть еще какие-то люди?

— Есть. Это не офицеры русской армии. Когда и кем они были привлечены к сотрудничеству и на каких условиях, мне ничего неизвестно. Более того, это вообще коренные жители своих стран. Моя задача состоит лишь в том, что я опекаю их так же, как и известных мне агентов.

— И сколько у вас таких людей?

— Четверо.

— Хорошо. Ваши предложения?

— Первое. Мне нужна личная встреча с вашим начальником. Не обижайтесь, Олег Иванович, вы не самая главная персона в ИНО. Второе. Представитель ИНО должен будет выехать туда, куда я укажу. Там мы и

встретимся. Вся дальнейшая работа начнется с этого места. Имен, фамилий и адресов здесь я никому сообщать не стану. В свою очередь, вы должны понимать: не каждый из мною опекаемых агентов может захотеть работать с СССР. Со мной — другое дело.

Майор в задумчивости почесал в затылке:

— Однако же... На эти вопросы я ответить не могу. Руководству же доложу в самое ближайшее время. А каким образом мне передать ответ?

— Послезавтра, когда будете возвращаться домой, отпустите машину за три квартала от дома. В портфель положите газету так, чтобы ее было видно. Это и будет сигналом, что мои предложения приняты. А потом я вас найду. Если в течение двух дней такового сигнала не последует, будем считать, что мы не договорились. Устраивает?

— Ну, никакого другого варианта вы нам не оставляете. Согласен.

Проводник кивнул и приподнялся со стула:

— Ваше оружие я оставлю в прихожей. Не надо меня провожать, Олег Иванович...

Он попятился, не спуская с майора внимательных глаз. Потом плавно повернулся и исчез за углом. Спустя несколько секунд негромко хлопнула входная дверь.

Филимонов поднялся и похлопал себя по карманам. Вытащил пачку папирос. Надо было обдумать произошедший разговор.

Телефонный звонок.

— Абрам Аронович! Это майор Филимонов.

— Что стряслось, Олег Иванович? До завтра подождать не можешь?

— У меня только что был гость.

— Что за гость такой поздний?

— Проводник на огонек заглянул.

— Кто заглянул?!

— Он самый, Абрам Аронович. Посидели, поговорили за жизнь...

— И до чего договорились?

— В целом он согласен. Но есть некоторые нюансы.

— Вот что: машину я сейчас за тобой вышлю. Посидим, подумаем. Эх, хотел сегодня отоспаться! Боюсь, что этого уже не выйдет...

Черный «Паккард» неторопливо ехал по нешироким просекам Сокольников.

— Ну и где же, Олег Иванович, по-твоему, он нас встретит? — Слуцкий с интересом рассматривал заоконный пейзаж.

— Трудно сказать, Абрам Аронович. В записке было указано — двигаться по этому маршруту. Поскольку мы делаем уже второй круг по лесу, Проводник наверняка где-то контролирует дорогу, чтобы убедиться в отсутствии у нас прикрытия. Не зря он выбрал это место, парк достаточно глухой, и случайных машин тут немного.

— Разумно. На его месте и я так бы поступил. Опасается ареста, как ты полагаешь?

— Не исключено. Хотя он пояснил, что это будет ошибкой. Но... всякое может быть. Судя по тому, что его так и не вычислили до сих пор ни мы, ни наши противники, он человек весьма предусмотрительный и осторожный.

— А как же Ачинск? Там-то он как прокололся?

— Видимо, не учел своего физического состояния после ранения. Но зато как вывернулся! Даже и уголовники его своим признали! Кстати говоря, я дал команду проверить этих самых воров.

— И как?

— Пока ответа ещё нет, но уже сейчас ясно, что Проводник использует уголовный мир в своих целях. Причём достаточно давно, Франт засветился в милицеских документах ещё в двадцатых годах.

— А как же так вышло, что его не нашли по нашему запросу?

— Бардак, Абрам Аронович! Элементарное головотяпство и расхлябанность! Эти сведения пришли к нам уже три месяца назад. И мне об этом доложили только вчера! Пришлось спустить три шкуры с этих умников из картотеки — они считают себя самыми умными и необходимыми сотрудниками!

— Установите виновных в этом разгильдяйстве. Их надо наказать самым строгим образом! Дабы впредь подобные ляпы не мешали в работе.

— Будет исполнено... О! Абрам Аронович, смотрите — сигнал!

На придорожном дереве болтался обрывок материи красного цвета.

— Притормозим, — кивнул комиссар госбезопасности. — Он где-то здесь...

Скрипнув тормозами, «Паккард» остановился.

Хлопнули двери, и оба пассажира вышли на улицу. Хрустнул снег под ногами. Он был девственно чист и нетронут.

— Смотрите-ка, Олег Иванович, а ведь следов около дерева нет! Как же он так исхитрился эту тряпку повесить?

Майор подошёл поближе к дереву и осмотрел его.

— А он к нему не подходил. Во всяком случае — сейчас. Кусок материи повязан на ветку, и довольно давно, дня три как минимум. Вот и

следы в снегу есть, только их почти совсем замело. А фиксировался кусок этот, по-видимому, веревкой или тонкой бечевкой. Вон на снегу след виден. Надо думать, он веревку издали откуда-то дернул и потом в лес утащил, вот борозда и осталась.

— Именно так, Олег Иванович.

Оба чекиста обернулись.

Позади автомобиля, прислонившись боком к багажнику, стоял Проводник. Он подошёл с другой стороны дороги и до последнего момента был прикрыт корпусом автомашины. Руки подошедший держал в карманах.

— Здравствуйте, Абрам Аронович, — наклонил голову визитер. — Если вас не затруднит, оставайтесь, пожалуйста, на своих местах.

— Здравствуйте, — ответил комиссар. — А как вас звать-величать прикажете? Не Проводником же мне вас называть? Какое-то имя-отчество у вас ведь имеется?

— Имелось, Абрам Аронович. Только этот человек умер, к сожалению. Вместе с Российской империей. И вернётся ли к жизни или нет, зависит от результатов нашего разговора.

— Хм... ну ладно, пусть так.

— Как я понимаю, мои предложения вас устроили?

— В целом — да. У вас есть ещё какие-то условия?

— Какие? — удивился Проводник.

— Ну... как вы видите своё дальнейшее существование? В каком качестве? Не скрою, мы заинтересованы в сотрудничестве с вами.

— Моя задача все эти годы заключалась в обеспечении безопасности конкретных лиц. Как я понимаю, теперь эту функцию вы собираетесь взять на себя?

— Возможно. Это уже на месте надо будет решать. С учётом существующей системы и прочих особенностей. Сейчас я ответить на это не могу — просто не представляю себе всех этих нюансов.

Проводник кивнул:

— Согласен. Пожалуй, это самое правильное решение. Но на это уйдёт время. Год, возможно, что и больше.

— Не возражаю. Спешка в данной ситуации представляется мне нецелесообразной. Как много времени, по вашим расчетам, может занять переход ваших агентов к активной деятельности?

— Зависит от характера поставленных задач. Те из них, кто работает в несомненно интересующих вас ведомствах, могут начать свою работу немедленно, по получении приказа.

— От кого он будет исходить? Лично от вас?

— На первом этапе — только так. В дальнейшем я могу переключить их уже на ваших связных.

Слуцкий потер подбородок.

— Хм... тогда... пожалуй, что и всё... А что касается вас лично... через границу, как я понимаю, вы собираетесь переходить сами?

— Да.

— И где мы вас найдём?

— В Вене. Через полтора месяца.

— То есть в феврале следующего года? Хорошо... Помощь вам...

— Не требуется.

— Так... Где и когда?

— На главпочтамте вашего человека будет ждать письмо «до востребования». На имя Готлиба Герховена. Там будет указано место встречи и сигнал опознания. Пароль — «Ваше лицо мне знакомо, мы не встречались ранее?». Отзыв — «Сомневаюсь. У меня хорошая память на лица».

— Согласен. Но, как понимаете, мы будем обязаны принять все меры предосторожности.

— Кто б сомневался! Пока что у НКВД нет оснований мне доверять.

— У вас, судя по тем мерам, которые вы предпринимаете, — тоже.

— Мне не очень понравились дубинки ваших сотрудников, товарищ комиссар.

— М-м-да... Бывает... К сожалению, ничего возразить тут не могу... что есть — то есть. Но, как мне кажется, вы с ними уже по квитались?

— Постарался. Что с ними теперь будет?

— Лейтенант уволен из органов и отдан под суд.

— Туда и дорога, — кивнул Проводник.

— В отношении рядовых сотрудников ограничились увольнением. Думаю, им хватило пары-тройки сломанных ребер и сотрясения мозга.

— Зря. За такое отношение к служебным обязанностям судить надо. Впрочем, с горы виднее.

— А вот оперуполномоченный прямо перед вашим побегом зарегистрировал в канцелярии факт передачи арестованного в распоряжение УНКВД. Так что — повезло, отделался выговором.

— Кстати говоря, умный парень! Далеко пойдёт, если не подгонять чрезмерно. Голова у него есть, только опыта маловато. Да, перед отъездом посмотрите в кустах, вон там. — Проводник указал направление. — Там их оружие. Мне чужого не нужно.

— Посмотрим. Больше ничего не хотите мне сказать?

— Пока что рано. Вот закончим работу, тогда можно будет и разговаривать...

— Ну что ж... В таком случае — до свидания!

Проводник вежливо кивнул. Наклонился и что-то сделал под ногою. Выпрямился и, ещё раз поклонившись, исчез в кустах на той стороне дороги. Лишь чуть-чуть шевельнулись ветки, и все стихло.

— Что это такое он там делал? — поинтересовался комиссар.

Филимонов, подойдя к месту, где стоял их собеседник, присел на корточки. Поковырялся в снегу и присвистнул:

— Посмотрите-ка, Абрам Аронович!

Он поднял с земли облепленный снегом предмет.

— Что это такое?

— Насколько я понимаю в технике — это какой-то замыкатель... Видите, вот тут он вставил палочку, чтобы он случайно не сработал. Надо полагать, эта штука в сугробе лежала, он, когда подошёл, её оттуда вытащил. И под ногу себе приладил...

Майор осторожно положил устройство на землю, взялся за провод и неторопливо двинулся вдоль него. Сошёл с дороги и исчез в кустах. Спустя несколько минут он выбрался на дорогу, осторожно неся в руках деревянный ящик. Поставил его на землю и присел рядом. Повозился некоторое время. Встал, отряхнул руки и покачал головой.

— Что там, Олег Иванович? — крикнул ему комиссар.

— Полпуда динамита, Абрам Аронович, — ответил тот, выбираясь на дорогу. — Батарея от радиостанции. И три нагана — надо думать, это оружие наших сотрудников, о котором говорил Проводник. К детонатору провод подходил от этого замыкателя.

— То есть, шевельни он ногой...

— И нас всех похоронили бы в одной могиле...

Январь 1936 года.

Москва.

Патриаршие пруды

В воскресный день тут было многолюдно. С визгом и криком носились по льду дети. Вдоль чугунной ограды прогуливались парочки, а скамейки плотно оккупировали люди постарше. Сюда не доносился городской шум, разговоры велись неторопливые и обстоятельные.

Стоявший, облокотившись на ограду, мужчина в неброском сером полушубке неторопливо грыз семечки, лениво разглядывая гуляющих взрослых и носящихся повсюду их детей. Судя по его виду, он никуда не

спешил и никого не ожидал. Обилие шелухи возле его ног свидетельствовало о том, что наблюдатель находится здесь уже достаточно давно.

Внезапно взгляд его на секунду стал жестким — на сцене появился новый персонаж. Из притормозившего ненадолго автомобиля вышел неплохо одетый мужчина лет сорока — сорока пяти. Добротное пальто, теплая меховая шапка — вполне возможно, что иностранец. Или хорошо обеспеченный служащий. Он тоже подошел к ограде и остановился, разглядывая открывающееся перед ним зрелище. Наблюдатель скользнул взглядом по толпе и обнаружил, что на данного гражданина с любопытством смотрят многие. В том числе — и по долгу службы. По крайней мере, одного такого «любопытного» наблюдатель выявил достаточно быстро. Молодой парень, лет двадцати, даже не очень-то скрывал свой интерес к иностранцу. Усевшись на скамейку неподалеку, он бесцеремонно согнал с неё подвыпившего дедка. Тот, начав было возмущаться, внезапно быстро прекратил свои словоизлияния и, оглядываясь, покинул это место.

«Первый... — мелькнуло в голове у обладателя серого полушубка. — А где второй?»

Второй, вернее, вторая обнаружилась минут через пять. Невысокая девушка в сером пальто остановилась метрах в пятидесяти от иностранца, делая вид, что разглядывает объявления на стене.

«Ну-ну, — хмыкнул про себя внезапно развеселившийся любитель семечек, — ты там что, по слогам читаешь? Три листка всего-то и висят, давно бы уже прочла!» Окинув взором окрестности, он выявил и автомобиль любопытствующей парочки — тот притаился неподалеку и из-за угла высовывался только его радиатор.

«Обложили... даже автомобиль под рукой держат — это хорошо, стало быть, за машиной его никто не поехал...» — удовлетворённо отметил наблюдатель про себя.

Не обнаружив, кроме этих двоих, никого более, сплюнул на снег очередную порцию шелухи и повернулся, собираясь уходить. И, пройдя прямо по заснеженному газону, пересек проезжую часть, углубившись в лабиринт улочек. Через некоторое время вынырнул уже в самом конце Трехпрудного переуллка. Огляделся. На противоположной стороне заметил стоящий автомобиль — тот самый, что некоторое время назад высадил на Патриарших прудах иностранца. Рядом никого, никаких других автомашин поблизости нет. Подняв воротник полушубка, наблюдатель быстрым шагом пересёк переулок, пройдя прямо перед автомобилем. Уже удаляясь,

услышал, как позади негромко хлопнула дверца. Не замедляя шагов, любитель семечек свернул в ближайшую подворотню и тут же прижался к стене, пропуская мимо себя любого, кто вошел бы сейчас следом за ним. В этом месте имелась ниша, куда он предусмотрительно и спрятался.

Звук шагов... скрип снега — и в подворотне появилось новое действующее лицо. Плотный пожилой мужчина в темном пальто и шапке с наушниками. Не заметив в подворотне никого, он направился дальше.

— Мистер Джейкобс? — убедившись в отсутствии преследователей, окликнул его человек в полушубке.

— Яков?! Что вы меня так путаете? — вздрогнул тот.

— Должен же я быть уверен, что за вами не следят?

— Не спорю... однако вы выбрали для этого такой метод... Зачем я должен переодевать в свою одежду водителя?

— Потому что за вами следят. Вашего водителя сейчас плотно прикрыли в районе Патриарших.

— Вы уверены?

Яков только хмыкнул:

— Не первый год замужем...

— Кто?

— Мои коллеги, надо полагать. Или для вас это новость?

— Не сказал бы... Ладно, давайте ближе к делу. Почему вы потребовали личной встречи со мной? Это же опасно! Всё спокойно можно было бы передать и обычным способом.

— Мистер Джейкобс, я хочу уйти.

— Вот как? И почему?

— А то вы не знаете? — Любитель семечек сплюнул. — Плохо стало... Вокруг всякая чертовщина происходит. Друг друга уже подозреваем... Добром это не окончится, помяните мои слова.

— Но... наши договоренности...

— Вполне предусматривают и подобный момент! Мы работаем вместе уже достаточно давно, и я немало для вас сделал! Долг платежом красен — знаете такую поговорку?

— Вам мало денег?

— Покойнику они ни к чему.

— Но... я должен сообщить руководству...

— Подобное решение вы можете принять и сами, давайте не будем друг другу сказки рассказывать! Тем более что у меня есть для вас весомый аргумент!

— Какое-то очередное «дело» ваших коллег?

— Гораздо интереснее, мистер Джейкобс!
— И что же? — со скучающим видом поинтересовался тот.
— Вам такое имя, как Харон, ничего не говорит?
— Э-э-э... кто-то из древнегреческой мифологии?
— Не знаю, насколько он стар, но угольков за воротник вполне может насыпать и в этом возрасте! Я приоткрою вам маленькую щелочку — его вы ищите уже очень давно...
— Ну... не знаю... не знаю... Пока что не вижу в этих сведениях ничего интересного.
— Так запросите Лондон, наконец! У меня через три дня командировка — в Колпино. Оттуда я уже не намерен возвращаться! С вами или без вас — уйду! Это решение окончательное! Но вы, мистер Джейкобс, можете потерять очень многое...
Любитель семечек огляделся по сторонам.
— Не ищите меня. Если согласны, оставьте записку в «почтовом ящике». Укажете место встречи. Где-нибудь у прибалтов. Если нет... полагаю, что эта информация может заинтересовать и кого-нибудь другого...

Радиограмма

Агент «Хмурый» потребовал помощи в эксфильтрации. Продолжить работу в прежнем качестве категорически отказался, мотивируя это опасностью разоблачения. По его словам, на службе наблюдается нервная обстановка, много арестов. Располагает информацией о человеке по имени Харон, уверен в том, что она будет для нас интересна. В случае возможного отказа пригрозил продать её другим заинтересованным лицам.

Полагаю, что как агент «Хмурый» более ценности не представляет. Его возможный арест может нас скомпрометировать. Прошу санкцию на проведение операции прикрытия.

Четырнадцатый.

Радиограмма

Четырнадцатому.

Операцию прикрытия категорически запрещаю. Условия «Хмурого» приняты. Обеспечьте ему эксфильтрацию по варианту два. Об исполнении докладывать ежедневно. Дело взято под

особый контроль.

Шестой.

Январь 1936 года.

Окрестности Лиенау

— Ну и дыра! Как тут вообще люди живут? — В говорившем сейчас трудно было узнать прежнего любителя семечек. Дорогое пальто, тонкие лайковые перчатки, трость из черного дерева. Он выглядел совершеннейшим джентльменом, и только придирчивый глаз мог заметить, что владелец шикарного гардероба давно отвык от подобной одежды. Открыв дверцу автомобиля, он медлил, не желая вставать начищенными ботинками прямо в грязь.

Увидев его замешательство, водитель дал газу и автомашина подъехала поближе к дому, туда, где было посуше.

Выскочив на улицу, Яков осмотрелся.

— Куда вы меня привезли, любезнейший? — спросил он у водителя. — Это точно здесь?

— Вас тут должны ожидать...

Покачивая головой, пассажир окинул удивлённым взглядом убогие постройки хутора. Единственным более-менее нормальным сооружением можно было назвать лишь жилой дом. На всем остальном лежала печать прямо-таки вопиющей нищеты.

— Да-а-а... у нас-то и в самых захудалых деревнях такого, пожалуй что, и не отыскать... ладно. Куда идти-то? — повернулся он к водителю.

Вместо ответа тот кивком указал на приближающегося к машине хозяина хутора. Никем другим он быть просто не мог — навряд ли здешние доходы позволяли содержать батраков.

Подбежав к машине, мужичок поклонился и сделал приглашающий жест в сторону дома.

Покачивая головой и продолжая что-то бормотать под нос, визитер последовал за ним.

Внутри дом ничуть не отличался от своего внешнего обличья. Только большая комната была более-менее убрана. Но и её вид заставил гостя презрительно оттопырить губу.

— Господин Яков? — встал ему навстречу молодой крепкий мужчина в светло-сером пальто. Второй из ожидавших, пожилой господин с обрюзгшим лицом, вставать не стал, только коротко кивнул в знак приветствия.

— Да. Это я, — ответил пассажир. — Вы, как я понимаю, капитан Реллони? А это кто такой с вами?

— Сэр Горацио проявил живейший интерес к вашим сведениям. Мы хотели бы выяснить все обстоятельства поподробнее.

— А-а-а...

— Вот они. — Капитан пододвинул к Якову небольшой саквояж. — Ровно двадцать тысяч фунтов, можете не пересчитывать.

Повеселевший гость уселся на лавку и пододвинул к себе саквояж. Открыл, мельком глянул. Увиденное его весьма впечатлило.

— Спрашивайте!

— Как вы слышали это имя?

— Вы же знаете, по долгу службы я часто бывал в различных отделах. Мне приходилось отвечать за то, чтобы всё делопроизводство велось должным образом. Сами понимаете — учёт! Он весьма важен для успешной работы. Вот и в этот раз секретарша майора Левина очень торопилась и, напечатав документ, быстро отнесла его к нему в кабинет. Печатала она его в трех экземплярах, и мне ничего не стоило заменить один лист копировальной бумаги другим, взятым из стопки отработанных листов. Более того, я даже сделал ей по возвращении замечание, указав на то, что такие листы должны быть уничтожены сразу же после окончания печати. Положил их в пепельницу и поджёг. Так что обнаружить подмену тогда было невозможно.

— Остроумное решение! Лист у вас с собой?

— Вот он. А это — восстановленный текст. К сожалению, не весь, часть просто не пропечаталась или неразборчива. Строки набегает одна на другую.

— Мы посмотрим сами. А что же увидели вы? Это ведь не всё?

— Нет. Смысл документа следующий. — Гость откашлялся. — Как видно из текста, Харон — не кто иной, как кадровый сотрудник ещё царской разведки, офицер, отвечавший за безопасность агентов, заброшенных в тыл противника под самыми различными легендами.

— Как давно?

— Ещё в ту войну.

Оба англичанина переглянулись. Пожилой джентльмен коротко кивнул.

— Вы что, его знаете? — приподнял бровь Яков.

— Приходилось слышать о таком человеке. Но его так никто и не видел, поэтому вся эта история может быть лишь сказкой.

— Да? А убитый капитан польской разведки? Тоже сказочный

персонаж? А телеграмма, которую полякам послали от вас?

— От нас?

— Из Англии.

— Это было, — медленно кивнул капитан.

— Вот! Короче, ИНО ищет с Хароном (там он известен как Проводник) контакт.

— Давно ищет?

— Не слишком — они тоже о нём не знали. Однако же нашли! С ним встречался сам Слуцкий!

— Проводник сдал своих агентов?!

— Как я понял, пока нет. Будут личные встречи с ним, таким образом, он будет их передавать на связь с ИНО.

— И сколько будет таких встреч? Где?

— Германия, Австрия... там есть список! Только имен никаких нет.

— Где будет первая встреча?

— Через месяц. В Вене.

— Где именно?

— Этого я не знаю, — покачал головою Яков. Заметив неудовольствие на лице пожилого англичанина, он поправился: — Зато я знаю, кто из ИНО пойдёт на эту встречу!

— И кто же? — поинтересовался капитан.

— Майор Филимонов, один из доверенных людей Слуцкого! Вот, смотрите. — Он выложил на стол фотокарточку. — Правда, здесь он в форме...

— Это будет их единственная встреча? Или их предусмотрено несколько?

— А вот это мне неизвестно, в документе таких подробностей не было. Я поговорил с сослуживцами, потерся там, послушал здесь... Дело в том, что Филимонов знает Харона в лицо, они встречались. И никому другому, кроме майора и Слуцкого, тот не поверит.

— Что ещё вы знаете о Проводнике?

— Больше ничего. Говорят, что это очень опытный специалист. И крайне опасный противник.

— У вас всё?

— А вам мало?

— Кроме этого, вы больше ничего не хотите нам сообщить?

— Нет. Я и так уже достаточно для вас сделал, хочу пожить в свое удовольствие.

— Где вы хотите это сделать?

— Ну, не здесь же! Где-нибудь в Аргентине... или в Бразилии. Там тепло, море... Вы сделаете мне паспорт?

— На какое имя?

— Всё равно. Не на мое собственное, разумеется.

— Опасаетесь своих бывших коллег?

— Нет, меня искать не будут. Официально — я утонул на рыбалке. Не один, вместе с сослуживцем. Думаю, что его тело уже нашли...

— А вы жестокий человек, Яков.

— Жизнь такая...

— Хорошо. — Капитан встал, давая понять, что разговор закончен. — Пока придется обожждать здесь. Недолго — день, может быть, два. Вам привезут паспорт и проводят в порт. Нужно ли забрать какие-нибудь вещи? Деньги, ещё что-нибудь...

— Нет, у меня всё с собой. — Яков тоже приподнялся.

— Сейчас сюда придет Джон, вас сфотографируют на новый паспорт. До свидания. — И, не замечая протянутой руки, капитан вышел за дверь, забрав со стола документы. В дверях он посторонился, пропуская вперед пожилого англичанина.

«Ишь, фанфарон какой — руку ему пожать запаadlo! Ну, и хрен с ним! Со всеми ними! Деньги есть — не пропаду. Это насколько же их хватит? Двадцать тыщ, да ещё и мои запасы... Жильё там, поди, не шибко дорогое, бабы тоже... Дело какое-нибудь заведу. В общем — прорвёмся!» — Яков возбуждённо потер руки.

Стукнула дверь, и в комнату, таща в руках треногу с фотоаппаратом, вошел водитель. Поставил её на пол.

— Сядьте, пожалуйста, вон там... — показал он в сторону стены.

— Здесь?

— Да-да, как раз будет хорошо. Янис, — крикнул преобразившийся в фотографа водитель, обернувшись к двери. — Простыню давай!

Хозяин хутора, неся в руках белую простыню, вошёл в комнату. Угожливо поклонившись, встал на пороге.

— Вон там встань, — кивнул фотограф в сторону клиента. — Сзади стой, простыню расправь в стороны. И чтобы складок не было!

Кивнув, хуторянин переместился за спину гостя. Расставил в стороны руки, натянул простыню.

— Так?

— Выше подними... А вы, пожалуйста, голову прямее держите. Вот так. Снимаю!

Хлопнула вспышка. Клиент инстинктивно зажмурился, на несколько

секунд потеряв ориентацию. И в ту же секунду Янис уронил на пол простыню. Под ней оказалась тонкая бечева, которую хуторянин держал в обеих руках. Набросив её на шею, он сдавил горло бывшему чекисту. Пользуясь временным ослеплением клиента, отпрыгнув от фотоаппарата, мнимый фотограф придержал его за руки, не давая вытащить оружие. Некоторое время Яков ещё пытался вырваться, напрягая все мускулы, сбил ногами стул и постарался опрокинуть стоявшего за спиной хозяина хутора, потом обмяк... Проверив карманы, Джон вытащил из них браунинг, солидную пачку денег и документы. Пачку денег он разделил на две неравные части, меньшую бросил на стол.

— Приберешь тут... — кивнул водитель хозяину в сторону стола. Убрал в саквояж документы и оружие, деньги сунул в карман. Подхватил саквояж и треногу и вышел из комнаты.

Выйдя на улицу, он, подойдя к машине, убрал в багажник треногу. Открыл дверь и передал сидевшему внутри капитану саквояж:

— Всё в порядке, сэр!

— Отлично. Поехали отсюда.

Сняв с мертвого тела одежду и тщательно проверив все карманы, хозяин хутора методично искромсал её на мелкие тряпочки. Вынес во двор. Свалил их в кучку поверх охапки сена и поджёг её.

Кликнув на помощь жену, утащил покойника в амбар. Там за пару часов они расчленили тело, отделив мясо от костей. Сложив куски мяса в лохань, отнесли её к свинарнику и вывалили содержимое в корыто для корма. Оставшиеся кости Янис вечером вывез к реке и утопил.

Медленно переваливаясь на ухабах, машина выехала к дороге. Оказавшись на более-менее приличном покрытии, водитель прибавил скорость. Наклонившись вперёд, капитан Реллони покрутил ручку. Поднявшаяся стеклянная перегородка отделила водителя от пассажиров.

— Что вы скажете, сэр? Сведения, которые сообщил этот... они представляют хоть какую-то ценность?

Отведя глаза от созерцания заоконного пейзажа, бригадный генерал Доу кивнул:

— Как вам сказать, Джаспер... О существовании Проводника мы знаем уже давно. Очень давно...

— Так вся эта операция не имела смысла?

— Вы слишком спешите, Джаспер...

— Извините, сэр! Но я полагал...

— Впервые мы услышали о нём ещё в восемнадцатом году. При достаточно драматических обстоятельствах. В то время в Европе творилось что-то невообразимое! Крах всего устоявшегося порядка! Не стало Австро-Венгерской, Турецкой и Германской империй. Рухнула громадная Российская империя, и её подданные разбегались во все стороны. Надо отдать должное, среди них попадались и весьма компетентные люди. В том числе — и в нашей сфере деятельности. Русская разведка — о, это были мастера своего дела! Не такие, конечно, как мы, но тоже... весьма серьезные специалисты. Некоторым из них мы предложили... э-э-э... сменить флаг, так сказать.

— Они согласились?

— Некоторые. В основном это были завербованные, платные агенты, которым было всё равно, от кого получать деньги. Но нас интересовали не они. Белая кость — офицеры Генерального штаба! И равные им по значимости агенты, внедрённые иными службами. Вот это была достойная дичь! Игра, безусловно, стоила свеч, Джаспер! Таких людей готовили тщательно, и процесс их внедрения занимал не один год. Да что там говорить? Возьмите хоть Редля!

— Начальника австрийской разведки? Но его же раскрыли?

— По досадной случайности. А ведь за сценой остался тот, кто его самого завербовал! Не удивлюсь, если этот человек здравствует и поныне! Этих-то людей мы и искали... Удалось выявить одного из их начальников — генерала Сомова. Кстати говоря, именно этот, — кивнул в сторону хутора генерал, — пытался добыть его документы. Ещё в Петрограде.

— И как?

— Увы, генерал оказался слишком недоверчивым... Тогда нам это не удалось. Правда, нашлись и другие варианты. Кое-что мы всё-таки выяснили. Получив адреса и имена некоторых агентов, наши люди отправились к ним.

Генерал достал из кармана сигару. Обрезав кончик, приоткрыл окно и закурил.

— Да... Тогда и выяснилось, что нас уже опередили. Незадолго перед нами кто-то уже посетил большинство этих адресов — мы никого там не нашли. И лишь в одном случае удача нам улыбнулась. Нужный человек оказался на месте.

— И где же это было?

— В Германии. Тогда ещё приходилось соблюдать там известную осторожность. Поэтому к данному агенту отправилось трое офицеров. Один — чтобы поговорить, двое других страховали его от всяческих

неожиданностей. Ну, и... вообще. Дверь ему открыли сразу, по-видимому, тот человек кого-то ждал. Он был весьма удивлён, увидев нашего агента. Поэтому тому и удалось войти в дом. Наш человек представился и предложил поговорить. Ему не было отказано. Русский выслушал его предложение. После чего ответил, что смысл разговора ему неясен. По-видимому, его с кем-то перепутали.

— То есть он отказался?

— Если бы всё было так просто! Нет, он не отказался в том смысле, который вы имеете в виду. Просто сделал вид, что ничего не понял. У офицера были четкие инструкции и на этот счет. Он предъявил ему документы полицейского и предложил проследовать с ним для разъяснения недоразумения. Русский не возражал. На улице их уже ожидала машина. Они должны были вывезти этого агента на конспиративную квартиру и уже там разъяснить ему суть нашего предложения. А дальше... словом, никто так и не смог всё до конца выяснить. Лейтенанта ударили по голове, и в себя он пришёл только через пару часов. В каком-то подвале. Своих спутников он больше не видел. Да и никто больше не видел этих офицеров, словно их и вовсе не существовало в природе. Напротив себя он обнаружил какого-то человека, тот сидел к нему лицом, но рядом стояла лампа, мешавшая его рассмотреть. Незвестный поинтересовался: какого черта наш агент делал в чужом доме? Документы полицейского были названы подделкой. Никаких возражений допрашивающий и слушать не пожелал. Просто достал револьвер и прострелил лейтенанту ногу. После чего пояснил, что перевязывать рану не станет, ибо от потери крови тот не умрет — его раньше пристрелят. Тогда Гарвейс и начал говорить.

— Гарвейс?

— Да, лейтенант Гарвейс. Из хорошей семьи и прекрасно образованный человек. Он был просто потрясён тем, как этот варвар с ним поступил! Он рассказал неизвестному о своем задании, пояснив, что это был наивыгоднейший вариант для русского агента — ведь могли прийти и немцы! Незвестный возразил, что немцы не появлялись в этом доме никогда, а вот англичане ввалились незваными. Он поинтересовался: откуда стали известны адрес и имя русского?

— Лейтенант ему рассказал?

— Он и сам всего в точности не знал. Оттого и не рассказал. Правда, это стоило ему ещё и простреленной руки. Убедившись в том, что Гарвейс действительно не владеет информацией, незнакомец убрал револьвер и перевязал-таки его раны. Перед этим он завязал лейтенанту глаза. После чего вывез его в город и выбросил на улице, неподалеку от больницы.

Перед этим он сказал, что лейтенант является последним британским агентом, которому так неслыханно повезло — он остался жив. Дословно это звучало так... — Генерал задумался. — «Немцы наши враги, но они хотя бы не били нас ножом в спину. А вы, британцы, хуже ночных грабителей — те хоть не прикидываются честными и порядочными людьми».

— Однако!

— Да... Больше ни одного русского агента из тех, чьи имена были указаны в полученных нами документах, мы не нашли. А этот человек, впоследствии выяснилась его кличка — Проводник, ещё не раз вставал на нашем пути. Своё слово он сдержал. Достоверно известно, что от его рук погибло по меньшей мере пятеро наших людей. И ещё к четырём случаям он причастен, хотя доказательств у нас нет. Последним, кто вышел на его след, был капитан Деррингтон, вы должны его помнить.

— «Длинный Лон»?

— Он самый. Взяв себе в помощь одного агента, он попытался задержать этого типа... или устранить. К тому времени такой приказ уже имелся. Действует он и по сей день.

— Как я теперь понимаю, у капитана ничего не получилось.

— Он попросту исчез. Они оба пропали без вести. А через три дня мы узнали, что все деньги со счетов, использовавшихся Деррингтоном для оплаты агентуры, исчезли в никуда. Их перевели в один банк, оттуда — в другой... в итоге их получили раньше, чем мы хоть что-то успели предпринять. Поиск этих людей ничего не дал. Правда, после этого мы больше ничего не слышали и о Проводнике...

— И... какова же была сумма?

— Около тридцати пяти тысяч фунтов.

— Ого!

— Вот именно. Тогда же было заключено джентльменское соглашение и с... скажем так, нашими оппонентами из соответствующих служб Германии... Так что теперь этого человека ищем не только мы...

Генерал выбросил в окно окурок сигары:

— Надо же... три года прошло, я уже и не думал, что услышу это имя вновь...

— Но, сэр, это же один человек! Что он может?

— Как говорил один известный исторический деятель — кардинал Арман Жан дю Плесси, герцог де Ришелье, который тоже кое-что понимал в подобных вопросах: «В Святом Писании сказано — не судите опрометчиво!» Не знаю, сам ли он это сказал или это придумал Дюма, но

мысль правильная! Один, вы говорите? Хм... Ему досталась налаженная агентурная сеть, построенная лучшими разведчиками России. Серьёзные денежные средства — вы же не думаете, что все они работают за так? Он использует в своих интересах преступный мир.

— Все его используют.

— Правильно! — кивнул сэр Горацио. — Используют. За деньги. А он для них — свой! Уж чего только мы о нём не наслушались! Тут даже и не понять сразу — где правда, а где вымысел. Одно достоверно — он там как рыба в воде. Некоторые следы Проводника уходят аж в Китай! Правда, что он там делает — ума не приложу! Своей агентуры в тех краях русские не заводили...

— Но сейчас у нас появился шанс!

— Он был и ранее, — отмахнулся генерал. — Но вы правы, мой мальчик, упустить мы его не можем! Этот недалекий перебежчик сказал главное — русские ещё не установили связь с агентурой Проводника! И вот этого мы не должны допустить ни в коем случае! Абсолютно любой ценой! Какова бы она ни была... Мы не получим этих агентов — ладно! Но большевики их тоже не должны получить, ни при каких обстоятельствах! Поэтому, Джаспер, задача захвата Проводника перед нами не стоит. Вообще! Вы должны его ликвидировать — и немедленно. Впрочем, я отправлюсь вместе с вами и постараюсь помочь...

Февраль 1936 года.

Вена. Вурстельпратер

— И как долго нам ещё сюда ходить? — Сидевший лицом к стойке кафе господин в черном пальто взял со стола чашечку с кофе и, отпив немного, поставил её назад. — Третий раз уже здесь сидим...

Расположившийся напротив него Филимонов внимательно окинул взглядом округу:

— Если он нас вызвал именно сюда... то, полагаю, это тоже не просто так. Насколько я уже успел изучить этого человека, он ничего попусту не делает. Смотрите сами, Олег Миронович, здесь почти невозможно организовать скрытое наблюдение — попросту некуда убрать наблюдателей. Любой человек будет замечен издали.

— И вы кого-нибудь заметили?

— А вы?

— Ну... от торгпредства за нами шел автомобиль. Отстал он только неподалёку отсюда.

— Правильно. И так было все три раза. Стоило только нам выйти из

машины, как и данный автомобиль куда-то пропадал. Далее нас вели уже пешим порядком.

— Вы думаете, что это Проводник?

— Сомневаюсь... Не в его стиле. Тут что-то ещё... Не буду удивлён, если это, так сказать, местная инициатива. Мы с вами прибыли сюда вполне официально, в составе делегации, и особенного интереса ни у кого вызывать, по идее, не должны. За другими-то никто не следит! А уловить нашу связь с кем-то? С кем? Никаких встреч, кроме официальных, у нас не было. А эти люди никому не интересны. Во всяком случае, настолько, чтобы следить стали именно за нами, оставив без внимания всех остальных.

Майор ещё раз огляделся по сторонам:

— Похоже всё-таки, что и сегодня сюда никто не придёт... жаль... Кельнер, счёт, пожалуйста!

Невысокий, круглый, как колобок, усатый официант шустро подкатился к столу и положил на него листочек бумаги. Филимонов мельком на него глянул. Кивнул и вытащил из кармана несколько монет. Забрал счёт и положил его в карман. Оба чекиста встали и неторопливо пошли в сторону автомобиля.

— И что теперь делать будем, Олег Иванович?

— К встрече готовиться... — рассеянно ответил майор, оглядывая округу.

— То есть? — чуть не споткнулся от неожиданности его спутник.

— Потом... — Филимонов прищурил глаза: — Нет, не он...

Когда они сели в автомобиль, майор протянул своему спутнику смятый листок счета.

— Что это?

— Прочтите...

Вдоль верхнего обреза листа мелким почерком было написано: «Примите пассажира».

— Откуда это, товарищ майор?

— Кельнер принёс. Надпись по-немецки, но это ничего не значит, Проводник владеет несколькими языками. Нет, но каков жук! Выходит, что кельнер из его людей? И наблюдал за нами всё это время? Однако...

— А где же он к нам подсесть собирается? Вон, и провожатые наши появились — срисуют ведь! — всполошился чекист в черном пальто.

— Да... — процедил сквозь зубы его начальник, — это они могут... Ладно, будь готов ко всему.

Петляя по узким улочкам, тяжелый «Опель» постепенно набирал

скорость.

— Газу прибавь. — Филимонов снова завертел головой. — Что же он задумал? И где подсесть собирается?

— Товарищ майор! — взглянул в зеркало его спутник. — Они окна открыли!

— Плохо дело, это они стрелять собрались. Чуют, черти, что мы на отрыв пошли, вот и намекают... А у нас и оружия никакого нет. Однако кто ж это здесь такой резкий? Не местные, те с нами особо конфликтовать не станут. Оторвешься?

— Вряд ли... у них машина супротив нашей намного мощнее. «Дюзенберг»... Во, на обгон пошли! С чего бы это вдруг? Что они делать-то хотят?

Увы, ответ на этот вопрос получить так и не удалось. Внезапно вывернувшийся откуда-то сбоку «Форд» боднул преследователя точно в водительскую дверь. Обе автомашины завертелись от удара. Машина преследователей приложилась об стену дома, рыскнула вбок и врезалась в столб. Второй участник аварии после удара отлетел в сторону, прокатился вперед и, проломив решетку ограждения, въехал в небольшой скверик, где и остался стоять. Из-под капота вырывались клубы пара.

— Олег, тормози! — Майор ткнул рукой в сторону «Форда». На тротуар выскочил человек в темно-серой куртке и призывно взмахнул рукой.

Завизжали тормоза, и «Опель» клюнул носом. Хлопнула дверца.

— Ходу!

Взревел мотор, и место аварии исчезло за поворотом.

Февраль 1936.

Вена.

Где-то в большом городе

— Что они себе позволяют, Джаспер? — Генерал Доу стоял у окна и разглядывал тихую улицу. — В конце концов это просто невежливо! К своему начальству они могут хоть ползком добираться, но ко мне... нет, это возмутительно!

В глубине квартиры стукнула дверь, слышались шаги.

— Надо полагать, сэр, это поляки...

Распахнув дверь, в комнату вошли три человека.

Один из них так и остался стоять около двери, а двое других проследовали к столу.

— Наконец-то! — фыркнул генерал. — Вы заставляете себя ждать,

майор!

— Прошу простить, пан генерал, но обстоятельства... увы, я тоже не всемогущ...

— Угу... обстоятельства... конечно... — покивал Доу. — Что вы можете нам рассказать? Хорошего, я имею в виду?

— Пан генерал! Ваш тон...

— Ещё слишком мягок, майор! После таких «подарков» с вашей стороны! Я и не знаю, что меня удерживает от немедленного доклада руководству!

— О чём, пан генерал?

— Капитан! Объясните... панам офицерам... — Сэр Горацио отвернулся к окну.

— Господин майор, — вкрадчивым голосом начал капитан, — позвольте мне напомнить о том, что, приступая к данной операции, вы обещали нам всемерное содействие.

— То так, пан капитан! — наклонил голову поляк. — И мы его оказали!

— Конечно. Ваши люди добросовестно осуществляли наблюдение за интересующими нас персонами.

— Да! Я же вам обещал!

— Понятно. Все ли ваши люди были должным образом проинструктированы?

— Разумеется! Ведь к этому человеку и у нас накопился довольно-таки основательный список претензий.

— Сколь основательный?

— А вам, пан капитан, это зачем? — подозрительно осведомился поляк.

— Ну, мы-то от вас ничего не скрыли?

— Как же... — проворчал майор. — Ничего...

Он ослабил узел галстука, словно тот мешал ему дышать.

— Этот назойливый пан уже достаточно долго испытывает терпение господина нашего своими выходками! В течение только последних десяти лет его уши не раз торчали в самых неприятных ситуациях. А уж история с беднягой Кравцом... это и вовсе верх наглости! Ведь именно из-за этого между нами пролегла трещина... Пока разобрались да успокоились...

— А поподробнее можно?

— У нас столько времени нет! Если коротко, то этому типу можно вменить шпионаж, разбойные нападения, убийства государственных служащих... про контрабанду и незаконный переход границы я уж молчу...

Только от его руки погибли пять пограничных стражников, четыре офицера контрразведки и несколько других, не менее достойных фигур. И что, по-вашему, я должен о нём думать?

— Понимаю... — сочувственно покивал капитан. — Сильные чувства, уважаю... Надо полагать, они иногда застилают вам глаза?

— Не понял пана... — насторожился майор.

— А как тогда вы объясните тот факт, что за рулём машины, протаранившей наш автомобиль, оказался ваш сотрудник?

— Что?!

— Подхорунжий Марек Весельский. Вот его документы. — Реллони пододвинул к поляку раскрытую книжицу.

Тот бросил взгляд на документ и удивленно поднял брови:

— Марек! Вот он где! А мы-то с ног сбились, его разыскивая...

— Как видите, далеко бежать не потребовалось, господин майор.

— Он жив?

— Без сознания — ударился головой о стойку. Говорить не может. Возможно, тогда вы, господин Рохальский, сможете нам пояснить, что же делал ваш подчиненный в этом месте? И почему он таранил нашу автомашину? Виновник гибели двух наших людей известен, и мне хотелось бы понять, кто приказал ему это сделать? Или вам, господин майор, так уж сильно хотелось самому поймать Харона?

— А без театральных эффектов вы обходиться не пробовали? — проворчал Филимонов.

— Это вы о чём? — удивился Проводник. — Об этих, что ли? А были другие варианты? Поделитесь опытом?

— Нет, но... теперь на уши встанет вся полиция!

— Да хоть на хвост! Не поделили паны что-то с британцами, вот и боднули в бок ихний автомобиль. Мы-то здесь при чём?

— Обождите... — Майор повернулся на сиденье. — Поляки-то здесь с какого боку взялись?

— А я знаю? За вами следили англичане — здешняя резидентура. А таранил их автомобиль поляк, причем офицер, из числа их польских коллег.

— Вы точно в этом уверены?

— Абсолютно.

— А... все прочие, кто захочет расследовать данный инцидент?

— Найдут в кармане у поляка его документы.

— Это точно?

— Сам их видел.

— Ага, стало быть, и за рулём могли сидеть...

— Мог. Но меня там никто не заметил.

— Но ведь водитель сможет вас опознать!

— Он без сознания. Так что в данный момент от него толку никакого.

— Хорошо. Но ведь он когда-нибудь придёт в себя...

— Не придет, — совершенно спокойно заметил Проводник. В салоне автомобиля повеяло холодом.

— Однако... — быстро нашелся Филимонов. — Не любите их?

— Есть за что любить?

— Ну... наверное, нет. Но мы стараемся так не работать!

— Да ну? — развеселился собеседник. — Мне-то сказки не рассказывайте, ладно? Я ведь не в глухой тайге все это время жил, тоже, слава богу, в курсе дел...

— Ну, хорошо! Но очень вас прошу воздержаться в ближайшее время от таких вот... цирковых представлений. Работе шумиха не способствует.

— Здесь вы правы, — кивнул Проводник. — Тем паче что и противники наши какое-то время потратят на выяснение отношений. А значит, и надзор их ослабнет. Кстати говоря, товарищ майор, следили-то за вами! Спутник ваш мне, между прочим так и не представленный, интереса особого у них не вызывал!

— Старший лейтенант Костриков, Олег Миронович, — наклонил голову водитель.

— Постойте, — перебил его майор. — Насчёт слежки... это точно?

— Куда ж ещё точнее-то? Вы за десять дней выходили из торгпредства семь раз. Три со старшим лейтенантом, два — с торгпредом и ещё два раза выезжали в посольство. Все это время за вами следили — и очень плотно. А вот все прочие ваши спутники такового внимания отнюдь не удостоились.

— Интересно... Это что же выходит — ждали меня тут?

— Вам виднее. Однако же я другого вывода сделать не могу.

— Ничего себе! — Филимонов вытер вспотевший лоб. — Вас послушать, так у нас везде предатели сидят...

— Ну, а кого вы сами-то в тюрьмы сажаете? Тоже, надо думать, не всех подряд? Так что, товарищ майор, ищите стукача дома...

— Ладно, — успокоился майор. — Это уже моя забота. Вот, старший лейтенант будет работать с вами. Столько, сколько это потребуется для дела. Вам лично что-нибудь от нас нужно?

— Пока что нет. Но за предложение — спасибо! Воспользуюсь.

— Все вопросы можете задавать Олегу Мироновичу. Связь — на нём.

Вы ведь свои каналы светить пока не желаете?

— А вы с ними работать не умеете. Надеюсь, что пока...

— Это что же за связь у вас такая интересная? Рации-то у вас нет!

— Телеграф есть. Телефон. Почта. Банки, наконец...

— Постойте... а они-то каким боком тут?

— Ну, я ж говорил! Не все виды связи вы используете, не все...

По узкой улице неторопливо шли два человека. Костриков переоделся и теперь всем своим видом напоминал преуспевающего предпринимателя. Хорошее пальто, добротная фетровая шляпа — солидный, уважаемый человек. Его спутник сегодня выглядел отставным офицером. Расправленные плечи, подчеркнуто ровная осанка и строевая выправка за версту выдавали старого служаку.

— Вот что, Олег Миронович, нам с вами теперь работать долго, так что давайте как-то друг к другу привыкать. Вы по документам прикрытия кто будете? А то вот так, прилюдно, вас по имени-отчеству назову — конфуз выйдет.

— По документам — Вальтер Огенброк, предприниматель. Торговля лесом и сопутствующими товарами. А как я должен обращаться к вам? Олег Иванович назвал только ваш оперативный псевдоним...

— Так моего имени и он не знает, так уж вышло. Что же до документов, так по ним перед вами сейчас Карл Готлиб фон Мекк, гауптман в отставке. Так что будем знакомы, господин Огенброк!

— Весьма польщён таким знакомством! — приподнял шляпу Костриков.

— Вы в разведке как давно? Опыт работы в Европе имеете?

— Третий год уже. Из них — два года в Австрии и Германии.

— Профиль?

— Связной.

— Это хорошо, переучивать вас не придётся. Майор пояснил, с кем дело предстоит иметь?

— Законсервированные агенты глубокого внедрения.

— Так! — Проводник огляделся по сторонам. — Давайте-ка вон в том кафе присядем. Я вам кое-что растолкую...

Подошедший пожилой официант принял заказ и, вытянувшись, прицелкнул каблуками.

— Чего это он так? — поинтересовался старший лейтенант, когда тот ушел.

— Отставной унтер-офицер. Причём кадровый. Видит, что перед ним

как минимум один офицер присутствует, вот условные рефлексy и сработали.

— А с чего вы это взяли?

— Выправка — раз! Подтянут и аккуратен, хотя это вообще-то нормальная черта большинства немцев. Но у военных, особенно кадровых, она выражена лучше.

— А почему унтер-офицер?

— Здесь несколько официантов. Но он один стоит наособицу, и все прочие на него поглядывают, словно советуются. Есть у мужика опыт и привычка командовать. Офицер в официанты не пойдёт, сейчас уже не те времена, когда они за любую работу брались, лишь бы с голоду не подохнуть. Так что остается унтер. Соответственно, когда офицера он увидел, то сам к нему и подошел.

— Надо же...

— Учитесь, господин Огенброк! Такие мелочи иной раз жизнь спасти могут! И не только вашу.

Разговор прервался, вернувшийся официант ловко расставил на столе тарелки. Открыл бутылку и налил в бокалы вина. Поставил её на стол и почтительно выпрямился.

— Благодарю вас, унтер-офицер! — наклонил голову Проводник. — Чувствуется старая школа, такого не забыть...

— Да, герр...

— Гауптман фон Мекк.

— Яволь, герр гауптман!

— Приятно видеть, что хоть где-то ещё есть старые солдаты, хорошо знающие своё дело! Можете пока быть свободны...

— Яволь! — прищелкнул каблуками официант. Коротко и отрывисто кивнул, повернулся и отошёл к своему привычному месту.

— А зачем вам это? Вот так с ним сейчас разговаривать? Ну, подошел, обслужил... и что?

— Зато теперь он видит в моем лице командира, имеющего право отдавать приказания. Это первое. Далее, представьте себе, что за нами следят... Да не дергайтесь так! Я же говорю — представьте. Вот войдет такой глазастый сюда, сядет за столик... Так, чтобы нас видеть. Где здесь такой, ну-ка?!

— Ну... вон там, у стойки. С другой стороны нас пальма закрывает, видно плохо будет.

— Ага! А рядом со столиком как раз наш унтер и обретаeтся. Стало быть, заметит непонятный интерес к нам, вернее — ко мне. Рупь за сто,

подойдёт, вроде бы как подать чего, да и скажет... Офицера об опасности предупреждать положено, это у унтера в крови!

— Да ладно...

— Именно так, смею вам заметить! Не раз уже подобное бывало. Опять же, начини кто его впоследствии расспрашивать о нас, кого он опишет первого?

— Надо думать — вас.

— Правильно! Зато спутника моего так и вовсе не заметит. Не офицер, не солдат — интереса не заслуживает. Оно иной раз — ох, как важно бывает, чтобы вас не заметили! Я-то связной — появился и исчез, а вам, например, тут жить дальше надобно. Нечего к себе внимание привлекать... Никто же другой в нашу сторону и не глянет. Раз унтер нас под свою опеку взял — всем прочим тут ничего не светит. Только уж и про чаевые достойные забывать не следует в таком случае. Не подачка это халдею, как у нас. А знак уважения к боевому товарищу. В таком случае уже корпоративная солидарность работать станет — не сдаст солдат товарища полицейскому. Во всяком случае — не сразу. Время же в нашей с вами работе — оно иногда кровью измеряется...

Некоторое время они не разговаривали, отдавая должное местной кухне. Вино тоже оказалось весьма неплохим. Наконец Проводник откинулся на спинку стула:

— Ну, вроде бы червячка заморили... Так что же вам, милейший господин Огенброк, предписано в отношении данных агентов? Вы хоть имеете представление о том, кто эти люди?

— Мне сказали, что в большинстве случаев это бывшие офицеры ещё царской армии.

— Офицер, уважаемый, бывшим не бывает. Либо он офицер, либо нет. По какому ведомству данный человек в настоящее время числится — особой разницы нет. Можно *служить*, а можно — лямку тянуть. Это, знаете ли, разные вещи. Если уж ты на такое дело подписался, погоны на плечи возложил — будь любезен соответствовать! Душу в это вкладывать! Что при этом на погонах имеется, одна звездочка или несколько — уже не главное. За *командиром*, невзирая на звание, солдат пойдёт. За разукрашенным попугаем — нет. А *эти* офицеры, милейший, вообще статья особая. Эти люди, надобно вам знать, не царю служили. Ошибкою вашей будет именно так им и сказать.

— Так... они же в царской армии числились всё-таки? Звания им там присваивали?

— Они — русские офицеры прежде всего! И служили не лично

Николаю Второму, а России, как бы она сейчас ни называлась! Да, присягу приносили лично императору, это так. Однако империя кончилась в феврале семнадцатого, а они свою службу не оставили, ибо страна-то никуда не делась! Стало быть, работать для неё нужно, не глядя на то, кто конкретно её сейчас возглавляет. Не по своей воле от активной работы отошли, приказ на то имелся, сохранить кадры надо было. Ибо копали тогда англичане под нас крепко! Но — уцелели, никто свой пост не бросил и к работе способности не утратил. И впредь это делать готовы. Только надобно понимать, что так долго вдали от земли родной находиться... это тоже вещь весьма нелегкая... не каждый без надлома душевного такое переносит. А они здесь уже более двадцати лет живут!

Проводник покосился в сторону официанта, и тот, неторопливо подойдя к столу, наполнил опустевшие бокалы. Поклонился и вернулся на свое место.

— Руководство объяснило мне, — взял в руки бокал старший лейтенант, — что те из них, кто согласится продолжить свою работу, будут аттестованы в НКВД с присвоением соответствующего звания. На них распространяется особый порядок выслуги лет.

— Вот как? — Проводник задумчиво повертел в руках полупустой бокал. — Хотите совет?

— Хочу.

— Не говорите им про НКВД. Всё-таки отношение к данной организации несколько неоднозначное, скажем так. Скажите — в рядах Красной Армии. Поверьте мне, это — существенная разница.

— Я передам ваши пожелания руководству.

— Учтите, в подавляющем большинстве они — офицеры Генерального штаба. Это — элита армии.

— Так и передам.

— Не затягивайте. Первая встреча назначена на пятницу.

— Сегодня у нас что? Понедельник? Успею.

— В таком случае — за успех! — Проводник опрокинул свой бокал.

Собеседник поддержал тост.

— Скажите, герр фон Мекк, а вот вы, как я понимаю, всё это время рядом с ними находились?

Проводник оценивающе посмотрел на старшего лейтенанта:

— Откровенность за откровенность — что вам обо мне рассказывали?

— Офицер разведки царской армии, изъявил желание оказать помощь СССР, для чего готов передать нам на связь глубоко законспирированных сотрудников царской разведки. Назвали ваш псевдоним, предупредили, что

человек сложный, опытный и непростой. Со связями и возможностями.

— Хм! В целом верно. А относительно меня какие инструкции вам даны? Только не надо придумывать. Не хотите говорить — не говорите. Не обижусь, тоже, чай, не институтка.

— Пожалуйста. На вас распространяется то же предложение, что и на всех прочих. Зачисление в штат НКВД, аттестация согласно имеющемуся званию... всё то же самое. Ничего особенного именно в этом случае не предусмотрено.

— Вот что, господин Огенброк, давайте внесём ясность и в этот вопрос.

— Согласен.

— В своё время мною был получен четкий и недвусмысленный приказ. Предельно ясный и не допускающий никаких толкований. Сохранить жизни определённых людей для того, чтобы они могли, по миновании опасности либо по получении мною иного приказа, продолжить свою работу. Для этой цели мне были переданы в управление некие финансовые средства и сообщены имена и адреса этих самых людей.

— Простите, что перебиваю вас, но кто должен был отдать вам такой приказ?

— Преемник генерала Сомова либо уполномоченное лично им лицо.

— Насколько мне известно, этот генерал погиб ещё в восемнадцатом году.

— Второй указанный мне человек тоже умер. В Москве, в девятнадцатом. Точнее, не умер, а погиб в результате нападения каких-то бандитов.

— Странное дело, но и Сомов погиб точно так же!

— Интересно... — Проводник прищурил глаза. — Я этого не знал...

— На квартиру генерала напали уголовники, переодетые матросами. Он оказал сопротивление, даже кого-то застрелил, но и сам погиб...

Собеседник старшего лейтенанта побарабанил пальцами по столу и сделал знак официанту, чтобы тот снова наполнил их бокалы.

— Помянем его. Великолепный был специалист, надолго вперед способен был операции рассчитывать. Мне до его уровня никогда не вырасти! Да и человек был... таких сейчас нет...

Некоторое время они сидели молча.

— Ладно... давайте к делам вернемся. — Проводник потер ладонями лицо. — Как вы понимаете, толпы восторженных приверженцев новой российской власти для меня подспорьем не являлись. Скорее уж наоборот. Ни секунды не сомневаюсь, что, предложи я тогда сотрудничество новой

власти, в лучшем случае деньги были бы потрачены на затыкание многочисленных дыр. А людей бы попросту бросили.

— Не знаю... — покачал головою Костриков. — Думаю, что вы ошибаетесь. С самых первых дней у нас, да и в армии тоже, работало множество бывших офицеров.

— И где они сейчас? Молчите? Не знаете? А мне приходилось встречать многих из них. Догадываетесь, где?

— В эмиграции?

— Не только. Некоторым повезло — их сослали на поселение. После отсидки. А многим не досталось и этого. Так что, уважаемый, к вам я тогда не пошёл, о чём нисколько не сожалею. Зато люди уцелели. И возможность работы осталась.

— Ничего не могу сказать по этому вопросу. Просто не знаю, что говорить...

— Это хорошо, что вы мне сейчас агитки читать не стали. Стало быть, голова у вас и своя имеется. Так вот! Помощников у меня было мало. А работы хватало. Пришлось воспользоваться старыми связями среди уголовного мира. Волею судеб, имелась там у меня и некоторый авторитет, и известность. За прошедшие годы это положение только упрочилось. Хотя, не скрою, иногда я им оказывал помощь в их деяниях. У них там с головами не всегда хорошо, а уж со способностью что-то правильно спланировать — вообще беда!

— Так вы используете уголовников? Мы так и предполагали...

— А мне не сказали, однако! Да, использую. И не только местных, но и международных. Да и денег у меня было только лет на пять-шесть, на большее никто и не рассчитывал. Пришлось зарабатывать.

— Каким образом, если не секрет?

— Преступным в основном. Вас коробит? Напрасно. На территории СССР я ничего противозаконного не совершал! А подрыв благосостояния возможного противника преступлением не считается. Мирных граждан я не грабил, а вот государственным институтам от меня досталось! — ухмыльнулся Проводник. — А если выпадала возможность при этом больно пнуть наших заклятых друзей... это вообще святое дело!

— Как недавно с поляками?

— Англичанам тоже нехило прилетело. Только непосредственные убытки их разведки составили более пятидесяти тысяч фунтов! Ну и кадры ихние я проредил основательно.

— За что же так?

— От них вся гадость и пошла! Именно из-за них и пришлось

консервировать разведсеть. А вы не знали?

— Откуда? — пожал плечами старший лейтенант. — Я связной, не более того.

— Ну, а Сомов это знал наверняка! И распоряжения отдал соответствующие... — Проводник надолго замолчал.

Некоторое время он сидел, задумавшись, вспоминая что-то своё. Потом поднял голову.

— Ладно. Вспоминать потом будем. Сейчас у нас с вами работы предстоит невпроворот. Я для чего вам всё это сказал? Готовьтесь — не все люди, с которыми вам отныне придется общаться, окажутся законопослушными гражданами и теми лицами, знакомство с которыми стоит афишировать...

Спецсообщение

Совершенно секретно.

Начальнику ИНО ГУГБ НКВД СССР
комиссару госбезопасности 2 ранга

А. А. Слуцкому.

Операция «Школьный звонок»

Докладываю вам, что в период с 03.03.1936 года по 30.05.1937 года мною совместно с источником «Учитель» были проведены мероприятия в рамках операции. Всего было осуществлено три конспиративные встречи с людьми, которых подготовил источник.

По результатам встречи могу доложить следующее:

1) Агент «Северянин» выразил свое согласие на продолжение работы в качестве стационарного агента.

2) Агент «Одинокый» на второй встрече также дал согласие на продолжение работы в качестве стационарного агента.

3) Источником были переданы для использования по назначению силы оперативного прикрытия указанных агентов и даны инструкции по управлению денежными средствами, предназначенными для обеспечения деятельности самих агентов.

Подробное описание мероприятий дано в приложении № 1.

Характеристики агентов даны в приложении № 2.

Силы оперативного прикрытия описаны в приложении № 3 к рапорту.

По первоначальным оценкам, доступные денежные средства составляют:

— 12 869 (двенадцать тысяч восемьсот шестьдесят девять) британских фунтов;

— 8 456 (восемь тысяч четыреста пятьдесят шесть) долларов САСШ;

— 23 340 (двадцать три тысячи триста сорок) германских марок;

— 9 230 (девять тысяч двести тридцать) чешских крон.

Прошу Вашего разрешения на выезд из г. Вена для проведения дальнейших мероприятий в рамках операции.

Оперуполномоченный ИНО ГУГБ НКВД СССР

Старший лейтенант

Костриков А. М.

Совершенно секретно

Приложение № 2

1) Агент «Северянин».

Лихонцев Павел Маркович, 22 февраля 1886 г.р., уроженец г. Торжок. Из дворян. Окончил Михайловское артиллерийское училище. Окончил Академию Генерального штаба. Последнее звание в царской армии — подполковник. На разведывательной работе — с 1912 г. За свою деятельность неоднократно награждался орденами.

Легенда прикрытия — военнослужащий австрийской армии, майор. Место службы — инженерно-артиллерийское управление Генерального штаба Австрии.

2) Агент «Одинокий».

Ланде Генрих Петрович, 10 мая 1885 г.р., немец, уроженец г. Тарту. Из дворян. Окончил Николаевское инженерное училище. Окончил Николаевскую инженерную военную академию. Последнее звание в царской армии — капитан. На разведывательной работе — с 1913 г. За свою деятельность неоднократно награждался орденами.

Легенда прикрытия — военнослужащий австрийской армии, капитан. Адъютант генерал-майора инженерных войск Иосифа Дика.

Этот небольшой кабачок находился достаточно далеко от оживленных улиц. Редкие прохожие с удивлением рассматривали неброскую вывеску и в недоумении пожимали плечами. Смысл открывать кабачок в таком захолустье? Кто будет его завсегдатаем? Но как бы то ни было, а он стоял на своем месте уже достаточно давно. Появились со временем и постоянные посетители — некоторым из местных жителей пришлось по душе неказистое заведение. Цены здесь были невысокими, пиво неплохим, закуска — ему под стать. Приходили сюда и вовсе случайные, неведь каким ветром занесенные гости. И так же незаметно исчезали, словно и не существовали никогда.

Вот и сегодня парочка зашедших на огонёк гостей, облюбовав столик в углу, неторопливо потягивала своё пиво. На них никто не обращал особенного внимания. Пришли люди — стало быть, так надо. Выпьют пиво и исчезнут в вечерних сумерках. Будут кому-нибудь интересны — к ним подойдут. Так уж сложилось, что большая часть посетителей этого заведения любопытством не страдала...

— Как вам здешнее пиво, Вальтер?

— М-м-м... я и получше пробовал...

— Я тоже. Но здесь другого не подают. Так что, за неимением гербовой...

— Понятно. Однако же мы тут уже достаточно давно сидим. И к нам так никто до сих пор не подошёл.

— Значит, нужного человека здесь нет. Придёт — позовут, не сомневайтесь. Тут с этим строго. А о моём появлении в данном месте его известили моментально, стоило нам только за столик присесть. Кстати, коль время есть — чем данное место интересно?

— С какой точки зрения?

— С профессиональной, разумеется.

Более молодой из собеседников откинулся на спинку стула, разглядывая небольшой зал:

— Ну... расположен уединенно. На входной двери снаружи петель для замка нет, и в двери он тоже отсутствует. Значит, запирают дверь изнутри. Там, кстати говоря, и петли для засова есть.

— Резонно. И что из этого следует?

— Есть ещё один вход.

— Где?

Молодой оглядел помещение:

— Вероятнее всего, за стойкой. Там есть дверь, надо полагать, где-то

там он и находится.

— Гут! А куда девался засов с входной двери?

— М-м-м... трудно сказать...

— А если подумать?

Вальтер наморщил лоб. Украдкой взглянул на дверь, что-то прикинул...

— Петли широкие... и засов, скорее всего, им под стать — большой. За стойку его унести, конечно, можно — только вот зачем?

— Ну... теплее...

— Разве что... отсутствие засова создаёт иллюзию того, что дверь быстро не закрыть.

— Так!

— А потому любой, кто захочет убежать, будет отходить в ту сторону.

— Не спорю.

— И быстро обломается, ибо как раз там сидят трое мордovorотов.

— Пришедших сюда...

— Полчаса назад.

— Bravo, Вальтер! Растёте прямо-таки на глазах! И каков будет вывод?

— Первый — нужный нам человек вскоре придет. Раз его охрана уже здесь. Но это не единственный возможный вариант. Есть и второй — высока вероятность ловушки, нам не просто так отрезали путь к двери.

— Согласен с вами, мой друг. Что ж, должен констатировать, что проведенное вами вместе со мной время для вас, милейший, даром не прошло! Здесь действительно засада, и поставлена она именно на нас!

Молодой собеседник облокотился на стол и искоса ещё раз оглядел помещение:

— Интересно... И что делать будем?

— К пистолету сразу не потянулись — хвалю! Голова есть главнейшее оружие разведчика. Есть будем. Если сейчас что-то подозрительное в поведении нашем проявим, всё, не придёт нужный человек. А он уже где-то рядом, смею вас уверить.

— Отчего так?

— А вы заметили, что служанка уже полчаса, как на улицу вышла?

— Видел, как она выходила... только вот время не приметил. Для чего она так?

— Посторонних отваживает. Мол, с электричеством проблема али еще с чем... Вот сейчас та парочка в углу свое пиво допьёт, и никого лишнего тут уже не будет.

— Ага! Так и хозяин в деле, надо думать?

— Точно. И не на последних ролях... ну, да ладно, об этом после поговорим... — Проводник поднял руку, привлекая внимание хозяина, торчавшего за стойкой. — Старина Вилли! Две яичницы сюда!

— Так служанки же нет?

— А уважаемых посетителей он всегда обслуживает сам.

— Вас тут знают?

— И неплохо, смею вас уверить...

Так все и оказалось. Чуть припадая на правую ногу, хозяин лично принёс и поставил на стол две широкие и толстые дубовые подставки с выемками посередине. Установил в каждую выемку по чугунной сковородке со шкворчащей яичницей. С достоинством поклонился и вернулся за стойку.

— Угощайтесь, Вальтер. Старик знает толк в кухне, и яичница с колбасой всегда была его коньком. Умеет, это не отнять!

Несколько минут они оба молчали, занявшись принесённой едой. Тем временем допившая пиво парочка неторопливо вышла на улицу.

— Эти двое ушли, Карл! Что я должен буду делать?

— В основном — смотреть. И прикрывать мне спину. Всё прочее я сделаю сам.

Бухнула входная дверь, проскрипели доски под ногами вновь вошедших посетителей. Их было двое. Высокий и плечистый парень, державший руки в карманах, и приземистый мужчина лет сорока. Не спрашивая разрешения, они оба уселись за стол, прямо напротив Проводника.

— Готлиб, а ты не стал вежливее с нашей последней встречи! — оторвавшись от еды, произнёс тот.

— Добрый день, Франт! — произнес старший из пришедших. Парень ничего не сказал, только молча наклонил голову.

— Ты, как всегда, верен себе, Готлиб. Страхуешься?

— Меня ищут...

— Почему я не удивлён? Не тебя одного и не первый год. Однако же это не повод, чтобы тыкать стволом револьвера в старого товарища?

— Мои руки пусты, Франт!

— У твоего спутника тоже? Тогда пускай хотя бы пальцы с курков снимет и не так сильно сжимает оружие в руках — стволы оттопыривают его карманы так, что это может увидеть даже самый слепой шуцман!

Парень покраснел и немного изменил свою позу. Руки из карманов, однако же, не вытащил.

— Ты хотел меня видеть, Франт? Что тебе нужно?

— Не только я. Познакомься, — кивнул Проводник на своего спутника, — это господин Вальтер. Теперь все дела будешь вести с ним.

— А ты?

— Сколько лет мы знакомы?

— Около двадцати... а что?

— Не находишь, что мне уже и на покой пора бы... Сидеть вечерами в пивной, пить своё пиво, разглядывать молодых девушек... я ведь тоже человек, Готлиб!

— И ты так просто хочешь уйти?!

— А что, есть препятствия?

— Как сказать, Франт... как сказать... С момента твоего последнего появления... кое-что изменилось...

— Настолько, что ты потерял ко мне *уважение*?

— Не иронизируй! Ты серьёзный человек, не спорю! Но... не единственный *серьёзный* человек. Тебя очень многие хотели бы видеть...

— В чем тогда вопрос? Я — здесь. Сажу, пью пиво и доступен для разговора.

— Не каждый может прийти *сюда*.

— Их проблемы. Отчего-то я не испытываю желания ходить куда-либо ещё. Мне нравится именно это заведение.

— Тогда... боюсь, что в этом случае привычки придётся изменить...

— Что же это за люди такие, ради которых ты так поменял своё ко мне отношение? Согласись, нас связывают достаточно серьезные общие воспоминания. И такие же дела.

— Связывают, — кивнул Готлиб. — Хотя теперь я думаю, что некоторых из них я предпочел бы не помнить. И в них не участвовать.

— Понятно. Припёрли к стенке угрозой напоминания о некоторых моментах твоей бурной биографии и в качестве отступного потребовали мою голову... так?

— Слишком уж многие государственные организации ты успел против себя восстановить.

— Я же не беру денег у обычных людей — только у государства. Это всем известно, и до сих пор никто этим не озадачивался. Кто на тебя нажал, дружище? Да так, что голова старого товарища показалась невеликой ценой за спокойствие.

Визитер дернулся. Сидевший рядом его телохранитель напрягся.

— Думай, что говоришь, Франт!

— А ты думай, что делаешь! Кто они, Готлиб?

— Они приплыли с той стороны пролива...

Проводник усмехнулся:

— Так и скажи — Франт, тебя хотят англичане! С чего бы это? С их деловыми людьми у нас конфликтов не было!

— Это не деловые... у этих к тебе масса претензий. Так что... не обижайся, но моя собственная голова как-то ближе и роднее!

— А как на это посмотрит Хромой?

Готлиб привстал:

— А вот *это* уже не твое дело, Франт! Положи оружие! И этот тип — тоже! Его мне не заказывали, но две головы всегда стоят дороже, чем одна!

Перед лицом Проводника угрожающе замаячили два ствола — телохранитель визитера выхватил из карманов оружие.

— Даже так... — протянул Проводник. — Ты не прав, Готлиб, и знаешь это!

— Три секунды! Манфред, держи их на мушке!

За спиною послышался грохот отодвигаемых стульев — сидевшая у двери троица вступила в игру. Чуть слева от них замерла в испуге служанка. Невозмутимый хозяин поставил на стойку кружку, которую протирал, и выпрямился.

Пожав плечами, собеседник Готлиба выложил на стол браунинг. Вытаскивал он его осторожно, двумя пальцами. И на стол клал бережно, чтобы не совершать резких движений.

— Второй! Ты всегда ходишь с двумя пистолетами!

На стол лег ещё один пистолет.

— Теперь пусть этот положит!

О доски стола брякнулся «вальтер».

— Всё?

— Проверь, — безразлично пожал плечами Франт. — Не ожидал я...

— И напрасно! Даже такой удачливости, как твоя, всегда приходит конец!

Заскрипели доски пола, сзади подходили бандиты. На лице Готлиба заиграла улыбка.

— Напрасно! — развел руки в недоумевающем жесте Проводник. — Вы все ещё можете передумать...

— Сиди уж... — фыркнул главный бандит. — Ещё будет возможность поболтать языком...

Франт пожал плечами и попытался скрестить руки на груди. Но внезапно, видимо, под воздействием какого-то мысленного импульса, всплеснул ими, словно бы чему-то удивляясь.

Странное дело, но что-то подобное удивлению вдруг отобразилось

также и на лице телохранителя. Вполне возможно, что причиной тому послужила чугунная сковорода, которую (надо полагать, по рассеянности) зацепила правая рука Проводника. Увесистый снаряд долбанул Манфреда прямо в лоб и на некоторое время выключил его из происходящего. Выронив на пол своё оружие, незадачливый охранник кулем обрушился на него сверху.

А вторая сковородка прилетела прямо в грудь одному из подходящих сзади ребяташек. Доски пола дрогнули, возвестив о том, что и это столкновение имело весьма печальные последствия.

Впрочем, два его товарища не успели высказать своё, наверняка негативное, мнение по данному поводу. Ибо следом за сковородой уже в их адрес прилетели две основательные дубовые подставки. Если они и отличались от чугунной посуды, то только размерами, вес вполне соответствовал и даже слегка превосходил. Разумеется, что последствия близкого знакомства с оными предметами не вызвали у бандитов бури положительных эмоций.

Собственно говоря, одному из них и вовсе не повезло. Увидев, как его товарищ получил по бедру летящей деревяшкой, он быстро присел. И оттого получил вращающейся в воздухе доской точно по башке! Глухой стук возвестил о том, что оба столкнувшихся предмета приблизительно равны по прочности. Однако вслух выразить свое восхищение данным фактом бандит не успел. Видимо, переполнявший его восторг оказался столь большим, что он попросту потерял дар речи, заодно с сознанием. Никто из этой троицы даже не успел достать револьверов — шли-то вязать беспомощных людей и к подобным «сюрпризам» не готовились.

Скрипнули доски стола — Проводник ловко через него перекатился. По пути он успел подхватить со скатерти свое оружие. И теперь два ствола недвусмысленно смотрели на окружающих.

— Служанку держи! — И его спутник, в свою очередь, подхватил со стола «вальтер». Щелкнул взводимый курок, и девушка послушно показала раскрытые ладони.

Притиснув обалдевшего Готлиба к стойке, Франт уткнул пистолет ему в живот. Второй ствол уставился в голову хозяину заведения:

— Выйди-ка из-за стойки... и руки на виду держи, так чтобы их видно было! И за столик сядь... за мой.

Ошарашенный главарь бандитов хватал ртом воздух — пистолет больно давил ему прямо на солнечное сплетение.

— Ну что, друг мой? — ехидно осведомился его собеседник. — У тебя *теперь* какие-то вопросы есть? Не возникает ли желания рассказать мне в

подробностях о том, какие — такие люди потребовали мою голову? Чем они мотивировали свои странные желания и какие аргументы предъявили?

— Ты... ты покойник! Никто не смеет... так... так себя со мною вести!

— Со мной — тоже. Надо же, как совпало!

Согнувшийся пополам на полу бандит, только что получивший в бедро увесистой деревяшкой, видимо начав что-то соображать, сунул руку за отворот пиджака.

Бах!

Проводник снова перевёл ствол на хозяина заведения, который невозмутимо наблюдал за корчащимся на полу человеком.

— Ты жестокий человек, Франт, — впервые открыл рот трактирщик. — Он же мучается! Пуля в живот попала! Добей уж, раз так вышло!

— Наплевать, — холодно ответил тот, к кому он обращал свои слова. — Раньше надо было головой думать...

Готлиб затравленно огляделся по сторонам. По его лбу катились крупные капли пота.

— Поплохело тебе? — сочувственно спросил Проводник. — Сам виноват, я предупреждал всех... Ну что? Дальше молчать станешь?

— Тебя... ищут англичане.

— Это я уже знаю.

— Они... словом, это даже не их полиция. Армия! Мне называли его имя — капитан Джаспер Реллони.

— Интересно?! У них я вроде бы ничего пока не украл... Кстати, спасибо за совет, воспользуюсь! И что тебе сказал этот... Релини?

— Реллони.

— Да какая, к свиньям собачьим, разница?! Мне с ним вместе шнапс не пить, не всё ли равно, как его зовут?

— Капитан сказал — за живого заплатим две тысячи фунтов! За мертвого — половину.

— И ты решил на мне подзаработать?

— Они ищут тебя по всему континенту... всё равно ведь найдут! Так какая тогда разница — где?

— Хм! И где искать этого щедрого офицера?

— Гамбург. Отель «Морской конь». Номер шестнадцать. Его там знают как господина Дорфмайера. Ты удовлетворён?

— Отчасти. Ты собирался взять меня живым?

— Две тысячи... это хорошие деньги...

— Не спорю. Только вот вам они не достанутся...

Негромко хлопнули пистолеты в руках Франта, и Готлиб ткнулся лицом в пол. Рядом судорожно дернулся Манфред — пуля пробила его горло.

— Вальтер!

Два негромких выстрела из его пистолета — и обоим обездвиженным бандитам навсегда перестала угрожать головная боль. Как, впрочем, и зубная... Да и любая другая заодно.

Присев на корточки, Франт деловито обшарил главаря и его охранника. Забрал у последнего неплохой кинжал и сунул его в свой саквояж. Подтащил к столу упавший стул, развернул его спинкой к трактирщику и уселся верхом:

— Насвинил я у вас тут...

— Бывает, — односложно ответил хозяин.

— Уберёшь?

— Не в первый раз...

— Ну да, — покладисто согласился Проводник. — Особенно тебе. Не так ли, Хромой?

Трактирщик вздохнул:

— Так ты знаешь?

— И уже давно.

— Что ж тогда комедию ломал всё это время?

— Ну, раз тебе зачем-то всё это было нужно... — развел руками разведчик. — Отчего бы и не подыграть? Собственно говоря, я и сегодня не собирался обращаться напрямую, так уж вышло... Ты действительно хотел меня сдать англичанам?

— Не я.

— Но с твоего ведома?

— Так. И что теперь? Я отвечаю за многих... и должен знать, с кем дружить крепко, а с кем — не особенно. Английская разведка — серьёзный противник. А ты, Франт, всё-таки одиночка, не обижайся.

— Понимаю, — кивнул тот. — Бережем свою империю?

— С меня тоже спросят...

— То есть камень преткновения — это я?

— Да.

Проводник задумчиво побарабанил пальцами по столу:

— Хм... разведка... Им-то я чем насолил? Не подскажешь?

— Говорят, что ты кого-то не того убил... хотя точно не скажу, сам понимаешь — они мне не рассказывали подробностей. Все разговоры шли с ним, — кивнул трактирщик на труп Готлиба.

— Хорошо... А если так? Этот самый капитан вскорости помрёт... не исключено при этом, что не один, а в компании с разыскиваемым им человеком. Будут ли, таким образом, устранены все препятствия для того, чтобы ты продолжил сотрудничать уже с ним? — кивнул разведчик на своего спутника.

— Так ты и вправду решил отойти от дел? — заинтересованно покосился Хромой на Франта.

— Пора уже... давно ли ты сам грабил банки?

— Давно, — согласился его собеседник. — А твой товарищ — он тоже такой... быстрый? И не особенно разговорчивый?

— Это уж ты выяснишь сам. Хотя ты прав, нынешнее поколение — это не мы с тобой! У них всё иначе.

— Куда-то хочешь уехать?

— В мире много хороших мест... Теплое море, ласковое солнце... что ещё надо уставшему от забот человеку? Много ли мне нужно?

— Учитывая твои доходы? — хмыкнул трактирщик. — Ты ещё долго проживешь в подобном случае!

— Ну, я же должен что-то оставить и тому, кто придёт на моё место? Да и ты, друг мой, вряд ли станешь помогать ему бескорыстно?

— Американцы говорят — бизнес! — развёл руками старый грабитель. — Я не король и не герцог, фамильных поместий не имею... Всякая услуга должна быть оплачена!

— Так ты уже и с ними ведешь дела? — заинтересованно приподнял бровь Проводник. — Впрочем, теперь это уже меня не касается. Вальтер, дружище, подсаживайтесь к нам, поговорим. И ещё один момент, Хромой. Не хочу стрелять в Магду, к ней уже привыкли все твои завсегдатаи. Сделай милость, скажи ей, чтобы выложила на стол свой револьвер и погуляла бы где-нибудь...

Входная дверь тихо хлопнула, выпуская посетителей на улицу. Шедший первым быстро окинул внимательным взглядом сонные домики и пустой переулок. Чуть прибавив шагу, он вышел вперед, контролируя ближайшие подходы к дому.

Никого.

В этот вечерний час пригороды Берлина были полупустынны. Видневшиеся вдаль фигурки прохожих никакой опасности не представляли.

Отойдя от пивной на пару кварталов, оба спутника свернули в переулок. Там, прижавшись к обочине, их ждал неброский «Опель 2Л». Хлопнули дверцы, и спустя несколько мгновений машина тронулась с

места.

— Привыкайте, Вальтер, вам частенько придётся теперь самостоятельно ездить по улицам, — разглядывая в окно окружающие дома, сказал старший из спутников.

Управлявший автомобилем его молодой товарищ молча кивнул. Вывернул руль, объезжая стоявший сбоку грузовик. Тихо фыркнув мотором, машина выехала на оживленную улицу, и Проводник удовлетворённо кивнул — слежки не видно.

— Карл, может быть, вы всё-таки объясните мне, отчего мы сегодня действовали именно таким образом? — переключая передачу, спросил водитель.

— А что именно вас так удивило?

— Ну, раз вы ожидали засаду, да ещё и со стрельбой... логичнее было бы меня предупредить! Я, кстати, теперь понимаю, почему мы с собою взяли не обычные пистолеты, а эти дамские пукалки — при стрельбе в упор эффект не сильно отличается, а вот звук — тот существенно тише. Но ведь можно было бы и эффективнее сработать, если заранее всё оговорить.

— Ага! Вы что же думаете, мой друг, я рядом всю жизнь буду находиться? Понимаю, что вы-то сами были бы не против, но я не Господь Бог! Пора и самому уже думать начинать! Если всю жизнь кто-то подсказывать станет — как самому тогда воевать? Нельзя всю дорогу на чей-то авторитет оглядываться!

— И что же — постоянно так по сторонам смотреть?

— Даже и во сне. К нам с вами это относится куда как в большей степени, чем к любому из наших подопечных. Они-то только за своей спиной следят, а вот мы должны это делать и за них тоже. Всегда и всюду... — Проводник тяжело вздохнул. — Трудно это... так иногда охота обычной человеческой жизнью пожить... Устал я...

— Понимаю... — водитель сочувственно кивнул. — А вот тогда вопрос можно?

— Да хоть дюжину!

— Отчего вы этого, который Готлиб, грохнули? Он ведь и опасности уже не представлял особенной... да и напуган был основательно.

— Никогда не оставляй за спиною живым оскорблённого и униженного врага — он будет ждать своего часа сто лет и ударит в подходящий момент! Так говорят в Японии. И ещё у них есть хорошее изречение — «унижение помнят вечно!». А Готлиба не просто унизили — можно сказать, что мордой в сортир сунули, да ещё и прилюдно. Мало того, что на глазах у его «шестерок», так ещё и перед лицом хозяина! Врага в его

лице этим поступком мы нажили мгновенно. Да и толку-то с этого типа теперь? Он и нужен-то был лишь как передаточное звено...

— Понятно...

— Заодно и Хромому ясно намекнули на нежелательность ссоры с нами. Он мужик умный — поймёт.

— А «шестерок» зачем положили? Нет, вы не подумайте, что я против! Просто мотивы понять хочу.

— Так ведь вся эта затея как раз Хромым-то и была разработана! Он, как предусмотрительный человек, к англичанам сам не пошёл — посредника послал. В случае чего, вот как сейчас, — он ни при чём. Виноват Готлиб — заигрался за спиной хозяина. Царь-то у нас хороший — бояре самовольные!

— Так... может быть, стоило Хромому намекнуть...

— Куда ж ещё больше намекать-то? Труп холодный перед носом лежит — такой уж намек неслабый! Мол, заигрался — и огрёб! А что до «шестерок», так это я ему «сохранить лицо» помогал. Дабы никто не мог в подробностях описать его промах. Тут ведь нравы волчьи — зазевался, моментом сожрут, даже и костей не оставят. Раз хозяин один промах допустил, — стало быть, и до других уже недалеко. А это опасно, всю империю его под удар ставит — такого допускать никак нельзя. Вот я ему и помог заодно дал понять, что в курсе всех событий у него внутри... Магда-то с ним со времён незапамятных, не предаст. А эти громилы — вроде бабочек-однодневок, про них и не вспомнит завтра никто. Соответственно они и ему ничем не обязаны — даже и не догадываются, кто он такой. Про это только доверенные люди знают. Оттого и сидит он на этом месте уже пятый год! Сволочь, конечно, первостатейная! Душегуб и мерзавец — таких ещё поискать!

— Других, что ли, людей не нашлось?

— Это, простите, где я их искать был должен? Какой-токой идеей соблазнять и во имя каких идеалов? Может быть, вам в какой-то мере и проще — вон какие толпы приверженцев повсюду с красными флагами бегают! Правда, здесь их уже не видать, так они же не вымерли в одночасье? Только вот *эти* уже конспирации обучены и супротив своей страны работать станут без угрызений совести — только плати вовремя. И уж среди них-то искать помощников русским агентам станут только в самой распрохреновой ситуации. Разве что совсем от нечего делать. Что здесь, что у нас — и местная крипо, и наша милиция в простом уголовнике пособника вражеской разведки подозревать будет в последнюю очередь. И так есть за что его посадить.

— Интересно... — покачал головой молодой. — А про Хромого вы как давно догадались?

— Да уж года три... Этот кабачок второй год используется. Раньше-то другое место было. А вот хозяин — один и тот же. И служанка тоже. Вот я и почесал себе в затылке — отчего это так? Понятное дело, что он присматривать поставлен. Только вот кем? Пришлось подумать да деньгами посорить... А результат вы сами видели. Зато теперь, по крайней мере, пару лет здесь проблем не будет.

— А кем же они вас считают?

— Это история долгая...

— И всё-таки? Чем больше вас узнаю, тем сильнее убеждаюсь в том, что многие из действительно важных и нужных вещей нам отчего-то не преподавали в своё время.

— Вот как? Вообще-то, наблюдая вблизи некоторых ваших сослуживцев, я склонен с вами согласиться. По-видимому, в системе подготовки у вас присутствуют некоторые изъяны. Причем достаточно существенные. Сколько времени готовили именно вас?

— Восемь месяцев. Но язык я хорошо знал, так что это вполне объяснимо...

— Охреносовать... Надо было раньше об этом спросить... — Старший из собеседников изумленно посмотрел на молодого. — И что, после этого вас отправили сюда *одного*?

— Нет, конечно! Сначала — на стажировку и только через год допустили к самостоятельной работе. А что?

— Вальтер, я в свое время учился год! Между прочим — по *ускоренной* программе! Имея за спиной полный университетский курс! Опыт военной службы и несколько лет упорных занятий стрельбой, фехтованием и борьбой! И то на меня смотрели как на выскочку, не имеющего хорошей подготовки. Сколько языков вы знаете? Кроме немецкого — с ним-то всё в порядке, успел уже проверить. За имперского немца не сойдёте, так это и не страшно — здесь полстраны таких.

— Так я на нем с десяти лет разговариваю! У нас сосед-немец в квартире жил, я с его сыном дружил, вот и научился. По-чешски понимаю, только вот говорить... — смутился молодой.

— Да-а...

— А у вас как с этим? Немецкий-то безупречен — мне бы так!

— Французский, английский и японский — свободно. На двух первых говорю и пишу. По-японски тоже писать могу, хотя и не очень хорошо. Китайский — мандаринский диалект. Чешский — могу разговаривать, хотя

за своего и не сойду.

Молодой обалдело замолк. Проводник покрутил головой, осматриваясь по сторонам.

— Вот что... — Он на секунду замолк, провожая взглядом проезжающий мимо автомобиль. — Я, конечно, понимаю, что вы обязаны время от времени отъезжать для доклада руководству... Ничего по этому поводу возразить не могу, им, в конечном итоге, виднее. Но! Настоятельно прошу вас довести до их сведения следующее. Пусть хоть из кожи вылезут, но чтобы командировки эти прекратились! У нас впереди ответственные встречи, к которым вы, как я теперь вижу, готовы не в полной мере! Вы, Вальтер, *самостоятельно* не можете заменить меня на этом посту! Или пусть присылают сюда кого-то более опытного!

— Но...

— Сколько времени мы с вами провели вместе? Всего?

— Две недели перед каждой встречей и неделю после... Всего — почти пять месяцев.

— Да-а... в иное время с меня пять шкур за такой ляп спустили бы! Да и сам-то я хорош! Понадеялся на ваше руководство... думал — всё как у людей... Кто ж знал, что у вас такие порядки в ходу? Стрелять вас учил, проверяться... да тут с самого начала вообще *всему* учить надобно! Заново!

— Ну что же вы так-то разоряетесь? Нормально же всё у нас прошло? Никаких промахов не допустили до сих пор...

— У разведчика, Вальтер, ошибка бывает одна. Первая — и она же последняя. А у нас с вами такое событие влечёт ещё и чужую смерть, возможно, что не одну!

— Отчего вы так дурно обо мне думаете? Я что, где-то капитально ошибся?! — возмутился, наконец, молодой.

— Ошиблись? — успокоился вдруг его собеседник. — Хорошо. Давайте хоть сегодняшний случай разберём. Сколько было в пивной вооружённых людей?

— Четверо.

— Кто именно?

— Манфред, один из тройки мордоворотов, служанка и сам Готлиб — у него вы кинжал забрали.

— Всё?

— Да, всё.

— Во-первых, мой друг, мордовороты были вооружены все. Просто не доставали оружия. Кстати говоря, почему?

— Э-э-э... приказа не было...

— Здесь не армия, мой друг! Приказа не ждут! Просто мы сели так, что Готлиб оказался с нами на одной линии, стреляя по нам, можно и его завалить легко. Я же не просто так именно этот столик выбрал — негде ему больше было сесть. А отчего не стреляла служанка?

— Не успела?

— Ей Готлиб по барабану, она Хромого охраняет. Кстати говоря, неплохо это делает. Как минимум парочка жмуров за ней числится. Так вот, пока ему непосредственной угрозы нет, она оружие и не вытащит. А когда я их обоих на мушку взял, дергаться уже поздно было. Так что в какой-то мере вы правы. Хорошо. Готлиб?

— Ему нечем стрелять было.

— Но нож-то был? Что ж он им не воспользовался?

— Не знаю, каким он там мастером раньше был, но сейчас явно расслабился. Даже на руки вам не смотрел — а зря!

— Хм! Ну, хоть это вы запомнили... Хромой?

— Не чувствовал для себя угрозы.

— Верно!

Проводник почесал в затылке:

— Ладно... хоть как-то... В общем, просьбу мою своему руководству вы передайте незамедлительно!

— Уж в этом-то можете не сомневаться — передам! Я здесь, пожалуй что, самое заинтересованное лицо!

Молодой чекист переключил передачу, обгоняя попутный автомобиль. Вежливо раскланялся с его водителем, который чуть принял вбок, пропуская их «Опель».

— Правильно, — заметил спутник. — Хотя и необязательно, — но это признак хорошего тона.

— Как многое мне ещё предстоит узнать! Скажите, Карл, отчего при встрече с нами вас всегда приветствуют первого? Из-за возраста? Или есть ещё какая-то причина?

— Есть. — Рука Проводника коснулась шрама на щеке. — Что это, по-вашему?

— Шрам...

— Не просто шрам — это «шмисс»! След студенческой дуэли.

— М-м-м... но ведь дуэли... их вроде бы запретили?

— Эти — нет. Такой шрам означает, что его обладатель принадлежит к закрытому студенческому братству. Туда кого попало не примут. Так что в девяти случаях из десяти перед вами аристократ. Причём — не скороспелый. А уж в сочетании с офицерской выправкой... Подобного

человека принято уважать.

— И эти уголовники... они тоже... понимают такие тонкости?

— Нет. Не в том смысле, что не понимают. Просто уважают не из-за этого. Вернее, не только из-за этого.

— А из-за чего?

— Я уже говорил вам, что в их среде умная голова значит намного больше, чем пудовый кулак?

— Да.

— Так уж вышло, что лет... двадцать назад я должен был вытащить из полицейского участка одного человека. Не из наших, но обстоятельства того требовали...

Пронзительно проскрипела петлями рассохшаяся входная дверь, и дежурный шуцман поднял голову на вошедшего. Вернее, вошедших, ибо их было трое.

— Что вам угодно, майне херрен? — Он покосился на часы. Утро, половина пятого!

— Криминальассистент Леман! — представился первый из вошедших — высокий крепкий мужчина со шрамом на щеке, демонстрируя полицейский значок. — Могу я видеть дежурного?

— Вахмистр Гарнике отдыхает... я сейчас его позову.

— Буду вам весьма обязан, мой друг!

Шуцман покосился на сопровождавших инспектора лиц. Уж один-то из них делал это явно не по своей воле — его правая рука была пристегнута наручниками к левой руке сопровождающего.

Вздохнув, шуцман открыл дверь и уже вскоре стучался в кабинет дежурного.

— Кто там? Это ты, Вилли?

— Я, герр Гарнике!

— Что там стряслось?

— Какой-то тип из уголовной полиции. Притащил с собою арестованного.

— Ты его знаешь?

— Нет, в первый раз вижу.

— И что? Чего ему нужно от нас?

— Он спрашивает дежурного.

Кряхтя, вахмистр поднялся с жесткого топчана. Поднял шинель и, расправив, повесил её на вешалку. Подойдя к зеркалу, ополоснул лицо и поправил волосы:

— Ладно... Пойдём, посмотрим на этих ранних пташек...

Нежданные гости были там же, где их оставил шуцман. Леман задумчиво рассматривал стены комнаты, а его спутник, присев на топчан в углу, чуть прикрыл глаза. Рядом с ним съёжился арестованный.

— Доброе утро, господа. Вахмистр Гарнике, слушаю вас.

— Криминальассистент Иоганн Леман! — поклонился старший из гостей. — Вот мой значок. Генрих, свой покажи!

Задремавший было напарник Лемана вскочил на ноги.

— Мне и вашего вполне достаточно, герр криминальассистент.

— Можно просто по имени. У меня к вам будет небольшая просьба, вахмистр.

— И чем я могу вам помочь?

— Не могли бы вы посадить в камеру, всего на несколько часов, вот этого субъекта?

— За что?

— Везём в Киль, его там очень ждут в суде.

Арестованный фыркнул и засмеялся:

— Могут и ещё подождать! Я никуда не тороплюсь, знаете ли!

— Генрих! — покосился на задержанного Леман. — Уйми этого болтуна!

Напарник криминальассистента беззлобно пихнул локтем задержанного, и тот умолк.

— А в чём дело, господа?

— Нам ещё второго надобно задержать — не будем же мы этого клоуна за собою по городу таскать? А вечером у нас поезд, поэтому долго он у вас тут не задержится.

— А...

— Вот ордер на его арест и предписание о доставке арестованного в суд, — протянул бумаги Леман. — Так что с этой стороны к вам вопросов не будет. Могу подать соответствующий письменный запрос на имя вашего руководства.

— Таков порядок, майн герр!

— Где я могу это сделать?

— Прошу вас проследовать за мной. Вилли, проводи этого типа к старине Ойгену.

Сопровождающий криминальассистента полицейский молча отстегнул от своей руки задержанного и подтолкнул его к шуцману. Арестованный потянулся, привычно сложил за спиной руки и покорно подошел к новому сопровождающему.

— Опытный? — покосился на него Вилли.

— Третья отсидка будет, — пояснил Леман. — Мошенник, но не самый удачливый...

— У нас ему будет с кем поговорить, — кивнул шуцман. — Третий день здесь сидит его собрат. Правда, тот постарше будет, да и выглядит посolidнее.

Он ткнул арестованного дубинкой в спину, указывая тому направление движения.

— Ну, ты! Толай потихонечку!

Они прошли узким коридором, дважды свернули в сторону и остановились у решетчатой двери. Шуцман постучал дубинкой по решётке.

— Ойген! Проснись, старина!

Заскрипела дверь, и в коридоре за решеткой появился ещё один полицейский.

— Что шумишь с утра? — недовольно буркнул он.

— Вот, — подтолкнул к решетке арестованного Вилли. — Принимай нового постояльца. Ненадолго, до вечера. Вахмистр распорядился посадить его к толстяку.

— Да хоть до Рождества! — пожал плечами Ойген. — Места есть...

— Лицом к стене! — Вилли толкнул дубинкой клиента.

Тот послушно повернулся и уставился взором в окрашенную стену. Лязгнул запор решетки.

— Вперёд! Стоять! Лицом к стене!

Заскрипела, закрываясь дверь, и слышались шаги уходящего шуцмана.

— Направо! Вперёд по коридору! Стоять! Лицом к стене!

Звякнули ключи — Ойген открывал замок камеры.

— Пошел! — ткнул он дубинкой нового сидельца. Вернее, попытался это сделать. Ибо дубинка внезапно соскользнула с плеча задержанного и уткнулась почему-то в стену. Не успел полицейский удивиться этому обстоятельству, как его внезапно схватили за правую руку. Толчок, поворот... и в глазах вспыхнули искры...

Сидевший в камере человек удивленно посмотрел на произошедшее:

— Ничего себе утро начинается... Кто вы такой, любезнейший?

— Вы Ганс Кнопке?

— Меня называют этим именем. А как я должен называть вас?

— Франт. Вам наилучшие пожелания от Михеля.

— И ему того же.

— Он предлагает вам сменить отель. В этом плохо кормят... и

сквозняки.

— Сквозняки?

— Они самые.

— Готов следовать за вами, мой молодой друг. — Толстяк неожиданно легко вскочил на ноги и поднял с лежанки свой пиджак. — А как мы выйдем на улицу? Надеюсь, мы обойдёмся в дальнейшем без подобных эксцессов? Я уже не молод... и мне не хотелось бы заниматься несвойственными моему возрасту физическими упражнениями.

— Я тоже не расположен шуметь... — Франт втащил в камеру тело полицейского и снял с того ремень. Сноровисто связал руки и его же носовым платком заткнул рот. Положил бесчувственное тело на бок, прислонив к стене. — Так не задохнется...

Подобрал с пола ключи и кивнул на дверь. Оба вышли в коридор. Лязгнул замок на камерной двери.

Вот и решетка. Осторожно открыв замок, беглецы тихо выскользнули в коридор. Снова лязгнул запор. На цыпочках, подбравшись к повороту, Франт присел на корточки и медленно высунул голову за угол. Удовлетворённо кивнул и сделал приглашающий жест Гансу.

Следующий поворот. Прислушавшись, его провожатый покачал головой и попятился, стараясь не бухать сапогами по полу. Осмотрел коридор и присел на корточки у ближайшей двери. Немного около неё повозился. Выбрал из прихваченной связки самый большой и толстый ключ и, оттянув дверь, вставил его между нею и косяком. Приналег... Чуть скрипнув, дверь приотворилась.

— Сюда! Хорошо, что в камерах такие длинные ключи...

Узкий кабинет был пуст. Прикрыв дверь, Франт подбежал к окну и, прячась за стеной, осторожно выглянул на улицу:

— Никого...

Он быстро открыл шпингалеты. Стукнуло распахнутое окно, и Кнопке поёжился — на улице было прохладно.

— Здесь невысоко, — прошептал ему на ухо спутник. — Я вылезу и вам помогу.

Быстрый и гибкий, он ящерицей скользнул на подоконник. Мгновение — и он стоял на земле, протягивая Гансу руки. Вздохнув, тот неуклюже взгромоздился на стул и уже с него перебрался на окно. Присел на подоконник. Повернувшись спиной, свесил ноги на улицу. Почувствовал, как его подхватили сильные руки и уже в следующую секунду подошвы ботинок коснулись земли. Поднявшись на цыпочки, Франт осторожно прикрыл створки.

— Надеюсь, нас тут более ничего не задерживает? — повернулся он к Гансу.

— Меня — нет. А вас?

— А меня тут и не было...

— Жаль, что мои шнурки остались там, неудобно будет идти.

— Хотите вернуться и их поискать?

— Нет уж! Пусть они послужат этим господам утешительным призом...

Переговариваясь на ходу, они завернули за угол и скрылись в ещё сонных переулках большого города.

— Вот так всё и началось. Мне тогда были нужны их связи на границе, приходилось людей туда-сюда провожать. И чем новые концы искать, опять же — проще использовать уже существующие. Да и, кроме того, — Проводник усмехнулся, — немножко украсть у государства готов почти каждый, а вот немножко пошпионить — единицы. Крадешь — для себя, а вот шпионишь — для противника. Тут, знаете ли, есть разница! Да и дешевле это — уголовником себя выставлять. Подозрений меньше... Уважения нет, так оно и ни к чему в случае поимки. Пойманный и отсидевший уголовник снова за старое берётся, а вот пойманный разведчик... скорее всего не возьмётся уже ни за что...

Он посмотрел в окно. Достал из саквояжа бутылку с водой и сделал несколько глотков. Уже почти совсем стемнело, слабые фары автомобиля с трудом пробивали сгущающийся на дороге туман.

— Хотите пить? — протянул он бутылку водителю.

— Давайте. А как же так вышло, что бандиты, знающие вас с подобной стороны, так обмишулились сегодня? — спросил молодой чекист.

— Никто из них *лично* меня в деле не видел. А слухи... они со временем забываются. Да и в последние годы я больше выступал как организатор различного рода сомнительных сделок. Оружие в Китай продавал. Правда, немцы и так его туда поставляют, но и у меня его брали охотно.

— А кто брал?

— В основном партизаны местные. Бандиты тоже в стороне не остались, у меня с ними контакт давний. Без них в тех краях ничего не сделать, уж очень их там много. И силу изрядную представляют. С ними даже японцы считаются. Тут ведь что учитывать надо? Когда все у нас посыпалось, остался я один. Связи нет, указаний никаких. О людях я позаботился, на этом всё и замерло. Год прошёл, другой — никому до нас

дела нет. А деньги уже стали иссякать — никто же так надолго не рассчитывал! Ещё года три-четыре я бы протянул... а дальше — всё! И никому ничего не объяснишь! Хотя на дорогу с топором выходи... Тут ещё и британцы подсустились — открыли на нас прямо-таки облавную охоту.

— Незавидное положение!

— И не говорите... Словом, собрал я тысяч десять британских фунтов, да и предложил на эти деньги повернуть кое-какую сделку своим криминальным знакомым. Достали мы коносаменты на военный груз. Абсолютно официальные, это уж один из наших агентов напоследок расстарался. Груз этот на складах в Марселе лежал. Война кончилась, бардак — забыли о нём. Явился я туда, оплатил задолженность по хранению, документы выложил — груз и отдали.

— И что там было?

— Цемент, колючая проволока, ещё всякая всячина... Даже боеприпасы были. Толкнули это всё на черном рынке. Тут ко мне присматриваться стали — что за деятель такой объявился? Навели справки — криминалитет местный меня очень даже хорошо отрекомендовал. Знакомец мой давний, Кнопке, на связь вышел. Он-то там как рыба в воде был. Предложил работать с ним. В основном головою думать, да варианты всякие прикидывать. Так в Китай и попал. С бандитами местными в контакт войти пришлось. С властями-то там дела вести бесполезно — всё равно к бандитам пошлют, мимо них в этих краях ничего не проходит. Правда, пришлось и там немного пострелять... темный они народ, только силу и понимают. Однако же всё вышло наилучшим образом — стал я среди них уважаемым человеком. Осмотрелся. И понял, что к большим главарям близко не подойти, и без меня народу хватает. Раз так, пришлось вырастить такого главаря самостоятельно. Года три это отняло, зато мерзавца я выпестовал... Аж самому противно стало!

— А зачем вам это? Ведь все ваши люди в Европе работали?

— И сейчас работают. Даст бог, и дальше станут своё дело делать. Но уже с вами. А что до Китая... Надобно было мне иметь такое место, где искать точно никто не станет. А если и начнет, то очень быстро от этой идеи откажется. Здесь-то по первости очень уж неуютно существовать оказалось. Слишком сильно деятельность моя англичанам не понравилась. Вот и принялись они меня ловить со всем рвением. Слава богу, в лицо они меня не знали, да и сейчас, смею надеяться, тоже не ведают. Но обложили тогда очень плотно.

— Небось было за что? — усмехнулся краем рта водитель, не отрывая глаз от дороги.

— Было. Я их никогда не любил... и при случае угольков за шиворот подбрасывал. Не по собственной инициативе, естественно. Но уж когда они делу мешать начинали... тут им спуску не было!

Посмотрев на Проводника, Костриков представил, каким тот мог быть в молодости. Картина выходила... своеобразная.

— Вот и осел я в приграничных районах. Легенду себе изобрёл — не подкопаешься! Связь к тому времени здесь была организована правильно. Телеграф-то и в тех краях функционирует. Сигнал дал — через месяц я у двери. Иногда и раньше, но это уж как повезёт... Спешки-то никакой не было, с голоду никто не помирал, слежки за моими подопечными не вели, а поручения в банк я вполне спокойно оттуда отдавать мог. И здешних прикормленных жуликов соответствующим образом проинструктировал. Дашь им телеграмму — они выходят в нужное место. Посмотрели-послушали, сигналы нужные срисовали или их отсутствие зафиксировали — и ответ мне отбивают. За кем смотреть — это я им не объяснял. Надо — и всё тут. А им всё равно. Деньги платят, по морде за это никого бить не надобно, грабить не нужно — дармовой заработок! — Проводник вздохнул. — Сюда тоже выезжал. По приказу обязан я негласно за агентами присматривать, так что времени на это прилично уходило. Тут всё больше сам, ножками. Бандитов к этому делу приставлять нельзя. Да вы и сами их видели... понимаете...

Выдержка из рапорта

...Таким образом, в результате проведения мероприятий в рамках операции «Школьный звонок» удалось восстановить связь с пятью агентами Генерального штаба русской армии, в настоящее время проходящими службу в вооруженных силах Германии (три человека) и Австрии (два человека). Указанные агенты по роду своей деятельности имеют доступ к важной информации, представляющей несомненный интерес как для изучения положения в армиях указанных стран, так и для планирования наших дальнейших операций. Соответствующими подразделениями пятого отдела ГУГБ НКВД проводится систематизация и обработка полученных разведданных. Учитывая большой объем предоставленной информации, к работе были привлечены дополнительные силы. Принимая во внимание ваше указание о первоочередности получения данных именно из этих источников, работа наших сотрудников была соответствующим образом переориентирована. В настоящее

время все источники в вооруженных силах указанных стран замкнуты на соответствующие подразделения отдела. Одновременно с этим на связь переданы созданные лично источником структуры негласного контроля и связи. Такой принцип создания подобных структур нами ранее широко не использовался и заслуживает всестороннего изучения на предмет использования в работе. Хочу отметить, что источником создан ряд подставных фирм, доходы от деятельности которых направлены на финансирование указанной выше разведсети. Полагаю целесообразным после тщательной проверки использовать эти источники финансирования в наших целях...

Резолюция на рапорте

Какие ещё агенты остались на связи у источника? Доложите отдельно, какими суммами мы можем располагать в течение ближайших трех месяцев? Возможность и целесообразность использования указанных средств для активизации наших операций в Испании. Прошу изложить ваши соображения относительно возможности использования переданной источником системы наблюдения. Можем ли мы задействовать их для получения оперативной информации? Если да, то какого рода информацию можно получить? Не освещены возможности источника в Китае.

Выдержка из рапорта

На связи у источника имеются четыре агента высокой квалификации, внедрённых по линии дипломатической службы Российской империи. Один из них проживает в настоящее время во Франции, двое в Германии и один в Бельгии. Указанных агентов, согласно полученному ранее указанию, было решено активизировать во вторую очередь, так как сфера их деятельности не связана напрямую с военными вопросами. Процесс их всесторонней проверки и активизации (аналогично тому, как уже было с другими агентами источника) ориентировочно может занять от восьми до четырнадцати месяцев. Вместе с ними нам будет передана сигнально-связная сеть, построенная таким же образом, как и в предыдущих случаях.

Единовременно с доступных нам счетов в банках и подконтрольных фирмах возможно получить от 143 000 (ста

сорока трех тысяч) до 186 000 (ста восьмидесяти шести тысяч) британских фунтов в различной валюте. При ликвидации указанных фирм и закрытии счетов (что потребует некоторого времени — предположительно до трех месяцев) указанная сумма может быть увеличена ещё на 45 000 (сорок пять тысяч) британских фунтов. Хочу отметить, что при этом в значительной мере будет утрачена, а в ряде случаев и полностью ликвидирована имеющаяся система связи, переданная нам источником.

Возможности источника в Китае до сих пор не освещены нами до конца, ввиду того, что необходимая для такой проверки агентура в указанных местах отсутствует. А из сообщенных им сведений невозможно составить объективную картину. Судя по имеющейся информации, таковые возможности в значительной части основываются на вооруженных группах антисоциальных элементов, на которые источник имеет большое влияние.

Следует учесть и тот факт, что практически везде в созданных им сетях и структурах отсутствуют лица, разделяющие цели СССР и следующие генеральной линии партии. В своем большинстве эти люди были ранее (а некоторые и сейчас являются) преступными элементами. Что, в свою очередь, не может не сказываться на эффективности их работы. Основным стимулом их деятельности являются деньги. Именно поэтому в случае изъятия средств со счетов и приостановления финансирования данные структуры быстро прекратят своё существование.

Резолюция на рапорте

Прошу вас в кратчайший срок предоставить мне все графики вывода средств из подконтрольных фирм и банковских счетов. Как в частичном, так и в полном варианте. Рассмотреть вопрос о целесообразности создания дублирующих каналов связи, с использованием наших возможностей.

Принять меры к ускорению проверки возможностей источника в Китае. В дальнейшей переписке именовать источник кодовым обозначением «Пастух».

Начальник 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР

Старший майор госбезопасности

З. И. Пассов

Рапорт

Направляю вам, согласно указанию ВРИО начальника Разведывательного управления РККА комдива Орлова А. Г., материалы относительно задержания сотрудника Разведупра старшего лейтенанта Морозова П. Я. сотрудниками контрразведывательных органов Бельгии.

Приложение — на 17 (семнадцати) листах.

Заместитель начальника... отдела

Разведывательного управления РККА

Капитан Колесников А. П.

Выдержка из протокола допроса старшего лейтенанта Морозова П. Я.

...Вот в эту комнату меня и завели. Руки не связывали, но рядом полицейский стоял и всё время на меня глядел. А за дверью их ещё несколько человек было. Я уже думал, что, может быть, его стулом ударить, да в окно выскочить? Но посмотрел — там решётки в палец толщиной стоят, не сломать... Решил, что надо более удобного случая подождать. Не станут же меня всё время именно в этой комнате держать?

Вопрос:

— А отобрать у него оружие вы не пробовали?

Ответ:

— Так он безоружный был! Только очень здоровенный! Такого сразу и не свалить.

Вопрос:

— Как долго вы там просидели?

Ответ:

— Около двух часов. Потом машина подъехала. Её и из окна видно было и слышно, как она колесами по щебенке шуршит. Двери захлопали, и кто-то от неё в дом прошёл.

Вопрос:

— Сколько их было?

Ответ:

— Человека два... или три. Из окна не видно, а шаги по щепенке... не очень-то там разберешь...

Вопрос:

— Расскажите, что было дальше?

Ответ:

— За дверью слышались голоса, она открылась, и вошло двое мужчин. Молодой — лет тридцати и постарше. У старшего уже и волосы седые были. Сели они напротив, и молодой говорит: мол, как обидно разведчику пасть жертвой шарлатана!

Вопрос:

— Так прямо и сказал?!

Ответ:

— Так. Это он немца того в виду имел! Уж дюже хитрым оказался!

Вопрос:

— Об этом мы поговорим позже. Сейчас меня интересуют эти двое. Как я понимаю, они являлись каким-то начальством?

Ответ:

— Сначала и я так подумал. А потом прислушался и понял — не местные они. Младший с акцентом говорил. Не может такого быть, если он в бельгийской полиции служит. Старший из гостей вообще ни с кем из местных не разговаривал, а между собою они говорили по-английски!

Вопрос:

— Вы не ошибаетесь?

Ответ:

— Фламандский язык с английским я не перепутаю! И тот и другой знаю неплохо. Да и по-французски говорю хорошо. Нет, эти двое — точно не местные. Скорее уж — англичане. Да и из разговора это было видно.

Вопрос:

— Что они вам ещё сказали?

Ответ:

— Старший со мною вообще не разговаривал. А младший сказал: мол, вот что бывает, когда таким важным делом, как разведка, занимаются дилетанты. Вот в царской России такого не было, поэтому он хорошо понимает, отчего моё руководство

сейчас так усиленно разыскивает бывших царских офицеров-разведчиков. Я ему сказал, что не понимаю, о чём он ведёт речь. Тогда они о чём-то переговорили и младший снова ко мне повернулся. Говорит, у наших стран когда-то были общие интересы, мы воевали против одного противника. Такое могло бы продолжаться и далее, но, увы, тому есть существенные препятствия.

Вопрос:

— Что вы ему ответили?

Ответ:

— Ничего, просто плечами пожал. Он на меня посмотрел и продолжает: вы, говорит, настолько рады новым приобретениям, что совершенно не смотрите на то, кого именно к себе приближаете. Среди бывших царских офицеров есть те, у кого руки по локоть в крови. Откровенные уголовники и преступники — любой суд их осудит. И до тех пор, пока наше руководство будет водить дружбу с подобными людьми, никакой дружбы или хотя бы взаимопонимания между Англией и СССР не будет. А будут очень натянутые отношения, если не хуже. Я снова в ответ ничего не сказал, просто не знал, что вообще ему говорить. Тогда он серьёзно так на меня посмотрел. Запомните, говорит, пока Харон правит своей лодкой, ваш путь будет лежать не в ту сторону. Не знаю, отвечаю ему, кто такой этот самый Харон. Англичанин усмехнулся. У него, говорит, имен много. Иногда его Проводником называют. Только надобно смотреть, куда такой Проводник завести может...

Вопрос:

— И что было дальше?

Ответ:

— Они оба встали и вышли. Минут через десять пришли полицейские, наручники надели и в машину посадили. И через пару часов высадили меня около нашего посольства. Сняли наручники и к дверям подталкивают — иди, говорят, у нас тебе делать больше нечего...

— И что вы можете на это сказать, товарищ майор? — Пассов посмотрел на Филимонова, листавшего папку. — Кто такой этот Проводник, если из-за него нам уже начали угрожать англичане? Да ещё таким образом!

— В наших материалах он проходит под псевдонимом Пастух.
— Постойте-ка... царский офицер, что ли?
— Совершенно верно, товарищ старший майор.
— Охренеть... и из-за него нам угрожают англичане? Почему, кстати говоря?

— Они его очень сильно не любят. От его рук в разное время погибло несколько английских офицеров. И деньги он у них... отобрал приличные.

— Этот... Пастух, он что, личную войну им объявил?

— Вроде того. Англичане тогда искали людей, которых ему было поручено защищать. И во время мировой войны и в Гражданскую... там у них всё плохо было. Стреляли друг друга, только что ножами не резали. В тот раз он вышел победителем — им так никого и не удалось найти. Но его запомнили. Ещё в начале операции «Школьный звонок» британцы получили информацию о ней. Тогда и всплыла кличка — «Проводник».

— Откуда утечка?

— Насколько я в курсе, так и не удалось установить. Проведённая проверка ничего и не дала.

— Ладно... а с этим, с Пастухом-то что? Сейчас-то его за что ищут?

— Во время встречи с ним в Вене англичане очень плотно нас обложили — не оторвешься. Стоило скорость прибавить — пригрозили оружием. Тогда Проводник...

— Пастух!

— Извините, товарищ старший майор! Конечно же, Пастух. Он подстроил преследователям аварию. В ней погиб один британский офицер и один польский. Ещё один англичанин был ранен. Они потеряли наш след, и мы смогли, наконец, встретиться.

— Ещё и поляки до кучи... Он, что, со всей Европой враждует?

— Не только. С японцами не дружит. Есть информация, что и им от него досталось.

— Бред какой-то... За каким рожном нам нужен такой сотрудник? Прямо-таки патологический убийца, вдобавок водящий дружбу с уголовниками!

— Он не наш сотрудник. Наши взаимоотношения никак не оформлены.

— Постойте-постойте! — Начальник пятого отдела ГУКГБ аж привстал со своего места. — Как это — не оформлены?! Почему?!

— Товарищ Слуцкий предложил это ему ещё при первой встрече, но он отказался... Пояснил, что к этому можно будет вернуться после того, как операция будет завершена.

— Они встречались?

— Да. Я тоже был на этой встрече.

— Где?

— В Сокольниках. В декабре 1935 года. Про... Пастух назначил нам встречу именно там.

— *Назначил...* Дожили... Царский офицер назначает встречу начальнику ИНО! Вам самому-то не смешно?

— Да как-то тогда не до смеха было... Он на месте встречи полпуда динамита заложил — не доверял нам.

— Даже так? И как он вас туда пригласил?

— Пришел ко мне домой. На лестнице ткнул наганом в спину и вошел следом.

— Вы об этом доложили?

— Сразу же. Мой рапорт был подан установленным образом. Лично товарищу Слуцкому.

— И где этот рапорт сейчас?

— Не могу знать, товарищ старший майор!

Пассов замолчал, перекладывая на столе бумаги.

Посидев так несколько минут, поднял голову:

— Как его имя?

— Мы так и не установили его до сих пор. На подобные вопросы нашего сотрудника, работающего с ним в непосредственном контакте всё это время, он так и не ответил. По документам прикрытия — отставной капитан кайзера Карл Готлиб фон Мекк.

— Небось рабочим не назвался... чую бывшего золотопогонника! И встречи все, надо полагать, в ресторанах назначает?

— Да. В ресторанах.

— Ага! За наши с вами, между прочим, трудовые денежки! А у нас их не так-то уж и много!

— Он сам за себя платит. Из своих денег. И наши расходы тоже оплачивает.

— Из каких-таких своих? Он что же, у станка стоит?

— Но он создал ряд коммерческих предприятий... в банках деньги у него лежат...

— Что он там делал? Спекулировал?

— Это тоже. Оружие продавал, снаряжение военное... товары всякие.

— Империалистам?

— Таких данных у нас нет.

— Других, как я понимаю, тоже... Да... подозревал я, что тут бардак

был... но чтобы такой... — Начальник пятого отдела ГУГБ покачал головой. — Сколько агентов он передал нам, по состоянию на сегодняшний день?

— Восемь человек. Один агент от сотрудничества уклонился.

— Вот как? И что же с ним сделали?

— Ничего. Живёт, как и жил.

— А придёт к нему гестапо — он про нас и расскажет...

— Но ведь до сих-то пор он про Пастуха никому не рассказывал?

— Они с ним — одного поля ягоды! Ворон ворону глаз не выклюет!

Ладно... Значит, так, товарищ майор! Что хотите делайте, но остальных агентов переключить на нас через три месяца! Это приказ!

— Есть, через три месяца, товарищ старший майор!

— Лишить этого золотопогонника возможности транжирить наши деньги!

— Есть!

— О завершении операции доложить мне лично!

— Слушаюсь! А... с Пастухом, что потом делать?

— Ну... он же от сотрудничества с нами отказался?

— Фактически мы работаем с ним уже почти два года...

— С человеком без имени и с неизвестной биографией! Он, может быть, рабочих в Гражданскую вешал, а вы ему руки жмете!

— Пастух с четырнадцатого года на загранработе.

— Что-то вы его так защищаете? С чего бы это? Ладно, с этим вопросом я сам разберусь... Идите, товарищ Филимонов...

Небольшое кафе на маленькой улочке в Бордо не могло сегодня похвастаться большим наплывом клиентов. Хотя солнце уже и пригревало достаточно ощутимо, желающих посидеть за уличными столиками нашлось немного. Всего один ранний посетитель неторопливо просматривал утреннюю газету, время от времени поглядывая на проходящих мимо людей. Провожал взглядами спешащих по своим делам молоденьких девушек, внимательно разглядывал подходящих к кафе мужчин. Убедившись, что все они следуют куда-то в другое место, снова возвращался к чтению.

— Вот, смотрите, Вальтер. Сидит человек.

— Вон тот?

— Ну, никого другого там же нет? Что вы можете сказать о выбранной им позиции?

— Спина у него прикрыта, сзади не подойти — стена. Сам он видит

всех, откуда бы они к нему ни подходили, ибо вход в кафе с этого места тоже просматривается. Справа от него столик, оттуда его не достать. Любой, кто захочет его повязать, должен будет идти спереди-слева, а там этот человек увидит, если кто-то к нему захочет подойти. В целом грамотно сидит.

— Уходить куда будет, в случае чего?

— Вариант номер один — по улице, справа переулок, метров двадцать всего. Вариант второй — через кафе, оно наверняка имеет выход на параллельную улицу.

— Имеет. И даже более того — хозяин кафе ежемесячно получает некоторую сумму денег за то, чтобы эта дверь всегда была бы открыта в нужный момент. А ключ от неё в это время должен торчать в замке. Зачем?

— Чтобы уходящий человек мог закрыть дверь за собой?

— Да. А около двери, в бумажном пакете на полке, должен лежать заряженный револьвер.

— Интересно придумано... А отследить обратную связь? В смысле — от хозяина кафе?

— Он не знает, для кого предпринимаются все эти предосторожности. Официальная легенда — для шайки международных мошенников, хозяин уже оказывал им различные услуги. Потом был ранен в перестрелке с полицией и от дел отошёл. Получил некоторую сумму денег, как раз на это кафе хватило. Все платежи получает официально — через банк, как проценты от положенных туда когда-то денег. Банк в Кантоне, попробуй проверь! Всю сумму он снять не может, даже если очень сильно захочет — вклад срочный, на двадцать лет. К счету уже лет десять никто интереса не проявлял, концов теперь не найти. Указания приходят по почте. Тот, для кого придуманы все эти меры предосторожности, хозяина кафе не знает — ему известен только порядок действий в случае опасности. Как искать станете?

— Да, Карл... каждый раз, когда вы поясняете мне схему очередного такого действия, я только руками развожу! Всё просто! Но сразу и не понять... Сколько же вы всё это готовили?

— Ну, во-первых, здесь меня зовут Валентином. Не очень-то местные жители жалуют немцев, да и хозяйка наша знает меня много лет именно под этим именем. Во-вторых, не только я. Многое и до меня уже было сделано. Кое-что, как вот это кафе, например, моя работа. Основная задача — поддерживать всю эту систему в работоспособном состоянии. Контролировать, проверять. Указания вовремя отдавать... Ладно, контрольное время прошло. Клиент наш уже третий раз сюда приходит и

никакого хвоста мы за ним не заметили. Пойдемте, будем знакомиться...

— А ещё один вопрос?

— Валяйте.

— Если не знаю уж каким образом, но хозяина кафе раскроют? Или он сам переметнётся? Не увяжут ли регулярность появления определённого человека с получением писем?

— Хороший вопрос. Для чего, как вы думаете, мы десять дней гуляем по городу?

— Для чего?

— Подобные письменные приказы были отданы в три разные точки. По получении такового хозяин точки даёт определённый сигнал. В данном случае — вон на том окне полуприкрытая занавеска. Видите?

— Да. Вижу.

— Так вот, мы проверяли факт получения сигнала. И, убедившись в том, что он получен и правильно понят, я назначаю агенту встречу. В произвольном, лично мною выбранном из этих трёх месте.

— То есть сюда никто может и не прийти?

— Именно так. А вычислять в подобном случае вероятного агента... выбирая его из случайно забредших на огонек людей... задача весьма нелегкая, если вообще решаемая.

Продолжая негромко переговариваться, оба собеседника неторопливо вышли из автомашины, пересекли улочку и вошли на террасу кафе. Дружелюбно кивнув хозяину, Проводник уселся за свободный столик, боком к единственному посетителю. Тот поднял на него скучающий взгляд. Газета в руках Карла как бы небрежным жестом указала на стоящий напротив кафе автомобиль. Скучавший посетитель, не торопясь, поднялся. Бросил на столик несколько монет и, подобрав свою газету, неспешным шагом скрылся в переулке.

Минут через двадцать, допив кофе, оба разведчика уселись в свою машину. Спустя несколько мгновений она тронулась с места и, свернув за угол, неторопливо покатила по улице. Туда, куда только что ушёл одинокий посетитель. Вскоре она поравнялась с ним, притормозила на мгновение... Хлопнула дверца, и машина набрала скорость.

— Ну, Петр Романович, здравствуйте! — протянул руку гостю Проводник.

— Рад вас видеть, мой друг! Не представите мне вашего спутника?

— Господин Вальтер. С настоящего времени с вами будет работать он либо кто-то другой, кого вам представят позже.

— А вы?

— У меня... будет другая работа.
— Что-то случилось? — встревожился новый пассажир.
— *Просыпаемся...*
— Есть приказ? — взволнованно спросил у Проводника агент.
— Есть.
— Чей?
— Генерального штаба.
— СССР?
— Другого Генерального штаба у России сейчас нет.
— Понимаю... — задумчиво побарабанил пальцами по стеклу пассажир. — Что ж... чего-то подобного я и ожидал... Ну, что могу сказать? Подполковник Росляков свой пост не покинет! Слушаю вас, господин Вальтер!

В маленький пансион на самой окраине Проводник и его спутник вернулись почти затемно. Пока Костриков ставил машину во двор, его старший товарищ уже стучался в дверь хозяйки:

— Мадам Жозефина? Прошу нас простить, что мы так надолго задержались! Увы... дела того требуют!

— Что вы, мсье Валентин! Я уже привыкла к вашим поздним появлениям... Вы, наверное, как и я, сова — любите работать по вечерам.

— Старею... Увы, но от этого тоже никуда не деться...

— В ваши-то годы? Не наговаривайте на себя, мсье Валентин! Вы ещё мужчина — хоть куда! Да, кстати! Вашего молодого друга спрашивал один мсье!

Проводник изобразил на лице удивление:

— Постойте... кто бы это мог быть? Гастон? Он сейчас в Италии... Огюст? Ну... возможно...

— Он сказал, что его зовут Фернан.

— Мсье Жиро? А он-то каким боком сюда попал? Хм... И где же он?

— Обещал заехать утром. Часов в восемь.

— Ну и славно! Вы приготовите нам завтрак на троих?

Утренний визитер оказался неожиданно пунктуальным. Без пяти восемь, сопровождаемый хозяйкой пансиона, он уже стучал во входную дверь. Открывший её Проводник отступил на шаг назад:

— Прошу вас, мсье Жиро! Будьте как дома! Мадам, — повернулся он к хозяйке, провожавшей гостя. — Я просил вас приготовить завтрак!

— Да, мсье Валентин! Через несколько минут! — И она заспешила вниз по лестнице.

Закрыв за нею дверь, Проводник обернулся.

— Вальтер! Выходите, поприветствуйте руководство! — И, повернувшись к вошедшему, серьезным голосом спросил: — Что-то случилось?

Майор Филимонов грузно опустился в кресло:

— Да как вам сказать...

Из соседней комнаты, пряча в карман пистолет, вышел Костриков:

— Здравствуйте, товарищ майор!

— Добрый день. У вас попить что-нибудь есть?

— Сейчас завтрак принесут... а так вина налить могу — у здешней хозяйки оно неплохое. Она его всем постояльцам бесплатно предоставляет.

— Наливайте...

Присевший на угол дивана старый разведчик блеснул глазами из-под прищуренных век — что-то пошло не так...

Солнце, щедро раскидавшее по окрестным улицам своё тепло, не обошло своим вниманием и этот небольшой пустырь. Жаркие лучики пробежались по зеленой траве, пощекотали сидевших на камнях собеседников. Филимонов снял шляпу и подставил свое лицо под солнце:

— Хоть погреюсь, а то из кабинета сутками не выхожу...

Сидевший рядом Проводник молча кивнул. Его трость чертила на земле замысловатые завитушки.

— Что скажете, Валентин?

— Да что ж такого я могу вам сказать? То, чего вы и без меня не знали бы? Как понимаю, нашему сотрудничеству наступил конец?

— Никто этого не говорил!

— Да бросьте, майор... Я школу не вчера закончил. Ладно, троих агентов за три месяца передать — это хоть и трудно, но выполнимо. А вот изъять деньги из обеспечивающих фирм... вы же их без связи оставите! Зачем тогда всё это дело?

— Связь мы постараемся обеспечить.

— Хорошее слово — постараемся! А она уже есть! Систему явок и подстраховки — тоже к свиньям собачьим под хвост?

— Постараемся сохранить и её.

— Ваши бы слова — да богу в уши! Сами-то в это верите?

— Увы... от меня тоже зависит не всё.

— Да понял я! На вас зла не держу! Что теперь мне агентам говорить? Добро пожаловать в объятия родины! И для начала — с шапкой на панель?

— Так ведь война...

— Это в Испании-то? А не хрен бы с нею, уважаемый? Каким боком

она здесь-то повылазила? Эти явки и фирмы с ТОЙ войны сохранили, не прожрали да на баб не пустили! А сейчас — всё коту под хвост?! Не понимаю... и не хочу... Или у *такого* государства на разведку денег не хватает? Вот уж не поверю-то!

— У нас приказ.

— У вас, уважаемый! А я в вашей конторе не состою! И жалованья от неё не получаю! России присягал — ей и служу по мере сил своих!

Они оба замолчали.

— Сколько у меня осталось времени? — не оборачиваясь, спросил старый разведчик.

— До конца операции совершенно точно время есть. Здесь я вас прикрою. Хоть и трудно мне будет это делать... И так уже смотрят косо.

Молодой мужчина в хорошем костюме вошел в дверь отеля. Приветливо кивнул портье, забирая ключ от номера. Равнодушно пролистал газеты на стойке и неторопливо поднялся к себе на этаж. Щелкнул замок двери. Бросив на кресло саквояж, мужчина снял пиджак и аккуратно повесил его на плечики. Распустив узел галстука, направился к столу, на котором стояло несколько бутылок. Придирчиво рассмотрев на свет одну из них, он откупорил пробку и плеснул на дно стакана немного янтарной жидкости. Но выпить ему не удалось — в дверь осторожно постучали.

— Да! Кто там?

— Коридорный, герр Дорфмайер! Вас спрашивают.

Поставив на стол бокал, он быстро скользнул к пиджаку. Секунда — и в его руке тускло блеснул браунинг. Дорфмайер прижался к стене слева от двери.

— Кто меня ищет?

— Внизу, в холле сидит какой-то господин. Он просил передать вам, что имеет для вас послание.

— Хорошо. Я сейчас приду.

Через минуту он уже стоял на верхней площадке лестницы, обводя взглядом полупустой холл:

— Ну и где же этот господин?

— Не знаю... — Растерянный мальчишка-коридорный топтался рядом. — Вон там сидел...

— И ушёл?

Мальчишка недоуменно развел руками.

— Ладно, — похлопал его по плечу постоялец. — В следующий раз

проводи его ко мне в номер.

Подойдя к двери, он, всё ещё покачивая головой, отпер дверь и вошел внутрь. Поворот выключателя — и, коротко мигнув, лампы потухли. Помянув черта, постоялец повернулся к двери.

— Господин Дорфмайер? — голос шел откуда-то из глубины комнаты. — Не надо открывать дверь...

— Кто здесь? — Обитатель номера совершенно не утратил присутствия духа. Пистолет в его руке настороженно ощупывал пространство перед собой.

— Скажем так — доброжелатель... Я не питаю по отношению к вам агрессивных намерений. Так что не надо направлять в мою сторону оружие, у меня оно тоже имеется.

— Зачем же тогда вы испортили освещение?

— Разумная предосторожность — не более. Монетка в патроне настенной лампы. Предпочитаю оставаться неизвестным. Долше проживешь... Поэтому я и попросил, чтобы мой помощник вызвал вас в вестибюль, не хотелось, чтобы запомнили моё лицо. А это было неизбежно, постучись я к вам в дверь просто так.

— Понятно. Увидев мой выход в вестибюль, вы прокрались в номер.

— Увы...

— Что вам угодно?

— Совсем недавно вы попросили об одной услуге господина Готлиба...

— Не знаю такого.

— А такое имя, как Хромой... говорит вам что-нибудь?

— В своей жизни я встречал немало хромых и одноруких, но у всех них имелись ещё и имена!

— Ваше поручение касалось господина по имени... Харон.

Дорфмайер вздрогнул. Но голос его по-прежнему оставался бесстрастным:

— И что с того?

— Увы... господин Готлиб скоростижно скончался... вместе со своими товарищами.

— Прискорбно, но я-то здесь при чём?

— Господин Хромой хотел бы заверить вас, что он совершенно не причастен к этому печальному происшествию. Более того, с аналогичной просьбой к нему обратились также и... совсем другие люди. Как он понимает, у них тоже возникли определённые разногласия с этим господином.

— И?

— Они попросили его о подобной услуге...

— Так... Что вы хотите от меня?

— Вы были первым...

— Но Готлиб получил деньги вперед!

— Именно поэтому. Мы не хотели бы показаться людьми без чести, оттого и пришли сначала к вам.

— Как вы меня... впрочем, понятно... Ваши условия?

— Бедняга Готлиб и его люди, они были хорошими ребятами. Остались семьи... жены. Это ведь стоит двух тысяч фунтов?

— Допустим.

— Нам не очень бы хотелось... хоронить ещё кого-нибудь. Ведь наверняка и у вас есть... э-э-э... опытные специалисты?

— Возможно.

— Мы могли бы указать вам, кого и где они могли бы встретить... Разумеется, совершенно случайно!

— И во что нам обойдется такая... случайность?

— Половина от того, что ушло на похороны бедняги Готлиба.

— М-м-м... это можно обсудить.

— Прощу меня простить, но на это нет времени. Мы... не отказали другим... заказчикам, но не можем тянуть время до бесконечности. Интересующее вас лицо будет по известному нам адресу уже через четыре дня. Недолго. Он намеревается отъехать, и мы не знаем куда.

— Хм... за такое короткое время мы не успеем подготовить деньги.

— Я оставлю здесь записку. В ней номер счета, на который надо будет перевести наш гонорар. Надеюсь, вам не надо будет об этом напоминать?

— За кого вы меня принимаете?!

— Отлично. Нам бы хотелось сохранить ровные и уважительные отношения с вашей организацией.

— И как я вас найду... после всего?

— В записке будет и эта информация. Как я понимаю, мы договорились?

— Да.

— Очень хорошо! — Скрипнул отодвигаемый стул. — Вас не затруднит отойти в сторону? Я бы хотел покинуть номер.

— Извольте. — Дорфмайер отодвинулся вдоль стены, не опуская оружия.

Незнакомец осторожно, стараясь не налететь на мебель, продвинулся к двери:

— Интересующее вас лицо имеет документы на имя Карла Готлиба фон Мекка, гауптмана в отставке. Через четыре дня он остановится в Дюссельдорфе, отель «Корона», что недалеко от моста Скагеррак-Брюгге. По нашим сведениям, он пробудет там два дня. До свидания, майн герр!

Хлопнула дверь. В упавшем из коридора луче света на мгновение мелькнула широкоплечая высокая фигура в надвинутой на лицо шляпе. Быстро прозвучали удаляющиеся шаги...

Из подъехавшего автомобиля быстро выскользнули несколько человек, мгновенно исчезнувших в темноте. Однако сидевший на переднем сиденье пассажир остался на месте, словно кого-то ожидая. Так оно и оказалось, через пару секунд около его окна бесшумно появилась темная фигура:

— Сэр...

— Что там, Хансен? Интересующий нас человек на месте?

— На месте, сэр. Прибыл около двух часов назад. Дважды спускался вниз, что-то спрашивал у портье.

— Что именно?

— Неизвестно. Никто из нас внутрь не входил, все наблюдения велись издали, с помощью биноклей.

— Прочие постояльцы?

— На первом этаже супружеская пара, заехали вчера. Через два номера — какой-то старик, живёт здесь уже дня три. Клиент на втором этаже, там занят только один номер, но его постоялец сейчас отсутствует. На третьем этаже занято четыре номера — моряки, двенадцать человек. Все на месте, пьют пиво внизу. Постоянно бегают туда-сюда.

— Двенадцать моряков... плохо. Будем ждать, когда они уйдут наверх. Если клиент попытается покинуть отель до этого, стрелять на поражение, он не должен уйти!

Томительно потянулось время. В раскрытых окнах первого этажа раздавались голоса подвыпившей компании, звон кружек и топот ног. Прошло около двух часов. Устав сидеть в машине, капитан Реллони вышел на улицу. Уже почти совсем стемнело, и он не опасался быть увиденным со стороны гостиницы. Взяв в машине бинокль, он пристроился около толстого ствола дерева. Напротив гостиницы располагался небольшой парк, что существенно облегчало задачу группе захвата — разглядеть в густых кустах хоть кого-нибудь было проблематично даже и днём.

Поднеся к глазам бинокль, капитан долго разглядывал сидящих за столами моряков. Попробовал пересчитать сидевших за столом людей, но гуляки постоянно двигались, менялись местами, и через некоторое время

затею пришлось оставить. Неожиданно в поле зрения появились ноги человека, спускавшегося по лестнице с верхнего этажа. Потом — и он сам. Высокий подтянутый мужчина, с явно офицерской выправкой. Оптика позволяла разглядеть недешевый, великолепно подогнанный по фигуре костюм. «Руки пусты, багажа нет — значит, ещё не уходит», — подумал капитан. Задержавшись около стойки, постоялец перекинулся несколькими словами с портье — тот в ответ отрицательно покачал головой. Визитер, сцепив за спиною руки, несколько раз прошелся вдоль окон, каждый раз четко, как на строевом смотре, разворачиваясь в обратном направлении.

«Харон...» — мелькнуло в голове у Реллони. Неуловимый и опасный враг сейчас находился от него на расстоянии выстрела. Эх, была бы тут снайперская винтовка! Увы... За оставшееся до момента засады время с трудом получилось наскрести дюжину грамотных парней. Даже из Гамбурга пришлось прихватить парочку, и из Берлина приехало трое крепких ребят, занимавшихся охраной резидентуры. Помогло вмешательство генерала... иначе и этих сил собрать бы не удалось. Но в данном случае безопаснее переборщить, нежели недооценить такого противника.

Харон тем временем перестал ходить вдоль стойки и снова поднялся наверх. Его уход словно послужил сигналом и для моряков — они тоже поодиночке стали покидать свои места. Прошло минут двадцать, и холл первого этажа опустел. Портье, добросовестно просидев на своём месте ещё немного, пригасил верхнее освещение. Теперь только лампа у него на стойке освещала часть холла. Дальние углы большого помещения тонули в полумраке. Начали гаснуть и окна в номерах, по-видимому, гомон матросов мешал спать и всем прочим постояльцам.

Почувствовав сбоку движение, капитан обернулся.

— Сэр... всё готово.

— У портье на стойке телефон. Позаботьтесь о проводах.

— Да, сэр. Я уже отправил шустрого парня — ждём только его возвращения.

На секунду Реллони смутился. Это опытные оперативники, хорошо знающие своё дело. А он лезет к ним с указаниями! Но, быстро поборов замешательство, он только молча кивнул лейтенанту и снова поднес к глазам бинокль.

Неподалеку от входа обозначилось движение. Что там?

Две бесшумные тени скользнули к входной двери, на секунду около неё задержались... Капитан не слышал отсюда звука, но мог бы поклясться, что его почувствовал. Переведя бинокль на портье, он не увидел у него

никаких признаков беспокойства — тот продолжал мирно подрёмывать. На секунду около его столика сгустилась тень...

Дважды моргнула лампа на стойке.

— Сэр... всё в порядке, путь открыт.

Оставив в машине ненужный более бинокль, Реллони вытащил из кармана револьвер. Пригибаясь и прячась за кустами, он подобрался поближе к дороге. Здесь, в кустах, притаилось основное ядро группы, у машин никого не оставили. Двое оперативников, отделившись от основной группы, зашуршали кустами — они должны взять на прицел окна. Мало ли... второй этаж — не так уж и высоко. Выждав ещё несколько минут, Хансен чуть прицелкнул пальцами. В ночной тишине этот звук разнесся неожиданно далеко!

По этому сигналу группа быстро пересекла дорогу и притаилась около крыльца. Один из оперативников осторожно постучал по дубовым перилам.

Раз...

Раз-два...

Раз-два...

В ответ раздалось три стука — путь свободен!

Вот и пустой холл. Тут тепло, пахнет табаком и ещё непонятным, но знакомым. Мокрая кожа... Капитан перевел взгляд на Хансена. «Вот и причина — у него на ногах мокрые сапоги. Где это он так?» — успел ещё удивиться Джаспер. Быстрый взгляд на стойку с ключами. Так, это первый этаж, второй — ага! Нет ключа с номером шесть — значит, Харон там... Похлопав командира оперативников по плечу, капитан указал ему на пустую ячейку. Дубликат нужного ключа нашли в столе у портье. Сам он лежал под столом крепко связанный — парни не церемонились.

Скрип ступенек... плеск воды? Стоявший наверху оперативник лил на деревянные ступени лестницы воду из ведра. Ага... это чтобы они не скрипели? Вот, стало быть, отчего у Хансена ноги мокрые...

Намокшие ступеньки действительно почти совсем перестали поскрипывать. Практически бесшумно группа поднялась на этаж. Оставив у лестницы двоих на случай прорыва сверху подвыпивших моряков, остальные двинулись по коридору.

Номер пять — дверь заперта, никого нет. Поворот — вон он, шестой номер! Не оборачиваясь, Хансен сделал жест, и его парни достали своё оружие. Непривычно толстые стволы револьверов (глушители) делали оружие каким-то мистически-необычным.

Встав на колени, один из охранников резидентуры (их можно было

узнать по добротным серым курткам) повернулся назад и взял на прицел коридор, по которому они только что пришли. Второй развернулся вправо и прошёл чуть-чуть вперёд, контролируя ту часть коридора, которая вела к другим номерам. Двое прижались к стене по бокам двери. Ещё один, тоже встав на колено, взял на прицел саму дверь.

«Как это у Хансена так всё выходит? Ведь люди почти незнакомы, вместе не работали, а показывают такой высокий класс! Ведь только одну тренировку и успели провести!»

Один из оставшихся парней, убрав оружие, взял в руку ключ. В другой же руке у него поблескивала масленка. Вот он прижал её к замочной скважине... Чуть слышный «бульк», и ключ бесшумно входит в замок. Негромкий щелчок... и, отпустив ручку, взломщик плавно, по-кошачьи отшатывается вбок.

Пять стволов нацелились на дверь...

На мгновение воцарилась абсолютная тишина — никто даже и не дышал. Осталось сделать всего один жест — открыть дверную створку. И всё сразу встанет на свои места. Если каждый сделал своё дело правильно — то никаких проблем не будет. А если нет? Кто-то мог хрустнуть веткой, скрипнуть ступенью лестницы, неловко опереться рукою на перила... Мало ли какой звук может вызвать подозрение у того, кто сейчас находится в номере? Ответ мог быть только один, и он станет ясен, когда будет открыта входная дверь. Это хорошо понимали все. На инструктаже перед началом операции капитан, ничего не скрывая, рассказал о том, что за человек сейчас ожидает их в номере.

— Это не сверхчеловек и не исчадие ада. Просто хорошо подготовленный специалист. Всех вас учили лучшие инструктора в мире! Но они учили и тех, кто уже пал от его руки. Стало быть, они недостаточно усвоили свои уроки. Вы — лучшие из тех, кого я когда-либо знал! И мне очень хочется после завершения этой операции пожать руки всем тем, кто сейчас стоит передо мной! Всем — без исключения!

Реллони почувствовал на себе взгляд — на него чуть покосился Хансен.

«Команды ждёт... — подумал капитан. — А ведь и он тоже волнуется! Надо же! Такой человек-кремень — и взволнован?»

Подавив все сомнения, Джаспер коротко кивнул. Открывавший дверь человек по команде своего начальника бесшумно распластался на полу, точно посередине прохода. Осторожно протянул пальцы левой руки к дверной ручке.

«Рискованно! Но тактически верно. Любой человек, увидев

открывающуюся дверь, автоматически поднимет глаза вверх, чтобы увидеть лицо входящего. Любой — и Харон не исключение из правила. Это условный рефлекс. И поэтому он не увидит лежащего на полу человека. И тот успеет выстрелить первым... Должен успеть!»

Тишина кончилась — пальцы лежащего сомкнулись на дверной ручке...

Чуть слышно, на пределе восприятия, скрипнула дверь. И к этому знакомому и привычному звуку прибавился новый — будто бы кто-то двигал по столу бутылку. Звук негромкий, отдалённый, но он был. Что это? Точно не скрип петель. К открывающейся двери он не относился.

Краем глаза Реллони увидел насторожившегося Хансена. Человек-камень тоже был настороже. Но ничего не предпринимал — этот звук опасности не таил.

«Наверное, на полу около двери стоит бутылка! — подумал капитан. — Если дверь толкнуть — бутылка упадёт. И разбудит спящего постояльца. Хитро... Но тут тоже не сопливые школьники...»

Дверь тем временем приоткрылась почти на ладонь — стал заметен неяркий свет луны, падавший в окошко номера. Налились тенями щелочки в паркете, проявились узоры на коридорных обоях.

Ещё немного...

Чуть слышный шорох! Легкое позвякивание...

И с верхней части двери внезапно упала вниз обыкновенная фаянсовая кружка. Не очень большая — только кулак засунуть. Ничем не закреплённая, она просто стояла сверху на двери — на воткнутой между нею и притолокой тонкой дощечке. Дверь открылась, дощечка перекосилась и упала наружу, увлекаемая весом стоящей сверху кружки, которая сейчас падала прямо на лежащего на полу сотрудника группы захвата.

«Возможно, звук удара будет не столь громким? — мелькнула в голове мысль. — Вот что там поскрипывало!»

Увы... падение кружки на пол стало ещё не самым неприятным сюрпризом... Пролетев всего полфута, она дернулась, на краткий миг задержавшись в воздухе, и снова продолжила свой путь.

А в воздухе, подвешенная на тонкой нити, в этом месте качалась овальная французская граната... та, которую они называют Ф1.

Словно в замедленном сне, Джаспер видел, как под действием пружины отлетает в сторону рычаг запала.

Хлопок!

Капсюль-воспламенитель!

Сейчас будет взрыв!

Первым опомнился Хансен. Наклонив голову, он, словно гигантский заяц, прыгнул вперёд, сбивая с ног капитана и закрывая его собой. Кто-то вскрикнул, кто-то вскочил на ноги и бросился наутек.

Поздно!

Коридор на мгновение озарился вспышкой.

Грохнуло!

С потолка посыпалась сбитая штукатурка и коротко вскрикнул лежащий сверху Хансен. Его большое тело как-то сразу потяжелело.

Вывернувшись из-под лейтенанта, Реллони пошарил рукою вокруг, разыскивая потерянное оружие. Не найдя его, оперся рукою об пол и постарался сдвинуть в сторону Хансена. Бросил взгляд на дверь в номер и замер...

Прямо посередине дверного проёма лежал оперативник — тот, что открывал замок. Он, несомненно, был мертв — взрыв произошёл в полутора метрах над его головой, он даже не успел ничего понять и почувствовать. Справа от него привалился к стене ещё один. Из разорванного осколками горла стекала кровь. Он ещё был жив — руки безуспешно пытались разорвать одежду на груди, чтобы дать умирающему телу воздуха. Поперёк ног раненого неподвижно лежал его товарищ. Этот был мертв — затылок разворотило осколками.

Стоявший слева от двери агент уцелел. Припав на колени, он стрелял в глубь комнаты, держа револьвер в левой руке — правая повисла плетью. Выстрелов слышно не было — на оружии стоял глушитель, да и в ушах ещё звенело от разрыва гранаты. Виднелись только вспышки, вылетающие из ствола оружия оперативника.

«Куда он стреляет? — успел подумать капитан. — Я никого не вижу...»

Его сомнения разрешились самым решительным образом. Из глубины комнаты бабахнул выстрел. Вспышка осветила стоявшую на боку кровать — из-за неё и выглядывал пистолет противника.

Стрелявшего сотрудника опрокинуло на спину, и он выронил свой револьвер. Дрогнув пол — из-за кровати выскочил человек в черной куртке, темных брюках и надвинутой на лицо шляпе. В два прыжка он оказался около двери и, припав на колени, выставил ствол пистолета в коридор.

Бах!

Проследив взглядом направление выстрела, Реллони увидел оседающего на пол человека — того, что ушел дальше по коридору, держать дальние номера.

Стрелявший вскочил на ноги, в его левой руке появился ещё один пистолет. Сухо протрещали выстрелы, и лежащие вокруг двери тела, задергались от попаданий. Противник не хотел получить пулю в спину и таким образом подстраховывал себя. Досталось и капитану — пуля пробила ногу. Громадным усилием воли он сдержался, чтобы не закричать. Повезло — тело Хансена прикрывало его почти полностью, виднелись только ноги.

Не оглядываясь, стрелок бросился вперёд.

«Ничего, — подумал капитан, — там ещё трое, и они готовы к бою...»

Увы, но противник, как видно, тоже предусмотрел такую возможность. Перед самым выходом он вдруг сделал резкое движение рукой.

«Граната!»

За поворотом грохнул взрыв, подтверждая догадку. В ответ зачастили выстрелы — кто-то из сотрудников ещё был жив.

Снова затрясся пол, стрелок бросился назад. Когда он пробежал мимо капитана, тот успел рассмотреть его профиль. Свет луны, падавший из разбитого окна, давал возможность немного разглядеть лицо стрелявшего. Это, несомненно, был тот человек, которого Реллони наблюдал в бинокль.

Беглец скрылся за поворотом.

Секунда, другая, и щеку Джаспера обдало прохладным ветерком. Потянулись к выбитому окну клубы дыма, застилавшие коридор.

— Он уходит! — гаркнул капитан во весь голос. — Открыл дверь в другой номер!

Со стороны холла выскочили два человека. Держа коридор под прицелом, они осторожно продвигались вперёд. Один из них прихрамывал на правую ногу.

— Туда! — вытянул руку офицер. — Он убежал за угол!

— Там Джерри!

— Он убит, вон лежит его тело!

Со стороны, куда убежал стрелок, вдруг захлопали выстрелы.

— Томас! — крикнул раненый. — Это он! Тот тип хочет вылезти в окно!

— Вперёд! Не дайте ему уйти! — приподнялся на локтях капитан. — Оставьте меня — это приказ!

Выставив своё оружие вперед, оба сотрудника группы захвата бросились туда, где слышалась звуки перестрелки.

Но не успели они сделать и нескольких шагов, как пол снова дрогнул под их ногами — в той стороне, куда убежал Харон, раздался взрыв.

Как ножом обрезало стрельбу.

Переглянувшись, оба сотрудника, не таясь более, бросились вперёд. Спустя несколько секунд они снова появились в коридоре:

— Сэр! Вы должны это видеть!

Когда поддерживаемый оперативниками капитан появился в дверях номера, там уже разгорался небольшой пожар. Горели занавески и опрокинутая взрывом мебель. По-видимому, разрыв гранаты сбросил на пол висевшую на стене (на случай перебоев с электричеством) керосиновую лампу и зажег разлившийся керосин. Неяркие вспышки пламени освещали лежавшего ничком человека.

— Переверните его...

— Сэр, надо уходить! Тут опасно!

— Переверните!

Один из сотрудников, отпустив офицера, подскочил к телу. Отворачивая лицо от языков огня, он потянул лежащего за руку. Его тело перевернулось на спину.

Та же черная куртка, брюки... только шляпы нет — сорвало взрывом. Пуля попала ему чуть ниже правого глаза, надо думать, чуть под углом. И оттого сильно разворотила лицо, хотя некоторые черты ещё можно было разглядеть.

— Видать, хотел гранату вниз бросить, — проговорил поддерживавший офицера оперативник, — да Томас молодец — опередил... Надо уходить, сэр!

— Как там? — мотнул головой в сторону лестницы капитан.

— Лоример убит — граната взорвалась в ярде от него. Остались только вы, сэр, и, кроме нас двоих, ещё ребята на улице.

Повиснув на плечах у своих спутников, Реллони выбрался на улицу. Боль в ноге была адская, и в глазах стало совсем темно. Кое-как они спустились с лестницы и поковыляли в сторону своих автомобилей.

— Стоять! — Яркий свет фонарей ослепил всех троих. — Руки вверх! При попытке сопротивления откроем огонь!

— Полиция, сэр... чертовы боши... и как только они успели... — выругался стоявший слева от капитана боец. — Надеюсь, хоть парни успели убежать...

— Выполняйте приказание... — устало проговорил Джаспер. — Нам нечего стыдиться — своё дело мы сделали...

Выдержка из приговора Военной коллегии Верховного суда СССР

...занимая ответственные должности в НКВД, бывший

майор Филимонов О. И. не только не способствовал своевременному расследованию совершаемых врагами Советской власти преступлений, но в ряде случаев прямо покрывал таковых преступников. Так, в декабре 1935 года он, вступив в преступный сговор с бывшим офицером царской армии Федотовым И. Н., используя своё служебное положение, помог ему скрыться от следствия и суда за границу. Указанный офицер разыскивался органами НКВД по обвинению в совершении ряда тяжких преступлений на территории СССР...

...в 1936 году Филимонов О. И., выехав в загранкомандировку, вступил в контакт с Федотовым И. Н., продолжив тем самым свою преступную деятельность, направленную на подрыв мощи Советского государства. Для этой цели ими была создана устойчивая преступная группировка из лиц, имеющих криминальные наклонности. В результате их деятельности были похищены значительные суммы денег в иностранной валюте, находившиеся на счетах различных зарубежных организаций и предназначенные для финансирования зарубежной деятельности НКВД...

...На основании вышеизложенного и руководствуясь ч. 12 ст. 58., ст. 116 и ст. 109 УК СССР, Военная Коллегия Верховного Суда СССР постановила:

1. Признать гр. Филимонова Олега Ивановича, 13.01.1901 года рождения, русского, из рабочих — виновным в совершении указанных преступлений.

2. Назначить Филимонову Олегу Ивановичу наказание в виде 10 (десяти) лет лишения свободы...

Май 1940 года.

Москва, Лубянская площадь

— Разрешите войти, товарищ народный комиссар?

— Что у вас? — поднял голову хозяин главного кабинета НКВД.

— По вашему приказанию доставлен заключённый Филимонов.

— Филимонов... Филимонов... Ага! — Берия вытащил из стопки папок на приставном столике одну из них. Открыл и просмотрел первую страницу. — Так! Давайте-ка его сюда!

Вошедший в кабинет человек весьма отдалённо напоминал прежнего молодцеватого чекиста. Осунувшееся и постаревшее лицо, преждевременно поседевшие волосы, дрожащие руки...

— Садитесь! — Хозяин кабинета указал на стул.

Заключённый грузно опустился на предложенное место.

— Подождите там... — кивнул конвоирам на дверь нарком.

Сидевший на стуле человек оставался безучастным.

— Эк вас... — покачал головою Берия. Нажал кнопку на столе.

В открывшейся двери появился секретарь.

— Чаю! И к нему что-нибудь... — неопределённо повертел в воздухе рукой глава НКВД. — Яблок, что ли, принесите, лимон кусочками нарезать...

После двух стаканов крепкого и сладкого чая, сдобренного большой долькой лимона, бывший чекист слегка ожил.

— Пришли в себя? — поинтересовался нарком.

— Да... гражданин народный комиссар.

— Так... — Хозяин кабинета взял в руки лист бумаги. — Зачем вас сюда вызвали, знаете?

— Нет...

— Значит, так, товарищ майор! Дело ваше пересмотрено и все обвинения с вас сняты. Вам возвращаются прежнее звание и должность. Вопросы есть?

Стакан задрожал в руке майора, расплёскивая своё содержимое. С трудом сдержав себя, Филимонов поставил его на столик и обхватил ладонями лицо. Так он просидел несколько минут. Нарком не мешал, просматривая бумаги в папке:

— Успокоились?

— Так точно, гр... товарищ народный комиссар!

— Тогда — к делу. Отдых вам будет предоставлен. Поправьте здоровье, вы мне нужны не таким вот доходягой, а нормальным, крепким сотрудником. Мой секретарь выдаст вам документы, фото на них сделают чуть позже, когда лицом поправитесь. Пожелания какие-нибудь есть?

— Никак нет.

— Ой ли? — Нарком прищурился. — Кстати, квартиру вам вернут прежнюю, там никто так и не жил всё это время.

— Спасибо, товарищ народный комиссар!

— Перед тем как вы покинете этот кабинет, прошу ответить на один вопрос.

— Слушаю вас, товарищ народный комиссар!

— Кто такой Проводник?

— Офицер разведки Генерального штаба царской России. Отвечал за безопасность и нормальное функционирование значительного числа

агентов разведки в Европе.

— В каких странах?

— Австрия, Германия. Франция, Бельгия. Им была существенно расширена система обеспечения деятельности данных агентов, разработаны сигналы оповещения, уникальная схема связи... да и многое другое.

— В чем состояла её уникальность?

— Он использовал для передачи данных систему межбанковского обмена финансовой информацией. Мы так не умеем... не умели...

— Не умеем — здесь вы правы. Что стало со всей этой системой?

— Она... в значительной мере опиралась на...

— ...уголовников? Знаю. И всё-таки?

— По приказу руководства... мы... вывели деньги со счетов и из подконтрольных фирм. Не знаю, но... она могла и пострадать.

— Скажите уж прямо — поломали все к чертям! — Нарком раздраженно постучал по столу карандашом. — Ладно... кое-что мы уже начали восстанавливать. Костриков ваш сильно помог — хорошая память у него оказалась!

— Да... он был многообещающим сотрудником.

— Почему был? И сейчас есть, встретитесь ещё... Хорошо, об этом вы с ним поговорите, подскажите кое-что... Где Проводник сейчас?

— Погиб. На него была открыта охота по всей Европе — англичане только что землю не рыли!

— Точно?

— Я читал официальные сообщения.

— А неофициальные? Такие люди просто так не уходят, товарищ майор!

Филимонов замолчал, что-то обдумывая.

— Вы с ним встречались незадолго до его гибели, — утвердительно сказал Берия. — Не может быть, чтобы такой дальновидный человек не рассчитывал своих действий на пять шагов вперед! Уже тогда он что-то знал, я уверен! Не тороплю вас, подумайте, вспомните малейшие детали вашего разговора.

— Я... я постараюсь, товарищ народный комиссар!

— Учтите, товарищ Филимонов. — Берия встал, давая понять, что разговор закончен. — Этот человек нужен мне здесь! Очень нужен! Не его деньги, которые у Проводника наверняка остались. Не его связи — их можно восстановить или найти новые. Не его разведсеть — свою создадим рано или поздно. Мне нужна его голова! Умная голова — такие в наше

время редкость. Его образ мыслей, если хотите! Мы тут тоже не сидели сложа руки, выяснили кое-что... Нам нужны такие специалисты. Много! И он будет одним из тех, кто нам поможет это сделать!

— Олег Иванович! — Вошедший в комнату человек распахнул объятия. — Наконец-то! Я уже тут вас заждался! Сообщение ещё когда пришло — а вас всё нет...

— Здорово, Олежка! — Филимонов похлопал Кострикова по спине и опустился на стул. — Слаб я ещё был... неделю в себя приходил...

— А сейчас?

— Нормально... жить можно. Да и не время нынче для отдыха, сам знаешь...

— Знаю. — Гость присел рядом. — У нас тут тоже... словом, не до отдыха.

Оба чекиста помолчали.

— Как... там? — указав на восток, спросил младший.

— Хреново... в последнее время хоть что-то меняться стало, а так... Да и сам всё видишь.

Костриков сжал губы:

— Да уж... меня-то вообще чудом пронесло. Пришлось в Китай отъехать, наследство нашего общего знакомого оприходовать. Пока туда, пока сюда, да и там времени много ушло... Словом, когда вернулся, выяснилось, что и на меня такая же бумага имелась. Да только при нынешнем наркоче её похерили, мол, ошибка вышла. Так что спас Проводник меня, сам того не ведая.

— Не факт, — покачал головою майор. — Зная его привычку планировать всё на несколько шагов вперёд, ничему уже не удивлюсь.

— Ну вы и скажете тоже! Послушать, так он и мой возможный арест просчитал?

— Не знаю как твой, а вот со мною — как в воду глядел! При последней нашей встрече так прямо и сказал: для меня, говорит, тюремная решётка — не могильная плита, да и из-под неё я подальше других видеть могу. А вот для вас, майор, это конец всему! За предупреждение, говорит, спасибо, только и вам советую вперёд заглянуть — что там ожидает? Не поверил я тогда ему...

— Да... умный был мужик...

— Был?

— А то ж! Вам-то я официальное сообщение отослал, а вот здесь по этому вопросу долго ещё бурление происходило. Кто уж тут только не

потоптался! Да и то, шутка ли сказать — не просто перестрелка бандитская, а ещё и с гранатами! Гостиницу вообще еле потушили! Здесь подобных случаев давненько не помнят.

— А что писали в газетах?

— Могу подшивку дать, сохранил.

— Это уж само собой! — отмахнулся рукой майор. — Почитаю и полистаю... Мне твоё мнение важно! Сам что думаешь? Ведь рядом с ним почти год провёл!

— Хм... Ну, начнём с того, что в гостинице точно был он. Знаю это доподлинно — у него там встреча была назначена. Сомневался Карл в том человеке, оттого и меня с собою не взял — рисковать не хотел.

— Это в одиночку-то он без риска обойтись хотел?

— Так, Олег Иванович, ты же этого волка и сам знаешь! Да и не хотелось ему мной рисковать — со всеми агентами я знаком, кто на связь выходить станет, ежели что произойдёт? Так что, как номера оплатили — так я из города и уехал...

— Номера?

— Ну да... — удивленно посмотрел на Филимонова его молодой товарищ.

— Не один номер?

— Два. На одном этаже, но в разных концах коридора. Обязательно — не выше второго этажа. Проводник всегда так поступал в опасных случаях. Кто-то снимал второй номер и передавал ему ключ. Там можно было спрятать что-нибудь...

— ...или обеспечить запасной путь для отхода... Хитро! Так это он, стало быть, туда и бросился бежать?

— Туда.

— Ладно... дальше давай!

— Скандал тут вышел жуткий! Англичане в дерьмо вляпались по самую шею! Газеты на них уж как только не отрывались! Уцелевшим агентам такие неслабые срока влепили! Так что из тюрьмы выйдут сразу на пенсию. До Британии отголосок докатился основательный — генерала Доу со скандалом выперли в отставку. Без пенсии, что интересно! Мужик такого оскорбления не вынес и через полгода пустил себе пулю в лоб.

— Смогли, значит, немцы британские ушки ухватить?

— Да ещё как крепко! Те ещё и в гостиницу не вошли, а из полиции туда уже три грузовика с шуцманами направились — предупредил их портье по телефону.

— Глазастый парень оказался!

— И сообразительный. Увидев в кустах шевеление, быстро два и два сложил, телефон под стойку уволок — и ну названивать! И про пулемёт наплел, и про запах керосина — всех на уши поднял, даже пожарные прикатили, оттого, кстати, и дом не до конца сгорел. А уж когда его, после всего, газетчики на куски разрывать стали... Как же — единственный свидетель страшного преступления! Денег он на этом прилично заработать сумел.

— Фантазёр...

— Думаю, что направление развития этих фантазий ему своевременно подсказали.

— Проводник?

— Больше некому. Раз уж он входную дверь заминировать успел, то наверняка что-то к тому времени почуял.

— Интересный у этого портье талант... Может быть, поучимся?

— Далеко ехать предстоит.

— То есть?

— Как у парня денежки зашевелились в кармане, так и дёрнул он в далекие края — в Аргентину. Там у него вдруг тетка появилась — видать, в газетах знакомое имя прочла.

— Стало быть, эту ниточку нам обрубили... — Майор задумчиво потёр подбородок. — Хреново... На похоронах кто-нибудь из наших был?

— Нет. Да и зачем? Журналисты всё подробно расписали, словно сам там побывал. Гауптмана фон Мекка во всех ракурсах запечатлели — хоть картину пиши!

— Постой! Так ведь этот гауптман...

— Абсолютно реальное лицо. На похороны даже сослуживцы бывшие приехали — их газетчики нашли. Такую речугу один задвинул — закачаешься! Про коварный Альбион и мужество истинного немца. Женщины аж рыдали!

— И его опознали?

— Безошибочно. У него на левом бедре шрам от ранения. Даже историю болезни подняли — совпало! — всплеснул руками Костриков.

— А по лицу?

— Скорее, по тому, что от него осталось. У него же граната рядышком рванула! Тут категорически подтвердил лишь портье да один из моряков — мол, ходил он мимо него да ботинками скрипел громко, вот и запомнился.

— Моряк — это здорово! Небось тоже уже уплыл?

— Не знаю...

— Ладно... Где могила фон Мекка?

Сегодня погода не задалась. Низко нависшие облака спрятали солнце, и оттого и так не слишком веселое место казалось ещё более мрачным, чем было в действительности. На пригородном кладбище людей почти не было, лишь в отдалении виднелись одинокие фигурки случайных посетителей.

По аккуратной, посыпанной желтым песком дорожке неторопливо шли два человека. Строгие темные пальто, траурные повязки на рукавах — по-видимому, они недавно провожали в лучший из миров какого-то близкого человека. Теперь эта тягостная процедура осталась позади, и они собирались покинуть это тихое место.

— Смотрите, друг мой, — указал старший из спутников. — Вот, слева — памятник капитану-цур-зее фон Холтеру. А знаете ли вы, что в могиле никого нет?

— Почему?

— Его корабль не вернулся в порт — пропал без вести. И только спустя год, на побережье нашли разбитую шлюпку и в ней — капитанскую фуражку с инициалами фон Холтера. Вдова распорядилась похоронить её здесь и поставить этот памятник...

Слушай беседу посторонний человек, он ни на секунду не усомнился бы в том, что старший из мужчин уже не раз бывал на этом кладбище и сейчас пересказывает своему товарищу историю данного места. Правда, подобные сведения можно было бы отыскать и в туристическом путеводителе... Но кто из нас не позволяет себе таких маленьких хитростей?

Продолжая негромкую беседу, оба прохожих подошли ещё к одному ряду могил.

— Смотрите, Герберт! — указал рукою младший из них. — А вот про это надгробие могу рассказать уже я!

— Вы бывали тут раньше, Вальтер?

— Нет, но я видел фото в газете! Это могила Гауптмана фон Мекка!

— И чем таким знаменит этот офицер? — с легкой долей пренебрежения спросил его товарищ.

— А вот спросите хоть у смотрителя! — ткнул рукою Вальтер в сидевшего на скамейке человека в строгом одеянии и фуражке.

Услышав, что к нему обращаются, тот поднялся и отвесил уважительный поклон. Сохранившаяся выправка и подчеркнуто опрятный внешний вид выдавали в нем отставного солдата.

— Чем я могу быть вам полезен, майне херрен?

— Э-э-э... — с сомнением посмотрел на него Герберт. — Вот, мой

коллега уверяет, что я должен был видеть этот памятник в газете... Чем же он таким знаменит? Гауптман... возможно, что и достойный человек... но...

— Прошу извинить меня, мой господин, но ваш товарищ прав! Гауптман фон Мекк погиб в бою с превосходящими силами противника, нанеся ему тяжкие потери!

— Война... — развел руками старший из прохожих. — Мы все исполнили свой долг!

— Посмотрите на дату, любезный господин!

— А что в ней не так? — подслеповато взгляделся в табличку тот. — Не вижу...

— А вы подойдите поближе...

Герберт не заставил себя упрашивать и вскоре разглядывал надгробие почти вплотную:

— Хм... тридцать восьмой год? «Пал смертью храбрых в битве с английскими солдатами?» Где ж это он погиб?

— Здесь, в Дюссельдорфе, и погиб, — наклонил голову служитель. — Вступил в неравный бой с английскими шпионами и убил семь человек! А оставшиеся не успели убежать и были задержаны полицией.

— Надо же! — удивлённо покачал головою прохожий. — Истинно немецкий офицер! Я смотрю, за могилой ухаживают...

— Да, мой господин. Сослуживцы покойного пожертвовали на эти цели некоторую сумму...

— И я хотел бы внести свою скромную лепту, — достал свой бумажник Герберт. — Вот, прошу принять...

— И что вы там такого увидели? — поинтересовался Костриков, когда они, выйдя из ворот кладбища, свернули за угол. Траурные повязки уже исчезли с рукавов их одежды и упокоились в ближайшей урне.

— На фотографии покойного есть надпись... «01.1936».

— Есть, — подтвердил молодой чекист. — Спросили бы меня, я бы вам давно про это рассказал.

— А что обозначает это число?

— Дата съёмки?

— Это в летней-то полевой форме? На фоне берёз?

— Гм... да...

— Первая наша встреча с Проводником состоялась одиннадцатого января тридцать шестого года. Именно столько рейхсмарок — одиннадцать, я и отдал служителю.

— Вы хотите сказать...

— Именно, мой друг! Это сигнал! Не вам — мне. Или тому, кто знает об этой встрече.

— И теперь нам предстоит...

— Ждать ответного послания.

Заходящее солнце бросало свои теплые и ласковые лучи на покатые крыши домов небольшой горной деревушки. Здесь, совсем недалеко от Берна, время, казалось, замерло. И если бы не электрические провода, тянувшиеся вдоль улицы, вполне можно было представить себе, что на дворе не двадцатый, а какой-нибудь семнадцатый век. Откуда-то доносился негромкий перезвон — с пастбища возвращались коровы, и их колокольчики тихо бренчали в такт неторопливым шагам животных.

Лавируя между ними, на улице появился велосипедист — молодой парень лет пятнадцати. Через плечо у него висела кожаная сумка с эмблемой почтовой службы. Ловко обогнув бредущее стадо, он подрулил к ограде одного из домов и, спешившись, окликнул возившегося в саду седого старика:

— Добрый вечер, герр Айвен!

Тот, подслеповато прищурившись, поднес раскрытую козырьком ладонь к лицу:

— А-а-а, молодой Томас! Давненько не заезжал ты ко мне в гости! Заходи, порадуй старика...

— Непременно, герр Айвен! — Паренек прислонил к ограде свой велосипед, отряхнул брюки от дорожной пыли и, осмотрев себя, толкнул калитку. Мелодично звякнул колокольчик.

Старик уже спешил ему навстречу:

— Что хорошего ты привез мне на этот раз, мой мальчик?

— Ваши газеты, мой господин! — вытащил из сумки толстую пачку юный почтальон. — Письма.

На скамейку около ворот легли несколько конвертов.

— А вот этот пакет, — вытащил Томас из сумки бандероль из плотной бумаги, — наверное, из банка. Вот, видите — на нём штемпель «Лионского Кредита»!

— От твоих молодых глаз трудно что-нибудь укрыть! — улыбнулся старик. — Угостить тебя кофе? Я сегодня открыл новую банку с вареньем!

Мальчишка облизнулся:

— С огромным удовольствием, мой господин! Но я должен ещё отвезти судебную повестку старому Питеру... А он сейчас наверху...

— Но уж небольшую баночку моего варенья ты обязан взять! — поднял старик указательный палец. — Обожди, я не задержу тебя надолго...

Получив вождеденный сладкий подарок, паренек вскочил на велосипед, и вскоре только задорное треньканье звонка напоминало о его появлении.

Покачав головою, старик поднял со скамейки газеты, сунул в карман передника конверты и направился к дому.

— Саша! — крикнул он, входя в просторную гостиную первого этажа. — Почта пришла!

На втором этаже послышался звук шагов, и по лестнице спустился Проводник. Он был одет совершенно по-домашнему, лишь легкая курточка наброшена на плечи.

— Опять мальчишка приезжал?

— А кто ж ещё? — пожал плечами старик. — Вилли месяц назад сломал ногу, вот Томас и выполняет его работу — надо же помогать отцу? А мальчишке это только в радость — лишний повод задрать нос перед сверстниками!

Александр легко сбежал вниз и принял из рук своего отца пачку газет:

— Я бы их и сам принёс...

— У меня ещё достаточно сил! — возразил тот. — Покопайся с моё в земле — такие мускулы заработаешь!

Но сын его уже не слышал, подхватив интересующие его письма и несколько газет, он умчался наверх.

Покачав головою, старик вернулся к прерванному занятию. Провозившись в саду ещё около часа, он с сожалением отложил в сторону инструменты и, ополоснув под умывальником руки, пошёл к дому.

Сына он обнаружил в кабинете. Тот молча сидел перед столом, глядя на разложенные на нём бумаги. Приглядевшись, отец Проводника подошел к шкафу и, вытащив из него бутылку с вином, наполнил им два стакана. Поставил один из них на стол, а со вторым уселся в любимое кресло у камина:

— Что случилось, Саша?

Вместо ответа Проводник протянул отцу вскрытый конверт.

«...в пятницу могилу вашего товарища посетили двое господ, заинтересовавшихся его историей. Старший из них оказался весьма тронут моим рассказом и пожелал внести одиннадцать марок для содержания памятника...»

— И? — вопросительно повернулся старший Шведов к своему сыну.

— Это сигнал, папа... Меня ищут.

— Кто?

Александр протянул руку и вытащил из стопки газет одну. Развернул и показал на фотографию человека в пенсне:

— Это он...

— Народный комиссар внутренних дел СССР Лаврентий Павлович Берия... Грузин?

— Мингрел.

— Неважно. Ты уверен?

— Только он мог узнать некоторые подробности. Либо найти того, кому они известны. Человека, имеющего опыт общения со мной.

Старик отвернулся к окну и некоторое время просидел, глядя на заходящее солнце.

— Ты хочешь... вернуться?

— Война у порога, папа...

— Знаю. Но ты... ты не уходил с неё почти двадцать пять лет! Это достаточный срок!

— Это наша родина, отец. Не самая ласковая и не всегда приветливая... но я служу ей *очень* давно. И по-другому... не могу. Тебе ли это рассказывать?

— Нет. Шведовы всегда выполняли свой долг честно и до конца, здесь я ничего не могу тебе возразить. Но... может быть, ты не будешь... так спешить?

Проводник кивнул на стопку газет:

— Ты ведь тоже умеешь читать между строк. Как много времени у нас осталось до её начала?

Плечи отца поникли. Он сгорбился в кресле, и только сейчас стало отчетливо видно, как он постарел.

— Папа...

— Не надо, Саша. Я тебя понимаю. И не осуждаю. Но хоть пару-тройку дней ты ещё можешь провести со мною?

— Разумеется!

— Завтра сходим на кладбище. Надо будет отнести цветы на могилу матери. Когда ещё ты сможешь это сделать снова?

Телефонный звонок.

— У аппарата.

— Добрый день, фройляйн! Я хотел бы услышать господина Огенброка.

— Простите, но он сейчас отсутствует.
— Ах, какая жалость! У меня поезд через час, и я думал, что смогу его повидать...
— Увы, мой господин, ничем вам помочь не могу.
— Жаль! Очень жаль! Ну, ничего не поделаешь... Прошу извинить меня за беспокойство, фройляйн!

— Олег Иванович! — ворвавшись в комнату, с порога выпалил Костриков. — Проводник!

— Что Проводник? Где? — поднял голову от бумаг Филимонов.
— Сигнал от него! Мне назначена встреча на вокзале. Завтра, в восемь утра.

— А теперь садись, — кивнул на кресло майор. — И спокойно мне всё объясни.

— Ко мне в контору был звонок. Незнакомый спросил господина Огенброка.

— Тебя.

— Совершенно верно. Фрида ответила, что меня нет на месте. Звонивший высказал свое сожаление по этому поводу и сказал, что скоро уезжает и не сможет меня увидеть.

— И что же?

— Этот код мы с Проводником разработали достаточно давно. Вид транспорта, на котором должен уехать звонящий, обозначает место встречи. В данном случае — это вокзал. Уезжает — стало быть, около касс. Через час — это значит, что ко времени звонка надо прибавить двенадцать, плюс ещё один час. Итого — в восемь утра. Звонящий не представился — значит, мы знакомы.

— Дошла, надо полагать, весточка из-под могильной плиты...

Вокзал Гамбурга даже и ранним утром напоминал разворошенный муравейник. Спешили по своим делам служащие железной дороги. Неторопливо шествовали важные пассажиры первого класса. Мелкой рыбешкой сновали в толпе вездесущие мальчишки.

Прогуливавшийся около билетных касс Костриков внимательным взглядом процеживал проходящих пассажиров и прочую публику. Не то... всё не то... никого похожего не видно.

— Нет никого?

— Нет... — Спohватившись, он еле сдержал себя и медленно повернул голову. — Мы знакомы?

— Моё имя Герхард Штройбер. Мы с вами встречались на торговой ярмарке в Вене.

— Очень приятно, герр Штройбер! Кофе?

— Не откажусь...

— Сколько у вас лиц, Харон? — Откинувшись на спинку стула, Филимонов скучающим взглядом обозрел помещение небольшого кафе. — Каждый раз, когда я вас вижу — это другой человек!

— Много, майор... Или вас уже успели повесить? — Проводник отхлебнул кофе и покачал головой. — Совсем совести нет у людей! Назвать эту бурду именем благородного напитка!

— Хороший кофе вы теперь в таких забегаловках не найдёте.

— Пожалуй, — согласился его собеседник. — К делу?

— Давайте.

— Хочу выразить свое восхищение вашими талантами! Как вам удалось уйти?

— Куда?

— Точнее — откуда. Из гостиницы. Ведь все же видели мертвое тело! Его опознали!

— Опознали гауптмана фон Мекка. Кавалера многих орденов и члена «Стального шлема». Между нами говоря, покойный был изрядным негодяем! На том свете черти небось все жданки съели, его ожидая. Он приехал в гостиницу чуть раньше меня. Гауптман был кокаинистом и ожидал очередную партию этого зелья. Фон Мекк кокаин не только потреблял, но и перепродавал. Оттого и спускался вниз так часто — ждал звонка. Заодно и дал возможность англичанам себя рассмотреть. А я, сняв номер, вышел на улицу перед его приездом. И вошел назад вместе с матросами, портье меня и не заметил.

— Или сделал вид...

— Возможно. Так вот, к началу штурма фон Мекк уже давал отчет в своих действиях святому Петру.

— И не жалко вам его было? Всё-таки человек...

— Наркоман.

— Понятно...

— Мне осталось только перетащить его тело в пустой номер и приготовить всё для инсценировки.

— А откуда вы знали, что англичане посадят стрелка у вас под окном?

— Это же британцы! Прямолинейные, как столб, и столь же предсказуемые! Стрелки просто *обязаны* были где-то там сидеть! Их так

учат!

— Хм...

— Пальнув из пистолета вниз, я спровоцировал ответные выстрелы. Оставалось только сунуть гранату под труп фон Мекка и зажечь разлитый заранее керосин. Сделав это, я ушел в соседний номер — ключ у меня был. Ну а из гостиницы выбежал во время пожара, когда все покидали дом.

— Как всё просто...

Тут уже хмыкнул Проводник:

— Ладно, вы же меня не для выяснения этих обстоятельств искали? Не уверяйте, что только любопытство погнало вас в такую даль...

Спецсообщение.

Горбунову

Встреча состоялась. Наши предложения приняты. Ожидаю ваших указаний.

Путник.

— Слушаю, товарищ народный комиссар! — На пороге большого кабинета появился секретарь.

— Чернова мне отыщи.

— Есть!

Когда старший майор Чернов постучался в дверь наркома, тот стоял у окна и смотрел сверху вниз на площадь.

— Заходи, Михаил Николаевич! Присаживайся... — Берия неторопливо обогнул стол и опустился в кресло. — Какие соображения по известному вопросу?

— Проект приказа я подготовил. — Чернов положил на стол тонкую папку. — Но есть множество вопросов... В частности, по инструкторскому составу.

— А именно?

— Нет ясности с инструктором оперативно-тактической подготовки, по минно-подрывному делу... с рядом других. На кого возложим общее руководство?

— Да имеется у меня один кандидат... — Нарком открыл взятую с приставного столика папку. — Есть такой человек... вот его всеми этими вопросами и озадачим... с него и спрос будет.

— Кто такой? — удивлённо поднял бровь старший майор. — Из наших? Кто же это?

— Да как тебе сказать? — Берия оторвал глаза от текста. — Не совсем, хотя и рядом работает.

— А с опытом у него как? Я вот своих, кто меньше пяти лет этим занимается, так даже и не рассматриваю!

— С четырнадцатого года — хватит?

— Ну... раз так... А звать его как? В каком звании?

Нарком выдрал из папки лист бумаги, свернул его фантиком:

— Александром Ивановичем. А фамилия... ну пусть будет — Гальченко. Спички есть?

— Зажигалка.

— Давай.

Огонёк охватил поставленный на тарелку бумажный конус. Тот задымился, схватился пламенем... и осыпался на неё пеплом.

— Вот так! — подвёл итог Берия. — Давай приказ, подпишу...

...В целях улучшения подготовки личного состава для выполнения особо важных правительственных заданий и для повышения боевого мастерства

ПРИКАЗЫВАЮ

1. Создать при управлении материально-технического снабжения НКВД специальное учебно-боевое подразделение.

2. В дальнейшей переписке именовать указанное подразделение «отдел В1» УМТС НКВД СССР.

3. Начальником отдела назначить старшего майора ГУГБ НКВД СССР Чернова Михаила Николаевича.

4. Начальником оперативно-тактической подготовки назначить тов. Гальченко Александра Ивановича.

5. Присвоить Гальченко Александру Ивановичу, 23 апреля 1893 г.р., русскому, звание майора ГУГБ НКВД СССР.

Народный комиссар внутренних дел СССР

Комиссар государственной безопасности

Берия Л. П.